

Леонид Васильев

**ОБ АРХИТЕКТУРНОМ
НАСЛЕДИИ
КОСТРОМСКОГО КРАЯ**

Кострома, 2008

Васильев, Леонид Сергеевич
Об архитектурном наследии Костромского края.
Кострома, Инфопресс, 2008 г., 300 стр., илл., портр.

В книге собраны работы выдающегося зодчего-реставратора Леонида Сергеевича Васильева (1934–2008), посвященные архитектуре Костромского края и за малыми исключениями ранее не публиковавшиеся. Значительная часть этих работ посвящена реставрации памятников архитектуры, находящихся ныне в плачевном состоянии либо вовсе утраченных, что придаёт изысканиям автора особую ценность.

Для своей работы Л.С. Васильев не только привлекал архивные данные, но и многие десятилетия собирал альбом старинных фотографий, рисунков, чертежей памятников костромской архитектуры. Сознавая уникальность, богатство и большую культурно-познавательную ценность этой коллекции, редакторы включили её в книгу особым разделом.

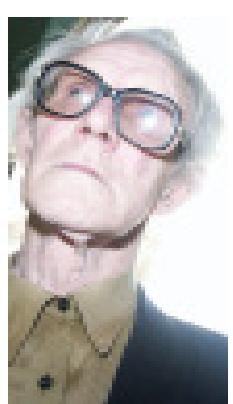
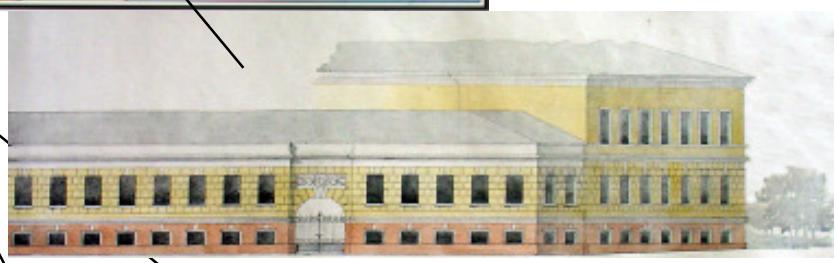
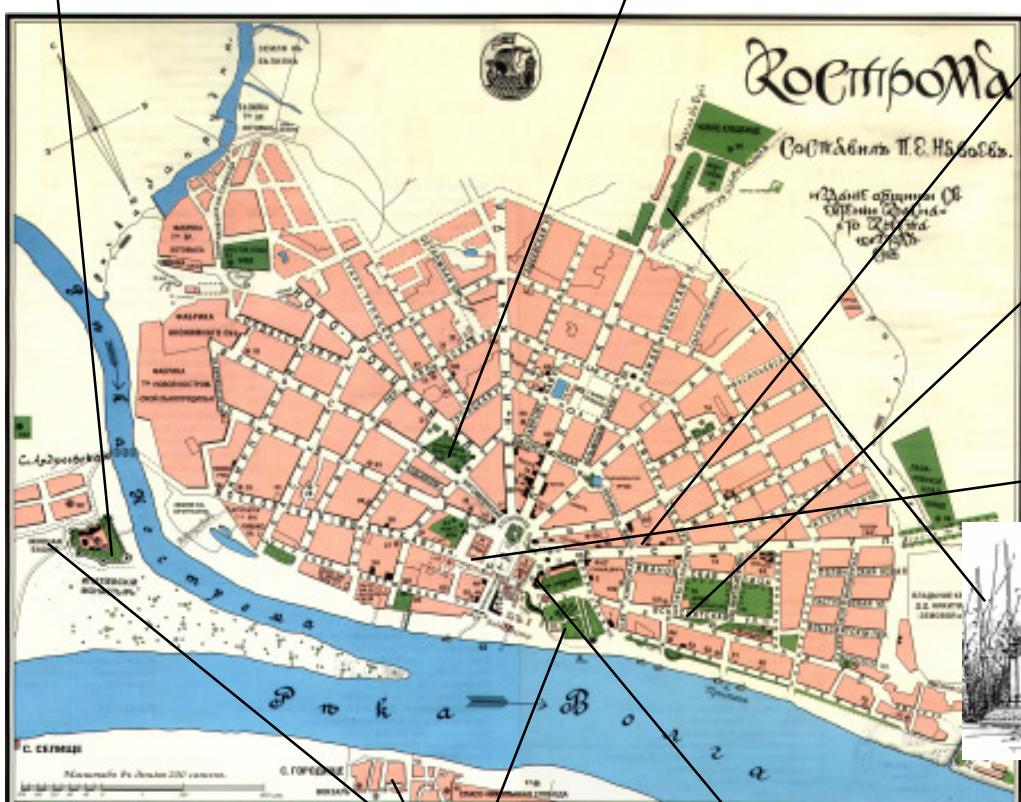
В приложениях дан ряд документов и писем, показывающих, как Л.С. Васильев боролся за спасение и творческое развитие архитектурного наследия предков.

Завершает книгу биографический раздел: очерк Н.А. Зонтикова о жизни, творчестве и подвижничестве Л.С. Васильева, а также специально написанные для этой книги воспоминания его близких, друзей и коллег, проиллюстрированные многочисленными фотографиями и документами из частных архивов.

Издание предназначено для специалистов-архитекторов, студентов, учащихся и будет в равной степени интересно широкой аудитории, краеведам, историкам, туристам.

Скорбя, что автор не дожил до выхода книги в свет, редакторы приложили все усилия, чтобы почтить заслуги и талант Л.С. Васильева книгой-эталоном, достойной его памяти.

I. КОСТРОМА

СУДЬБА АРХИТЕКТУРНОГО НАСЛЕДИЯ КОСТРОМЫ

Среди городов Верхнего Поволжья Кострома занимает одно из ведущих мест – и в силу исторической значимости и как крупный художественный центр, создавший оригинальную и влиятельную архитектурную школу. Основанная в 1152 году, вместе со страной пережившая лихолетье чужеземных набегов, она не раз горела, возрождалась, выгорала вновь, пока не получив в 1784 году регулярную веерную планировку, начавшая становиться каменной. Эпоха классицизма (конец XVIII – первая треть XIX веков) – время архитектурного расцвета Костромы. В это время возник знаменитый административно-торговый центр города – с Торговыми рядами, Каланчой, Гауптвагтой, оформившими Сусанинскую площадь, с лучами радиальных улиц, ориентированных на ее центр. Множество церквей, больших и малых, украшали город и с вертикалями своих колоколен служили ориентирами в перспективе улиц и площадей. Но истинной доминантой древнего города, и градостроительной и художественной, был кремль, обращенный главным фасадом на Волгу. Он стал эмблемой Костромы. Строившийся на протяжении трех столетий (XVI – XIX века), он включал древний Успенский собор (XVI в.) и собор

Богоявленский, построенный гениальным зодчим – Степаном Андреевичем Воротиловым на излете эпохи барокко при переходе к классицизму. Чудом Собора, вызвавшим потрясение уже у современников, была грандиозная и в тоже время изящная колокольня. При своей 30-саженной высоте (64 м.) она стала ориентиром для проплывающих по Волге судов. Вплоть до роковых событий 1917 года, Кострома по праву считалась одним из красивейших городов России. Что произошло дальше? Большинство костромских храмов были разрушены в 1930-е годы. Соборный ансамбль Костромского Кремля варварски взорван в одну из июньских ночей 1934 года. Прошло 70 лет. Многое изменилось. Меняются и люди. В обществе пробуждается чувство за содеянное, желание вернуть былую славу России, ее утраченную красоту. Проект воссоздания ансамбля Костромского Кремля выполнен на рубеже 80-90-х годов XX века на основе чертежей середины XIX века, обмеров 1934 года и многочисленных натурных фотографий начала XX века. Авторами проекта являются архитекторы-реставраторы: Васильев Л.С., Чернов А.П., Нечаев А.П., Матросова Л.П.

Главный архитектор проекта

Е.Н. Ааñеëüåâ

Текст опубликован в Интернете на сайте Фонда возрождения Успенского собора (<http://new-sobor.narod.ru/proekt.html>). Не датирован (судя по тексту, написан в 2004 г.), не озаглавлен. Заглавие предложено редакцией. (Іðèì. ðåä.)

АРХИТЕКТУРНЫЙ АНСАМБЛЬ КОСТРОМСКОГО КРЕМЛЯ

Сердцем Костромы была соборная группа бывшего кремля. Созданная трудом многих поколений костромичей, она зримо воплотила их представления о высоком и прекрасном. В ней – знак духовного достоинства предков, их трудолюбия и таланта. Обращённая к Волге, видимая за десятки вёрст, соборная группа определяла внешнюю панораму города. Её величавая колокольня служила своеобразным маяком для проплывающих судов; кремль был славой Костромы, гордостью её жителей.

Участок, им занимаемый, сравнительно невелик. С юго-запада он ограничен кромкой крутого спуска к Волге, с юга – Малым бульваром (с видовой беседкой в конце), проложенным по верху древнего оборонительного вала. Параллельно ему проходила Ильинская улица (ныне улица Чайковского). С севера в прежние годы была замощённая булыжником аванплощадь – перед главными воротами кремля. В её правом углу, вдоль кремлёвского откоса, вниз к Волге, шел пандус (сохранившийся и поныне). К юго-востоку от аванплощади был тенистый городской парк с Большим бульваром.

Ансамбль кремля включал в себя Успенский собор (XVI – XIX вв.), Богоявленский собор с колокольней (XVII – XIX вв.), два соборных дома (1780-е годы, сохранились) и каменную с коваными звенями ограду с несколькими воротами и калитками (XVIII – XIX вв.). Своебразной красотою из них выделялись так называемые Триумфальные, или Святые ворота, обращённые на аванплощадь (1780-е годы).

По мнению историков, возникновение Костромского кремля на этом месте следует отнести

к началу XV в. Прежде он находился в месте основания города Юрием Долгоруким, на берегу Волги, при впадении в неё речки Сулы. Новопостроенный кремль получил оборонительные деревянные стены с башнями, с тремя проездными воротами. С северной, восточной и южной сторон его окружали рвы и валы. Внутреннее пространство занимали хозяйственные и административные здания и усадьбы наиболее родовитых бояр. Все они были деревянными и не раз становились жертвами пожара. Из культовых построек внутри кремля упоминают Успенский собор и Крестовоздвиженский монастырь, видимо, также поначалу деревянные.

Первый Успенский собор из камня – на подклете, с открытым гульбищем, с одной главой* – условно относят к началу XVI в. Видимо, вскоре он был перестроен, получил традиционное пятиглавие и двухъярусные галереи с трёх сторон. Особенностью этого храма была северная ориентация алтарных апсид (в сторону р. Запрудни, где в XIII в. произошло явление главной святыни Костромского края – Феодоровской иконы Божией Матери). Особый придел в Успенском храме, в честь Феодора Стратилата, был устроен в 1666 г. у его западной стены. Имевший поначалу позакомарное покрытие, в результате многих переделок, храм не раз менял свой облик. Растёсывались окна, менялись оконные наличники, формы глав. При наиболее значительной перестройке, в середине XVIII в., он получил четырёхскатную кровлю четверика и грушевидные маковицы глав (нетрадиционные для русских храмов). В 1835 г. был значительно удлинён Феодоровский придел.

* По другой версии храм первоначально был трёхглавый. (Іðèї. àâð.)

Успенский собор обладал уникальными фресковыми росписями XVII в., располагавшимися не только в интерьере четверика и галерей, но и на фасадах (в полукружиях закомар). Являясь местом пребывания Феодоровской иконы Божией Матери, он хранил бесценные вклады дарителей из княжеских и царских фамилий. Червонным золотом сияли его главы и кресты. Покоем, невозмутимой тишиной веяло от древних стен; десятки поколений костромичей искали, и обретали здесь душевную опору и утешение.

Иным был образ Богоявленского собора. На месте его прежде стоял собор издавна существовавшего здесь Крестовоздвиженского монастыря. Пожар 1773 г., испепеливший весь город, Кремль и его деревянную застройку, погубил и его. Его не стали восстанавливать, решив построить здесь новый, более вместительный и соответствующий новым вкусам. Право на строительство нового кафедрального собора получил подрядчик из посада Большие Соли Степан Андреевич Воротилов (1741 – 1792 гг.). Закладка храма состоялась в 1776 г. Кстати, в том же году в Ипатьевском монастыре были возведены Екатерининские ворота и новый храм Рождества Богородицы – всё в стиле барокко, лишь начинавшего входить в моду в Костроме. Приверженцем этого стиля был и Степан Воротилов.

По бытовавшей традиции, подрядчик, взявшись строить здание, обязан был представить и свой проект, т.е. совмещать в одном лице и архитектора, и инженера, и сметчика, и организатора самого строительства. Он должен был обладать познаниями и в архитектуре, и в смежных с нею искусствах. Воротилов – личность во многом для нас загадочная; где и у кого он учился, нам неизвестно. Судя по многим сохранившимся его постройкам, это мастер переходного времени – от барокко к классицизму. Но, прежде всего – это исконно русский художник, воспитанный на традициях русского зодчества. Построив множество зданий (светских и церковных), он умер в бедности. Добиваясь совершенства, он подчас за свой счёт переделывал уже готовые части своих построек и щедро расплачивался с рабочими. Строителями были его брат и сын.

Акварели и фиксационные чертежи середины XIX в. дают представление о колористическом решении фасадов Богоявленского храма: на голубом фоне стен выделялись элементы ордера и декоративные обрамления проёмов, окрашенные в белый цвет. Золоту крестов и куполов отвечали бесчисленные золочёные вазы, расставлен-

ные по ярусам колокольни и лестницам боковых крылец. Золотыми звездами был усыпан синий купол ротонды. Золотом мерцали циферблаты часов.

Одновременно с собором Воротилов строит дополнительную лестницу в восточную галерею Успенского храма, с дивной по красоте восьмигранной сенью в её начале. Поставив её перед колокольней по его оси, он композиционно объединил оба соборные здания.

Несомненным творением С.А. Воротилова были и Святые ворота в ограде Кремля.

Окончив в 1791 г. работы в Кремле, на следующий год С.А. Воротилов умер, едва переступив порог своего 50-летия.

Шло время, рос город, и Богоявленский храм стал тесен. В 1866 – 1868 гг. по проекту неизвестного нам архитектора он был коренным образом реконструирован, в полтора раза увеличив свою площадь. Возник, по существу, новый храм с огромным молельным залом, пятью полукруглыми апсидами (апсида старого храма была сохранена и стала средней между четырьмя новыми). Был разобран свод, отделяющий храмовое пространство от венчающей ротонды, она стала световой. В свою очередь, это значительно улучшило условия вентиляции храма. Крыльца на боковых фасадах не восстанавливались, и для эвакуационного выхода из храма была сделана закрытая лестница у западной стены основного объёма (к северу от притвора). Хотя силуэт храма существенно не изменился, храм стал более громоздким. К чести автора реконструкции, она была максимально тактична и архитектура добавлений вполне соответствовала подлиннику. Сохранена была даже переходная с перилами дорожка над коньком кровли и кольцевой балкон в основании световой ротонды. К сожалению, при реконструкции погиб первоначальный иконостас и внутренняя мраморная отделка. Новый иконостас нёс все признаки упадка стиля. В те же годы Богоявленский собор получил калориферное отопление.

В 1878 г. в средней части подвального помещения храма был устроен придел в честь преподобного Сергия Радонежского. Придел служил усыпальницей костромских архиереев.

Последней постройкой, завершившей сложение ансамбля бывшего Костромского кремля, стала Царская беседка, построенная в 1912 г. возле Святых ворот ограды к приезду императора Николая II. Изящная, выполненная в стиле неоклассицизма, она сочетала функции выставочного павильона (в ней хранился макет памят-

1. Кострома. Ансамбль Костромского кремля

ника 300-летия Дома Романовых) и видовой площадки. 20 мая 1913 г. рядом с беседкой был заложен и сам монумент (скульптор А.И. Адамсон). Судьба монумента известна: в 1928 г. его гранитный пьедестал увенчала статуя В.И. Ленина.

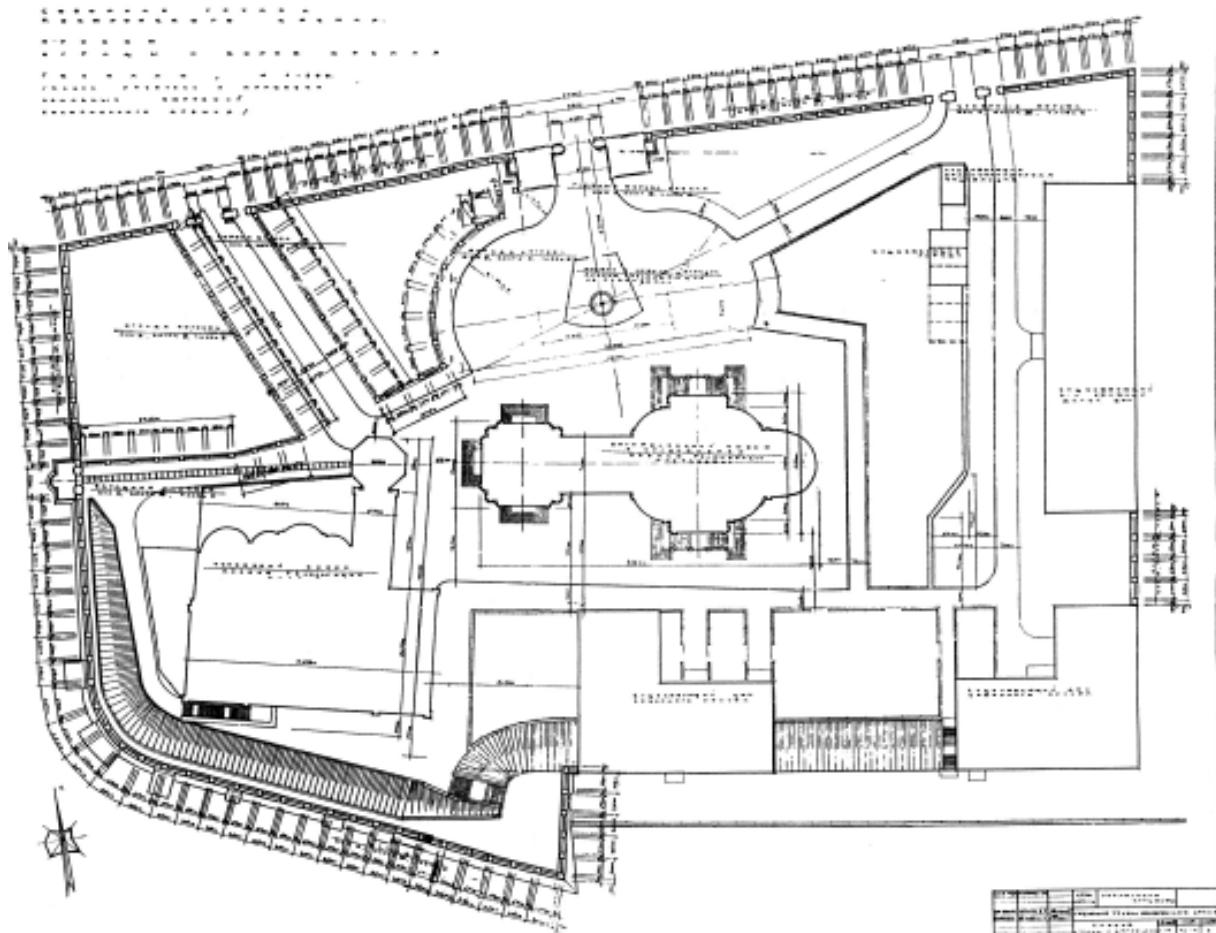
Летом 1934 г. всё, что называлось Костромским кремлём, было взорвано. К настоящему времени подготовлен детальный план воссоздания всех сооружений Кремлевского ансамбля – соборов, ограды с вратами, Царской беседки.

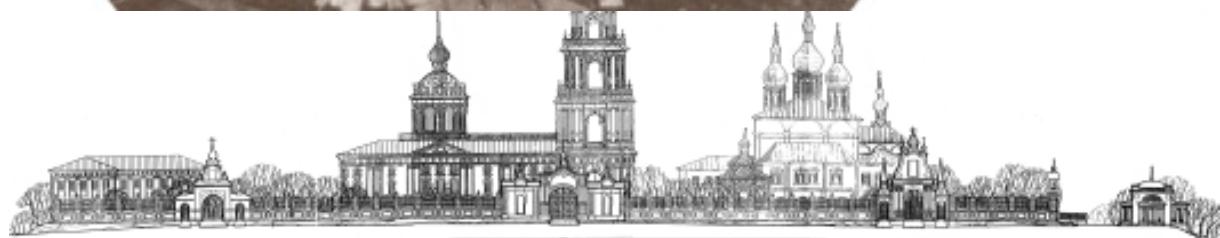
1. Кострома. Аансамбль Костромского кремля

Проект воссоздания Костромского кремля. Генеральный план.

1. Кострома. Ансамбль Костромского кремля

БОГОЯВЛЕНСКИЙ КАФЕДРАЛЬНЫЙ СОБОР КОСТРОМСКОГО КРЕМЛЯ

Кафедральный Богоявленский собор Костромского кремля, построенный Степаном Воротиловым в 1776 - 1791 гг. и просуществовавший до 1934 г., являлся крупнейшим культовым зданием губернского города. По совершенству художественного замысла, соединявшего в себе грандиозность и изящество, он не имел себе равных по всей Волге, давно стал архитектурной эмблемой Костромы, её славой и гордостью. Видная издалека 64-метровая соборная колокольня служила своеобразным ориентиром для проплывавших судов. В ясную погоду с вершины её был виден Ярославль, удалённый на многие десятки вёрст. Вместе со стоящим подле древним Успенским собором и домами соборного причта, также детищами Воротилова, Богоявленский собор образовывал ту архитектурную группу, которую называли Костромским кремлём. Ансамбль дополняла каменная с коваными решётками ограда с несколькими воротами, из коих выделялись главные, так называемые Триумфальные, с северной стороны обращённые к городу, к рядам. Пышные, необычной композиции, построенные одновременно с Богоявленским собором, они заслуживают особого разговора.

Наиболее эффектным был вид на соборный ансамбль с Волги. Примыкающий к ней кремлевский холм (а по существу, это плато) здесь резко обрывается, переходя ниже в пологий берег, плавно подводящий к воде. Крутой, обращённый к реке склон кремлёвской платформы был облицован (и укреплён) высокой, с уклоном, кирпичной выбеленной стеной. Эта белая стена с лентой ограды наверху служила своего рода цоколем-пьедесталом величественному ансамблю, сиявшему белизной стен, золотом куполов, крестов, кованых ваз на ярусах колокольни, лучей «всевидящего ока» на её вершине.

Пояснительная записка к проекту воссоздания Богоявленского кафедрального собора Костромского кремля. Текст датирован 1992 г. // Архив Костромской специализированной научно-реставрационной производственной мастерской (далее – КСНРПМ). Публикуется впервые. (Лёг. д.д.).

Внешнему облику соборов соответствовало великолепие их интерьеров и внутреннего убранства. Фрески XVII в. в Успенском соборе, иконостасы с бесценными иконами и церковной утварью – всё, начиная с 1920-х годов, сначала осквернялось, а затем разламывалось, и выбрасывалось как хлам. Иконы жгли, древние могилы под соборами вскрывали в поисках золота, черепа и кости выкидывали. Вакханалия глумления и вандализма завершилась взрывами, потрясшими спавший город. Сначала взлетел Успенский собор (XVI-XVII вв.) со своими шестью золочёными куполами, уникальными фресками; затем, также ночью, подорвали Богоявленский собор. Взрывали его дважды. При первом взрыве здание устояло – слишком прочной оказалась кладка, рассчитанная на века. Тогда подрывники просверлили изнутри шурфы в несколько ярусов, начинили их аммоналием – и грянул повторный взрыв. Гигантский собор рухнул, образовав гору обломков и щебня, и в окрестных зданиях вылетели стёкла. Так происходили «славные» деяния тогдашних отцов города и их идейных вдохновителей по очищению народного сознания от «религиозного дурмана», приготовления его к царству «светлого коммунистического будущего».

Сохранились в истории и имена двух молодых московских художников – Чудакова и Чижова. Также накануне взрыва соборного ансамбля они приехали в Кострому, и за несколько дней, пусть наспех, не полно и с ошибками, но обмерили и Успенский, и Богоявленский соборы. Не было лесов, и они использовали лестницы-стремянки подрывников, с которыми те пробивали шурфы и закладывали взрывчатку.

Заслуга двух этих молодых людей неоценима – они сделали единственный за всю историю зданий их обмер. Обмерные чертежи кремлёвских соборов хранятся в отделе графического фонда Государственного музея истории архитектуры им. А.В. Щусева в Москве в Донском монастыре. Обмерные выцветшие от времени листы выполнены карандашом. К ним приложены кро-

2. Кострома. Богоявленский кафедральный собор Костромского кремля

ки. К сожалению, эти молодые люди не успели, а может, и не имели возможности провести детальную фотофиксацию соборов. В фондах музея есть много фотографий, разной степени качества, но дают они лишь общее представление о зданиях, ибо сняты с известного удаления от них.

Говоря о дошедших до нас фотографических изображениях Костромского кремля (помимо Донской коллекции), следует упомянуть фотоматериалы из фондов Костромского историко-архитектурного музея-заповедника, и единственный в своём роде снимок соборной колокольни, сделанный с запада, с близкой точки; негатив его хранится в Государственном историческом музее (ГИМ) в Москве. В том же ГИМе хранится великолепно исполненная картина, изображающая Костромской кремль со стороны Волги, в лучах вечерающего дня, на фоне тёмно-голубого неба. Работа выполнена маслом и принадлежит кисти художника Н. Шмидта. В добротной реалистической манере изображены на ней соборная колокольня и Успенский собор, сияющие белизной стен и золотом куполов. Картина дает представление о полихромии закомар и шеек глав на древнем соборе.

Картина Н. Шмидта датируется началом XX в., когда Богоявленский собор, его фасады, были чисто белыми. Вопрос о первоначальной покраске фасадов храма пока не ясен, несомненно, однако, она была задумана иной.

Обращаясь к дошедшим до нас старым чертежам Богоявленского собора, следует назвать, прежде всего, план и фасад, выполненные в начале прошлого века большесольским купцом, столярных и резных дел мастером, Константином Яковлевичем Трубниковым – земляком Степана Воротилова. Сравнивая эти чертежи с их натурным осуществлением, нетрудно заметить, что они не фиксационные, что Трубников скопировал один из авторских вариантов собора. При общем сходстве чертежа и осуществлённого здания бросается в глаза несоответствие ордеров во втором ярусе колокольни (коринфский в чертеже – ионический в натуре), рисунка люкарн в куполе над собственно собором. Обращают на себя внимание широкие, лишённые перил лестницы в основании колокольни, в натуре, ради удобства прихожан, получившие перильные ограждения. Здание изображено в тот период, когда оно сохраняло задуманную автором объёмно-композиционную структуру и состояло из сравнительно компактного объёма самого храма – с единственной полукруглой апсидой, с двумя двусторонни-

ми лестницами на боковых фасадах – и соединяющего храм и колокольню двусветного перехода. Чертежи эти хранятся в Москве в Музее архитектуры им. А.В. Щусева.

Два других чертежа – фасад и план – относятся к 50 – 60-м гг. XIX в. Первый из них – северный фасад, тонко обведённый тушью и слегка подкрашенный акварелью, выполнен, судя по подписи, губернским архитектором Григорьевым. Он работал в Костроме, по крайней мере, в начале 1850-х годов и среди разнообразных работ спроектировал в 1851 г. западную галерею звонницы Ипатьевского монастыря. Графика проектного чертежа галереи, хранившегося в Государственном архиве Костромской области (ГАКО), полностью соответствует рассматриваемому чертежу собора. На чертеже заголовок: «Фасад Костромского кафедрального Богоявленского собора в существующем виде». Ниже: «Чертеж сей был принят в руководство при рассмотрении в Департаменте проектов и смет вместе с ним составленных чертежей 11 февраля 1864 года».

Возникают два предположения:

1. Чертёж сделан десятилетием раньше и в 1864 г. был представлен в Департамент в предположении грядущих переделок;
2. Чертеж выполнен в 1864 г. перед представлением в департамент.

Несколько слов об этом чертеже. Он выполнен несравненно профессиональнее, нежели чертёж К.Я. Трубникова, и ближе к натурному воплощению здания. Примечательно: на боковом фасаде собора отсутствует двухмаршевая лестница, показанная на чертеже начала XIX в. Обращает внимание великолепная прорисовка карнизных профилей, вполне в характере елизаветинского барокко. И всё же, при всём совершенстве чертежа, вызывает недоумение трактовка ордера во втором ярусе колокольни. Как и на чертеже Трубникова, он показан коринфским. Что это – невнимательность архитектора к стоявшей рядом натуре или сознательное следование лежавшему перед ним авторскому чертежу? В пользу этого предположения свидетельствует показанная на чертеже, но отсутствующая в натуре, обработка поля вокруг арок в 4-м ярусе колокольни в виде диагональных ромбов (приём, известный из рококо). Об этом же говорит иной характер кованых золочёных вазонов, расставленных по ярусам колокольни, характер кованых решёток на кровле собора и частично на колокольне. Большой, нежели в натуре, элегантностью отличаются изображённые пиластры в ниж-

нем ярусе колокольни и, соответственно, на фасадах самого собора. Лестницы в основании колокольни имеют перильные, ампирного характера, ограждения.

Обратимся к плану этого времени. Он подписан архитектором Сергеем Садовниковым и несёт на себе следы двух этапов работы. Первый этап – это тщательно выполненный фиксационный план собора, каким он был на середину XIX в. Он обведён тушью и легко иллюминирован бледной акварелью (крапп-лак). На плане собора, как и на фасадном чертеже Григорьева, отсутствуют боковые лестницы. Второй этап: на фиксационный чертёж нанесены проектные предложения по расширению, по существу коренной реконструкции, здания. План новых частей (выполнен другой рукой и в более грубой манере) залит чёрной краской. Из плохо читаемой надписи явствует, что 5 июня 1866 г. план был рассмотрен в губернском строительном отделении. В левом верхнем углу чертежа стоит благословляющая виза епископа Костромского и Галичского Платона (Фивейского).

Итак, в середине 1860-х годов городские и духовные власти Костромы решили расширить кафедральный Богоявленский собор Кремля. Какова предыстория этой проблемы? Для этого нам придётся вернуться вспять, к моменту начала строительства самого здания и попутно коснуться его стилистического генезиса.

К 1776 г., три года спустя после опустошительного пожара – начисто уничтожившего старый город, его средневековую планировку и деревянную застройку, деревянные стены Кремля, – была ясно осознана необходимость коренной реконструкции и самого города, и его духовно-религиозного центра. В 1784 г. Кострома получила свой знаменитый веерный план, высочайше утверждённый, который на многие десятилетия определил её дальнейшую застройку. Что касается территории Кремля, то, сохранив с некоторыми изменениями уцелевшей от гибели древней Успенский собор, главную городскую святыню, рядом с ним на месте сгоревшей церкви Кресто-воздвиженского монастыря костромичи решили построить новый храм. Этот храм должен был принять на себя функцию кафедрального, быть более вместительным, нежели Успенский, и своими размерами и высотой соответствовать духу времени, и возросшему экономическому значению города. В 1776 г. в северной стене Ипатьевского монастыря устроены были Екатерининские ворота, сделанные по образцу Петровских врат

Петропавловской крепости. Построить их мог мастер, владевший приёмами барокко и знакомый со столичной архитектурой. Если учесть, что наиболее авторитетным местным зодчим в Костроме этого времени был Степан Воротилов, вполне можно предположить, что для выполнения этого ответственного задания привлечён мог быть именно он.

Итак, Степану Воротилову, подрядчику из посада Большие Соли Костромского уезда Костромской губернии, выпала честь стать строителем кафедрального губернского собора. По бытавшей с древних времён традиции, подрядчик, бравшийся строить здание, обязан был представить и свой архитектурный проект, т.е. совмещать в одном лице и архитектора, и инженера, и сметчика, и организатора самого строительства. Человек, бравшийся за подобное дело, помимо чисто строительного и организационного опыта, должен был располагать познаниями и в архитектуре, и в смежных с ней искусствах. Степан Воротилов – личность во многом для нас легендарная; где и у кого он учился, нам неизвестно. Судя по определённо приписываемым ему работам – Пряничному двору в Костроме (ныне Красные ряды) и Большими Мучными рядами, – это мастер раннего классицизма. И пусть в основе проекта этих зданий лежит проект Карла Клерса, губернского архитектора из Владимира, – трактовка зданий, постановка над Красными рядами колокольни церкви Спаса (вызвавшая протест Клерса) вполне самобытны и рисуют Воротилова как яркого архитектора-градостроителя. Но это его поздние создания. Если же обратиться к более раннему по времени проекту кафедрального Богоявленского собора, с его необычайной композицией, далеко превосходящей всё создаваемое окрест в это время, то невольно задашься вопросом: как в голове, пусть в высшей степени одарённого, но провинциала мог возникнуть столь вдохновенно-прекрасный образ? Ведь ничего подобного вокруг он не мог видеть.

Ответ на это даёт первый вариант проекта Новодевичьего Смольного монастыря в Петербурге, выполненный Ф.-Б. Растрелли в 1747 – 1748 гг., в 1749 г. отвергнутый императрицей и хранящийся в библиотеке музея «Альбертина» в Вене (проект был обнаружен петербургским искусствоведом Ю.М. Даниловым)*. В нём ключ к разгадке прообраза костромского кремлёвского собора. Совершенно очевидно, что блестательный проект Растрелли произвёл неизгладимое впечатление на Степана Воротилова, увидевшего

2. Кострома. Богоявленский кафедральный собор Костромского кремля

его – где? Скорее всего, в Петербурге, ибо системы высочайше апробированных проектов, рассылаемых в виде гравированных альбомов по губернским городам России, в те годы ещё не было. За исключением некоторых деталей – более развитого по горизонтали нижнего яруса, разорванных лучковых фронтонов и пр., – сходство с Воротиловским проектом здесь полное.

И именно в столичном проекте, выполненном ведущим мастером барокко, мы видим то сужающееся кверху завершение, с люкарной и шпилем, что применено Воротиловым, что он повторил и в других храмах – в колокольнях церкви Петра и Павла и церкви Иоанна Предтечи в Костроме, в церкви села Левашова. Этот тип колокольни, очевидно, произвёл столь сильное впечатление на современников, что был повторен в Рыбинске в Спасо-Преображенском соборе и в церкви села Яковлевского под Кострой.

Сравнивая костромскую колокольню с проектом Растрелли, тем не менее, следует отметить, что, при всем влиянии барокко, она более классична и в характере ордеров, и в прорисовке карнизов следует правилам раннего классицизма, образуя с ним некий художественно осмысленный сплав.

Что представлял собою Костромской кафедральный собор в первоначальном виде? Схема его традиционна. Основной поднятый на подклет объём храма с большой полуциркульной апсидой с востока и купольной ротондой наверху (вполне в традиции барокко) окружён криволинейными стенами. С севера и юга эти стены спрямлены, и к устроенным здесь дверям приставлены крыльца с двусторонними лестницами. Ротонда, завершающая эту часть храма, опирается посредством сводов на четыре мощных столба, раскрепованных и оформленных коринфским ордером в виде спаренных пилasters, соответствующей цокольной частью и антаблементом. Интерьер храма освещался двусветными окнами, с характерными для середины XVIII в. наличниками, близкими к почерку Растрелли. Что касается ротонды с её прихотливо очерченным куполом и луковичной главой, то, вопреки первому впечатлению, она отнюдь не освещала храм, а была отделена от него сводом. Здесь размещалась церковная библиотека, а может, и ризница, и попадали сюда по окаймлённому коваными перилами мостику, начинавшемуся с уровня 2-го яруса колокольни,

* Знакомством с этим проектом автор обязан архитектору И.Ш. Шевелёву, располагавшему фотокопией чертежа. (Їðєї. аâð.)

шедшему по коньку кровли и вокруг ротонды и образующему кольцевую площадку. Приём этот, весьма необычный, повторён был в Знаменской церкви на Дебре, перестроенной в конце XVIII в., весьма вероятно, тем же Воротиловым. И композиция, и барочная трактовка ротонды, возведённой тогда над древним четвериком этого храма, чрезвычайно близка Богоявленскому собору.

Трапезной как таковой у кафедрального собора не было. Её, как связующее звено между основным объёмом и колокольней, заменял притвор с тремя двусветными окнами на каждой из двух сторон, высотой и ордерной трактовкой фасада, как и на основном объёме. Подклет был и здесь.

Главной, безраздельно доминирующей частью Богоявленского собора была его колокольня. Примат величавой красоты, требований художественности, осознание градостроительной значительности здания над требованиями утилитарности – всё, что столь характерно для эпохи взлёта искусств – наглядно видны в ансамбле Костромского кремля. И если Богоявленский собор, и собор Успенский, и дома соборного причта (два построенных из задуманных четырёх) – все они служили подножием величественной колокольне, самому высокому и прекраснейшему зданию Костромы.

Квадратная в плане колокольня имела четыре яруса. Место пятого яруса занимало побарочному очерченное завершение, сужающееся кверху и переходящее в восьмигранный позолоченный купол, посредством перехватов переходящий, в свою очередь, в разновидность луковичной главы, скорее напоминающей шпиль, и также вызолоченную.

Большие циферблаты часов с курантами украшали четыре стороны пятого яруса. Ультрамариновый тон циферблотов оттенял золото римских накладных цифр и фигурных стрелок. Общая высота колокольни достигала 64 метра. Она в два раза превышала построенную позднее на Сусанинской площади пожарную каланчу.

Нижний ярус соборной колокольни с трёхсторонними лестницами в основании, наиболее строгий по трактовке, был решён в римско-дорическом ордере. Тот же ордер, поднятый над цокольным этажом – в виде пилasters и сложно раскрепованного антаблемента, – обнимал и фасады самого храма. Сочными пятнами на фоне монументального ордера выделялись пышные картуши над арками входа и во фронтонах, над боковыми крыльцами основного объёма. Головки херувимов с крыльями украшали замковые

камни над верхними окнами фасадов. Пластика нижнего яруса дополнялась сплошным рустом, между пилонами колокольни, и цепным рустом на основном объёме храма.

С движением вверх массы колокольни облегчались, становясь всё воздушней. Второй ярус был уже ионическим. Сквозной, с широкими арками объём был окружён хороводом стройных колонн – с соответствующими им пилонами на стене. Колонны, группируясь попарно по сторонам арки – со сложными постаментами и раскрепованным антаблементом на углах яруса, завершались одиноко стоящими колоннами, легко рисующимися на фоне неба.

Третий ярус, решённый в композитном ордере – с каннелюрованными колоннами, был замечателен строгим великолепием. Шестнадцать его колонн, попарно сгруппированных по сторонам арок, были тесно приставлены к стенам, сообщая всему ощущение энергии, свойственное римским храмам.

Четвёртый, несколько облегчённый по высоте ярус, с более узким силуэтом, служил переходом к барочному завершению колокольни. Особенность его в том, что его колонны, также попарно сгруппированные, наполовину гладкие, на половину каннелюрованные, несут антаблемент с разорванными треугольными фронтонами. Как и в 3-м ярусе, ордер здесь композитный. Замечательно завершение арки яруса. Оно выполнено в стиле барокко и вполне соответствует прихотливому характеру верхней части колокольни.

Ощущению праздничности в облике здания соответствовали позолоченные кованые вазоны, расставленные на парапетах 3-го и 4-го ярусов и в основании купола над часами, а также треугольник «всевидящего ока» с исходящими из него лучами, вызолоченными червонным золотом.

Был ли собор белым или, как принято было в XVIII в., имел двойную расколеровку (белые детали по цветному фону) – нам неизвестно.

Итак, Богоявленский собор был построен и в таком видеостоял около 80 лет. Причиной, побудившей ук его перестройке, стало, по-видимому, то, что с ростом населения он стал тесен и с трудом поддавался проветриванию. Ротонда с окнами над храмовым помещением была отделена от него сводом. Были случаи – и об этом сообщали «Костромские губернские ведомости», – когда, вследствие давки и духоты, прихожане лишались сознания и их выносили из помещения.

По-видимому, в начале 1870-х годов начались работы по расширению и реконструк-

ции храма. Автор проекта перестройки пока не известен. По существу, им было построено новое здание. От старого остались: внутренние опорные столбы с ротондой над ними, алтарная апсида да притвор перед колокольней. Всё остальное было сломано. Вместо одноапсидного храма возник пятиапсидный, гораздо обширнее, нежели прежде. Ротонда библиотеки над зданием, прежде отсечённая от внутреннего пространства храма, после разборки свода между ними стала световой. Это сразу улучшило условия и освещения, и вентиляции.

Надо отметить художественный тракт архитектора. Построенные им новые части здания выполнены с уважением к творению С.А. Воротилова, с применением архитектурных приёмов XVIII в. В целом удалось добиться неплохой стилизации, правда, за счёт большей грузности объёмов и сухости форм. С западной стороны основного объёма храма, в её северной части, был пристроен дополнительный эвакуационный выход, явно чужеродный по формам.

С утратой соборного ансамбля на кремлёвском холме Кострома лишилась своего композиционного центра, высотной доминанты и обратилась, при взгляде с Волги, в аморфно-безликое нагромождение разностильных зданий. Утрачены и почти все церкви, прежде оживлявшие силуэт города. Пожарная каланча, прекрасная сама по себе, с Волги не видна, она «работает» на внутренние улицы и Сусанинскую площадь. Не просматриваются с Волги купола Богоявленско-Анастасьевского монастыря. Колокольня же церкви Спаса в рядах, при своей относительной малости, не в состоянии объединить вокруг себя городскую панораму. Это было «под силу» лишь Богоявленскому кафедральному собору Кремля. И поэтому он не заменим. Без него нет Костромы как исторического, художественно цельного города.

Именно наше поколение, ещё заставшее живых свидетелей былого величия Костромы, бывавших в уже уничтоженных храмах, обязано, пусть по крохам, собрать все сведения, найти обмеры (если они есть), найти старые фотографии и попытаться сделать графическую реконструкцию уничтоженных памятников зодчества. Это нужно и для истории русской архитектуры, и как исходный материал для воссоздания в натуре наиболее ценных из них (что бы ни говорили буквальды от искусствоведения, зашоренные в представлениях о недопустимости «новоделов»). Прежде всего, это относится к соборному ансамблю Костромского кремля.

2. Кострома. Богоявленский кафедральный собор Костромского кремля

Этот гипотетический проект кремлёвского ансамбля должен включать генплан участка, проект ограды и всех ворот, включая Триумфальные. Соборные здания ансамбля, прошедшие сквозь века и носившие на себе следы различных строительных эпох – свидетельства их возраста – должны, как правило, восстанавливаться на последний этап своего существования. Исключения должны касаться деталей (например, порталов Успенского собора, обнаживших свою первоначальную структуру в момент взрыва, о чём свидетельствуют фотографии). В том же направлении, как нам представляется, должна идти и реконструкция Богоявленского собора. И экономически, и эстетически представляется наиболее правомерным воссоздание его в габаритах и формах авторского варианта, более компактного, изящного и более дешёвого в ис-

полнении. Именно этот путь и был выбран при составлении предлагаемого проекта.

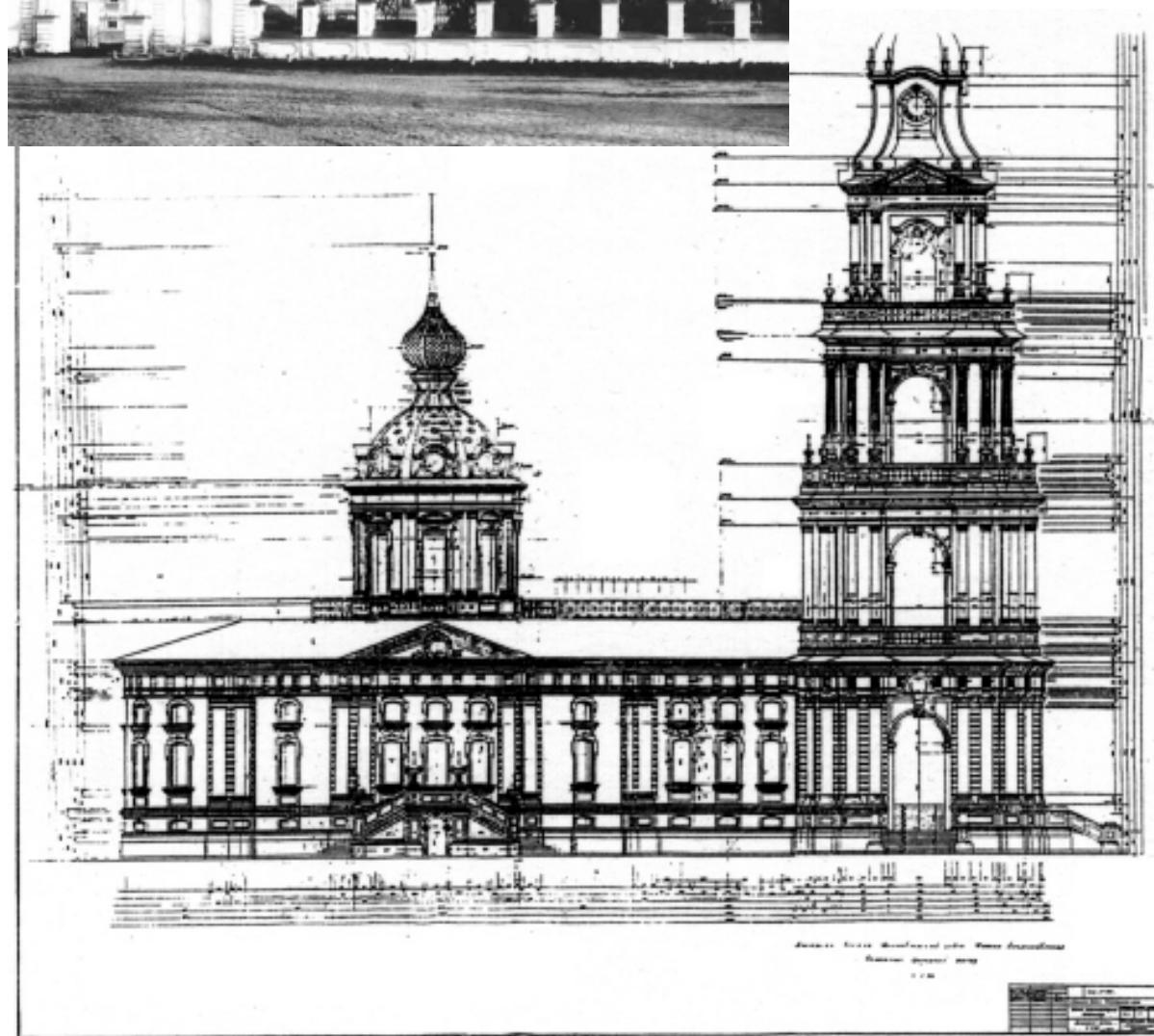
Проект подготавливался в течение нескольких лет. Ему предшествовал сбор графических материалов и фотографий в московских и петербургских музеях, опрос очевидцев и внимательное сопоставление чертежей – и обмерных, выполненных перед взрывом собора, и чертежей XIX в. Во многом они были не точны и противоречивы. Критерием истины в этом были натурные фотографии, снятые с разных уровней, с разных точек удаления. И всегда корректирующим началом была та система мер, что применялась строителями старых времён.

Проект условно называется эскизным. Но по существу, по степени разработки он приближается к рабочему, пусть пока неполному. Наша цель – облегчить работу будущим реставраторам.

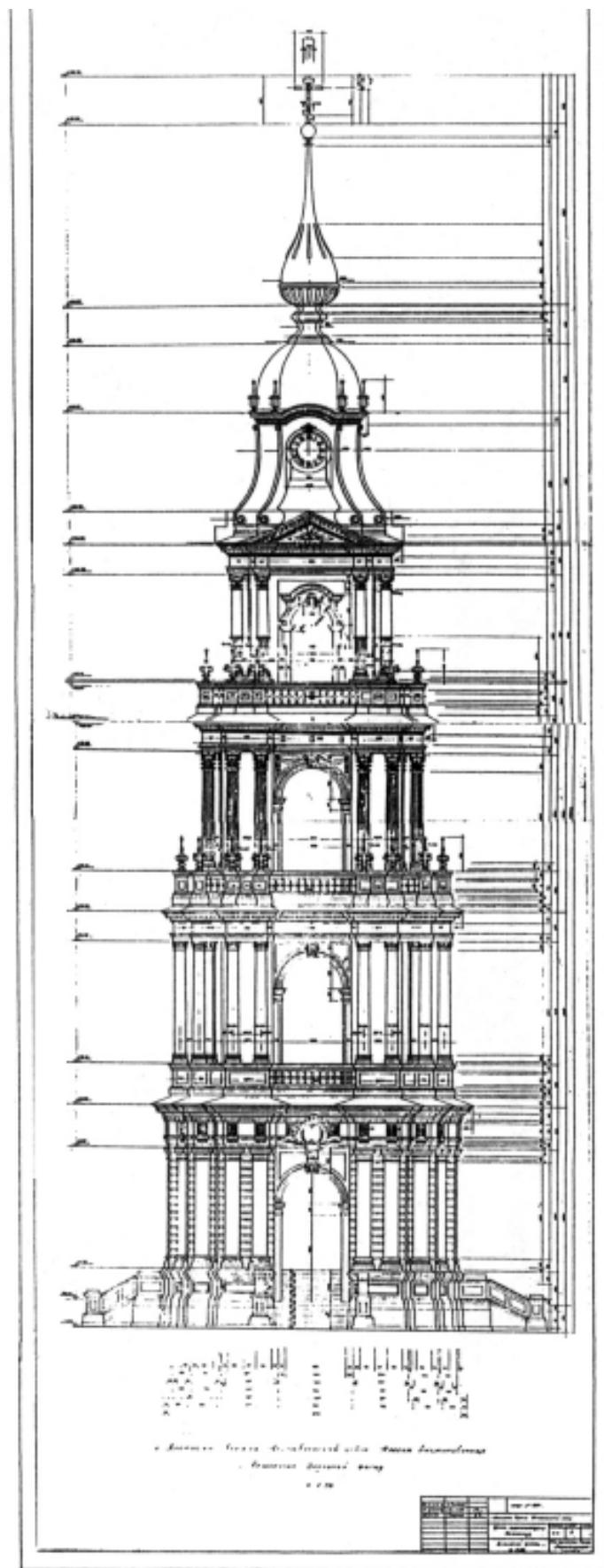

2. Кострома. Богоявленский кафедральный собор Костромского кремля

*Проект воссоздания Костромского кремля.
Богоявленский собор. Вид с севера.*

Проект воссоздания Костромского кремля.
Колокольня Богоявленского собора. Вид с запада.

2. Кострома. Богоявленский кафедральный собор Костромского кремля

Кострома

Общий видъ

Л.С. Васильев, Н.А. Зонтиков

ПРАВИЛЬНО ЛИ МЫ ДАТИРУЕМ ТРОИЦКИЙ СОБОР ИПАТЬЕВСКОГО МОНАСТЫРЯ?

На 2002 год в музее-заповеднике намечено отметить 350-летие одного из главных храмов нашего края – Троицкого собора Ипатьевского монастыря. Традиционно считается, что собор, который мы видим ныне, был построен в 1650-1652 годах на месте более старого каменного храма, воздвигнутого боярами Годуновыми почти на век раньше. Однако целый ряд данных позволяет изменить эту точку зрения.

Как известно, первый каменный Троицкий собор в Ипатьевском монастыре был возведен Годуновыми взамен деревянного во 2-й половине 50-х годов XVI века: впервые храм упоминается как уже существующий в 1560 году, почему его обычно условно датируют этим годом. Именно в его стенах 14 марта 1613 года произошло важнейшее историческое событие, подвешенное черту под трагической эпохой Смутного времени, - провозглашение царем Михаила Феodorовича Романова. Вскоре после 1613 года (вероятно, уже к концу 10-х годов XVII века) к Троицкому собору с юга был пристроен придельный храм во имя преподобного Михаила Малеина – небесного покровителя основателя династии Романовых. 29 января 1649 года в результате взрыва пороха, хранившегося в подклете, собор очень сильно пострадал: внутрь храма рухнули центральная глава и часть сводов, была полностью разрушена восточная (алтарная) стена. Считается, что в 1650-1652 гг. полуразрушенный храм разобрали, а на его местеозвели новое соборное здание. Однако представляется более верным считать, что в 1650-

1652 гг. произошло не строительство нового храма, а восстановление старого, при котором значительная часть прежнего собора была включена в новое здание. Во-первых, в основном сохранились подклеты (подвальная часть) храма – это показали шурфы, заложенные в 1911-1912 гг. во время реставрации собора к юбилею 800-летия династии Романовых. Во-вторых, практически полностью уцелел придельный храм преподобного Михаила Малеина. Как говорится в одном из документов, при взрыве у придельного храма только «верхняго своду немного проломило». В-третьих, от первоначального каменного храма сохранились обитые медью и расписанные золотом по черному фону двухстворчатые двери северного, южного и западного порталов (эти двери пострадали при взрыве, но, видимо, относительно немного). А главное – сами эти три портала архаичны по стилю и явно относятся ко 2-й половине XVI века. Следовательно, мастера, восстанавливавшие в 1650-1652 гг. Троицкий собор, включили в новое здание подклеты, придельный храм преподобного Михаила Малеина и значительную часть стен первоначального годуновского храма. Думается, что в нынешнем соборе «довзрывной» храм занимает не менее 30-40 процентов всего объема здания (более точную цифру можно получить только при проведении дополнительных археологических раскопок и архитектурных зондажей). Всё это дает нам возможность пересмотреть традиционную датировку Троицкого собора, как построенного в 1650-1652 гг., и позволяет более точно датировать храм XVI-XVII веками, т.е. отнести время его сооружения к 1560-1652 годам.

Опубликовано в газете «Северная правда», 11 октября 2001 г., стр. 8 (їðèì. ðåä.)

3. Кострома. Церковь Рождества Богородицы в Ипатьевском монастыре

Но что дает нам практически это уточнение истории строительства существующего здания Троицкого собора? Имеющиеся данные, до сих пор не привлекавшие внимания исследователей, со всей непреложностью убеждают в том, что собор, который мы видим, в своих основных частях есть собор XVI века и его камни – свидетели того знаменательного события 14 марта 1613 года, с которого началась новая глава в истории России. В этом отношении Троицкий собор можно сравнить, например, с храмом Святой Софии в Киеве, в котором после боль-

ших перестроек в XVII веке от первоначального здания XI века также осталось, наверно, чуть больше 40 процентов объема нынешнего храма, что не мешает относить его к XI веку. Следовательно, намеченное на 2002 год празднование 350-летия Троицкого собора правильнее отметить как 350-летие его восстановления. А в 2010 году можно будет по праву отметить 450-летие возведения каменного Троицкого собора, что, безусловно, будет иметь большое культурное, патриотическое, общегосударственное и общецерковное значение.

ЦЕРКОВЬ РОЖДЕСТВА БОГОРОДИЦЫ В ИПАТЬЕВСКОМ МОНАСТЫРЕ

Среди многих зданий, формировавших в течение столетий облик Ипатьевского монастыря, но давно исчезнувших, есть одно, заставляющее вспомнить о себе именно сейчас, когда церковная жизнь в России входит понемногу в законное русло и культовые здания и монастырские комплексы, хотя и с трудом, но возвращаются к своему создателю и законному владельцу – Русской Православной Церкви. Это церковь Рождества Богородицы.

Интерес к ней отнюдь не академический. Он продиктован насущными требованиями дня нынешнего.

С передачей Ипатьевского монастыря Костромской епархии, пусть пока неполной, возникает настоятельная потребность иметь в нём постоянно, ежедневно действующий храм. Троицкий собор монастыря, великолепный и поместительный, мало пригоден для этого, ибо рассчитан на особо торжественные богослужения. К тому же это храм-музей, его интерьер с уникальными фресками требует особо бережного отношения.

Где выход? Церковь святого Лазаря, помещающаяся в южной части соборного подклета и «милостиво» дарованная епархии, ничтожно мала и крайне неудобна. К тому же, устроенная в 1879 г. над захоронениями костромских архиереев, она всегда использовалась исключительно для заупокойных служб.

Местом для служб повседневных в Ипатьевском монастыре всегда была церковь Рождества Богородицы – относительно небольшой тёплый храм, стоявший у юго-западного угла Троицкого собора и переходом с ним сообщавшийся. Сейчас его нет. Несомненно, он должен быть восстановлен.

Но как, в каком виде? Дело в том, что в Ипатьевском монастыре было, по крайней мере,

четыре Рождественских храма, последовательно сменявших друг друга.

Первый из них относится к тем трудно прослеживаемым временам, когда монастырь, его стены и внутренние постройки были деревянными. Деревянным был и храм Рождества Богородицы. В 1558 – 1559 гг. одновременно со строительством первого каменного Троицкого собора рядом с ним был построен каменный, меньший, Рождественский храм. Некоторое представление о его внешнем виде дает известный рисунок первой половины XVIII в., в весьма условной манере изображающий Ипатьевский монастырь с птичьего полёта, со стороны реки Костромы.

Как и Троицкий собор, Рождественская церковь имела пять луковичных глав, четырёхскатную кровлю и трёхчастные апсиды.

Иными сведениями об этом здании мы не располагаем, ибо его снесли в середине XVIII в. Причины нам неизвестны. Возможно, он стал тесен и набором помещений не соответствовал новым требованиям. Вероятно появление на нем трещин («ветхостей»). Думается, всё же главной причиной стало резкое изменение художественных вкусов в русском обществе той поры, переориентация их на европейские образцы.

Середина XVIII в., а также вторая его половина, совпавшие с царствованием Елизаветы Петровны и Екатерины II, в провинции были ознаменованы появлением нового архитектурного течения – «русского барокко». Консерватизм жизненного уклада внутренних областей России, следование заветам старины обычно приводили к тому, что архитектурные веяния из столицы достигали их через 20 - 30 лет, получая, правда, при этом не лишённую обаяния, а подчас и курьёзности, интерпретацию. Так было и с Костромой.

В 1767 г., в ряду других поволжских городов, она была удостоена посещения императрицы Екатерины. К приезду её, заранее назначенному, Ипатьевский монастырь в духе вре-

Печатается по тексту, опубл. в альманахе «Светоч», Кострома, 1996, с. 54-56. (Ю.Ю. Ю.Ю.)

мени украсился новыми, Екатерининскими воротами, пробитыми в северной монастырской стене и сделанными по образцу Петровских ворот петербургской Петропавловской крепости. Одновременно внутри монастыря, строго по оси новых ворот, был построен храм Рождества Богородицы, зрительно замкнувший пространство между Троицким собором и звонницей. Построен он был на месте снесённого храма XVI в.

Как выглядел этот, третий по счёту, Рождественский храм? Мы располагаем довольно детальными его чертежами из архива Синода, фиксирующими состояние и вид здания в интервале 30 – 50 гг. XIX в. Сохранились и натурные рисунки Н. Чернецова 1838 г. с видами Ипатьевского монастыря.

Судя по этим документам, новый Рождественский храм, стилистически перекликавшийся с Екатерининскими воротами, представлял собою каменное двухэтажное здание, вытянутое по оси запад – восток и состоявшее из сводчатого подклета и основного этажа с плоским деревянным перекрытием. В принципе, оно служило как бы продолжением галерей Троицкого собора, хотя непосредственно и не примыкало к нему. «Буферной зоной» была квадратная в плане площадка, ныне составляющая юго-западный угол соборной галереи. Первоначально она была открытой, но во 2-й половине XIX в. включена в контур галереи, получив наружные стены с декором, примерно соответствующим древним образцам.

Главным фасадом нового храма был северный. Здесь, в основании основного этажа, проходила терраса на аркаде с широкой парадной лестницей в центре. Предназначенная для крестовых ходов, к востоку она входила в упомянутый «выгрыз» соборной галереи и отсюда посредством лестницы с поворотом сообщалась с землёй у прямоугольного алтаря храма.

Основной этаж здания с выступающим ризалитом-тамбуром по оси главного фасада был обработан пилястрами и имел развитой антаблемент. Высокие арочные окна украшали нарядные наличники с лучковым завершением. Весь строй архитектуры фасада смутно напоминал образ Китайского дворца в Ораниенбауме (хотя о прямой преемственности между ними мы говорить не вправе). Венчала храм двускатная железная кровля и декоративное навершие по главной оси. Оно имело вид глухой ротонды, переходившей в прихотливо очерченный купол, и крупную луковичную главу с крестом. К западному торцу Рождественского храма, первоначально открыто-

му, в 1838 г. был добавлен двухэтажный объём трапезной с кухней. Его фасады, выполненные в стиле барокко, органично слились с фасадами Рождественского храма. Нарядный же интерьер, в духе времени, был выполнен в стиле классицизма. Автором этого незаурядного здания, также, к сожалению, не сохранившегося, оказался... «ученик Костромской духовной семинарии Высшего отделения Иван Краснухин». Россия не оскудевала талантами.

К западу от трапезной вплоть до корпуса с одностолпной палатой (относящегося к концу XVI в.) в ту пору, а также до 60-х годов XIX в. было пустое пространство. Впоследствии здесь возник свечной корпус, построенный по проекту К.А. Тона. Он занял место и трапезной, и, частично, Рождественского храма.

Говоря об интерьере храма, нельзя не упомянуть о двойной ионической колоннаде, делившей церковный зал на три нефа, и о накатных деревянных потолках. Они были сделаны при ремонте 1820 года.

Кто был автор Рождественского храма и Екатерининских ворот (их временная и стилистическая связь очевидна)? Мы этого не знаем. Скорее всего, это был мастер петербургской школы, достаточно искусшённый в современных ему архитектурных течениях.

Если оценивать эстетические и композиционные качества храма XVIII в., нельзя не признать, что, при отсутствии формальной связи с архитектурой века предшествовавшего, здание это тем не менее гармонично вписалось в сложившийся монастырский ансамбль. Двухъярусность построения его фасадов находила отклик в галереях Троицкого собора. Имея собственное лицо, храм этот не противоречил облику главного монастырского здания, но композиционно высотно ему подчинялся. Удобен он был и функционально, ибо сообщался с собором, а впоследствии объединялся с монастырской трапезной.

Так что же послужило поводом к сносу этого красивого здания? Дело в том, что к исходу 1840-х годов оно стало покрываться трещинами, и причиной этого, как мы предполагаем, было существование между Троицким собором и звонницей подземного источника. Интенсивность его незначительна и колеблется со сменой годовых сезонов. Однако и поныне его незаметное, но постоянное воздействие ощущается на смежных зданиях. Не случайно появление в середине прошлого века мощного контрфорса у южного торца звонницы. Явственно проявляется оно

на юго-западном углу собора, периодически испытывающем вертикальные колебания.

Именно этот подземный ручей сыграл в своё время роковую роль для обоих Рождественских храмов, последовательно сменивших друг друга в середине XVIII в.

Справедливость этой гипотезы становится очевидной при взгляде на генеральный план соборного участка середины XIX в. и характер деформационных трещин на фасадах и планах Рождественской церкви той поры. Храм XVIII в., поставленный поперёк подземного потока, фактически преграждал его путь. В результате весь северный фасад здания оказался покрытым сквозными трещинами, причём в восточной и западной его частях они указывают на просадку углов. Продольная трещина, проходящая по сводам церковного подклета, свидетельствует об отклонении от вертикали южной стены – следствие подмыва грунтовыми водами основания. Неизбежность принятия срочных мер становится очевидной к началу 1850-х годов.

Итак, в середине XIX в. епархиальные и монастырские власти, в силу технических причин, были вынуждены разобрать церковь XVIII в. и строить новую. Однако новый Рождественский храм не стал повторением прежнего. Да иначе и быть не могло. В те годы, отмеченные общей деградацией искусства архитектуры, на щит поднимается тезис «народности» в его казённо-бюрократическом понимании. Пророком нового стиля был знаменитый К.А. Тон, петербургский архитектор, работавший, кстати, в то время в Ипатьевском монастыре. Ему и был заказан проект новой, четвёртой по счёту Рождественской церкви. Строительство её падает на 60-е годы XIX в.

В чём были её особенности? В отличие от храма XVIII в., вытянутого с запада на восток, она представляла собою компактный кубический объём с пятью луковичными гранёными главами и трёхчастными апсидами, как и прежде, примыкавшими к юго-западному углу соборной галереи. Новый храм имел подклет и был ориентирован глав-

ным фасадом на север, чему соответствовала широкая парадная лестница. С четырьмя внутренними опорными столбами, системой подпружных арок и крестовых сводов, в общих чертах он следовал допетровской традиции и технически был выполнен безупречно. Однако как явление зодчества в его истинном понимании, он нёс на себе явные признаки деградации, потери чувства ансамбля и внутренней гармонии.

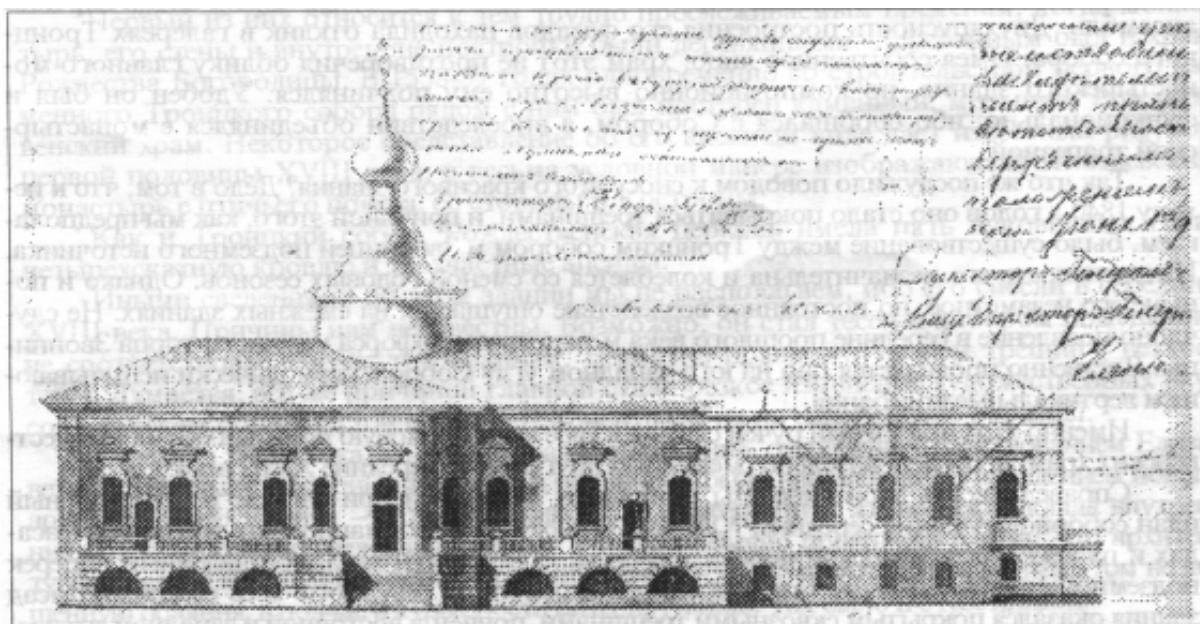
По сути, это была неудачная копия древнерусского храма, уменьшенное подобие соседнего Троицкого собора, лишённое, однако, его монументальности и мягкой пластики форм. Применённое на новом храме пятиглавие рядом с мощным пятиглавием собора сбивало его масштаб; сухой, механически прочерченный декор фасадов угнетал бездушием.

Не случайны негативные оценки этого здания – и со стороны искусствоведов, и просто любителей русской художественной старины.

Впрочем, и о храме сем приходится сказать «он был». В 30-е гг. XX в. его разрушили.

Думая о восстановлении Рождественского храма Ипатьевского монастыря, мы должны сделать выбор между двумя достоверно известными его вариантами – храмом XVIII в. и храмом К.А. Тона. Какой из них предпочтительней? Исходя из предыдущего анализа, полагаем, что это должен быть храм XVIII в. Для его воссоздания мы располагаем детальными чертежами. Не претендую на доминирующую роль скромной, но элегантной архитектуры, он гармонично впишется в монастырский ансамбль. Храм этот относительно невелик, следовательно, он будет дешевле и его быстрее можно построить. Что касается основания храма, здесь было бы наиболее целесообразным применение ростверка на буро-набивных (возможно кустовых) железобетонных сваях. В этом случае подземные воды смогли бы свободно протекать под зданием, не нанося ему вреда.

При осуществлении предлагаемого варианта Ипатьевский монастырь в существенных частях вернулся бы к облику XVIII в.

Церковь Рождества Богородицы. Со старинного чертежа.

АРХИЕРЕЙСКИЙ КОРПУС ИПАТЬЕВСКОГО МОНАСТЫРЯ. ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Костромская земля сохранила немного каменных гражданских построек XVI – XVII вв. Из зданий этого рода, возникших в XVII в., известны: 1) настоятельские и братские кельи Макарьево-Унженского монастыря (сохранились с перестройками XIX в.); 2) настоятельские кельи костромского Богоявленского монастыря и 3) гражданские здания Ипатьевского монастыря – квасоварня, нижний этаж келий над погребами, так называемые «палаты Романовых», радикально перестроенные в XIX в., нижний этаж братских келий (датируются серединой XVI в.), нижние части корпуса богадельни и архиерейский корпус.

Подобно многим монастырям, Ипатьевский монастырь был построен на мысу, ограждённом со всех сторон преградами естественного и искусственно происходящего. Восточную бровку возвышенности мыса занял собор Троицы, а стены монастыря и вытянутые по их периметру жилые и хозяйствственные постройки располагались в низине. Это обстоятельство предопределило судьбу их нижних этажей. Они были засыпаны при земляных планировочных работах по выравниванию уровня монастырского двора в первой половине XIX в.

Развиваясь во времени в общем русле русского зодчества, Архиерейский корпус отразил многие его существенные особенности и в нынешнем виде, после реставрации, может служить, в известной мере, энциклопедией исторических стилей. От аскетизма и сурового величия XVI в. к изысканной декоративности XVII-го, от суховатых форм середины XVIII в. к зрелому классицизму пушкинской поры и далее к эклектике 40 – 50 годов XIX в. – таков диапазон архитектурных образов этого здания.

Нынешний Г-образный в плане Архиерейский корпус, частью слившийся с восточной крепо-

стной стеной, частью вытянутый вдоль северной стены с разделяющим их засенем, представляет собой конгломерат разновременно возникших построек. Далеко не все они предназначались для настоятеля монастыря, хотя в нынешнем виде настоятельские кельи объединены с казначейскими и экономскими кельями. Сюда же входит и церковь Хрисанфа и Дарии – позднее сооружение, возведённое на месте древней надвратной церкви. Поэтому, говоря об истории здания, мы невольно коснёмся истории его слагаемых.

Здание Архиерейского корпуса занимает северо-восточный угол Старого «города» Ипатьевского монастыря. Первая каменная с башнями стена монастыря построена в 1589 – 1592 гг. Северная сторона ограды, лишённая промежуточных башен, тянется от северо-западной к северо-восточной (Пороховой) башне, откуда под прямым углом поворачивает к югу и, следуя вдоль реки Костромы, идёт до Водяной башни. В середине восточного прясла крепостной стены, выстроенного одновременно с ней, поднималась двухчастная церковь Иоанна Предтечи, св. Ирины и Феодора Стратилата над Святыми и Водяными воротами. Здесь был главный въезд в монастырь*.

* Интересным было устройство входа в ворота со стороны реки Костромы. До проведения археологических вскрытий участка к востоку от них трудно делать выводы вполне достоверные. Но при сличении данных описи 1701 г. (ЦГАДА, Монастырский приказ, ф. 237, оп. 1, ч. 2, ед. хр. 34: «Переписная книга церковной утвари Костромского Троицкого Ипатьевского монастыря») и описи 1742 г. (ГАКО, Костромской Архиерейский дом, ф. 132, оп. 1, ед. хр. 4: «Сметы на ремонт монастырских зданий, составленные архитектором Мичуриным», л. 52 об.) возникает некий приблизительный образ этого уже исчезнувшего сооружения. К югу от Святых ворот под прямым углом отходила каменная зубчатая стена; спустя 4 2/3 сажени стена заворачивала к северу и на протяжении 17 1/3 сажени шла параллельно крепостной стене, а потом обрывалась. Отсюда на крепостную стену перекинута арка ворот толщиной 3 аршина и пролётом 4 сажени. Над воротами

Печатается по тексту, опубликованному в «Краеведческих записках» Костромского историко-архитектурного музея-заповедника, Вып. I, Ярославль, 1973, с. 31–62. (Ю. Ю. Йоханнесен.)

Древний настоятельский корпус, предшественник нынешнего Архиерейского, был деревянным и располагался в том же месте – вдоль северной крепостной стены, между линией братских келий и кельями казначея, стоявшими вдоль восточной стены между Пороховой башней и надвратной церковью над Святыми и Водяными воротами. Разумеется, он не раз горел и возобновлялся вновь.

Письменными данными о постройке каменного здания настоятельских келий мы не располагаем. Наиболее ранние из известных нам описаний Ипатьевского монастыря – «О постройке в Ипатьевском монастыре разных зданий» (ЦГАДА, ф. 237, т. 1, ч. 2, ед. хр. 3489, 1711 год, л. 3), где упоминается настоятельский корпус, фиксируют его как здание, уже пострадавшее от огня. Натурные обследования настоятельских келий позволяют определить его древнейшую часть – она начинается сразу же за Екатерининскими воротами и в виде двухэтажного здания идет к востоку.

По южному дворовому фасаду, во втором этаже, оно имеет 4 окна и дверь, внизу – дверь и три небольших окошка. К двери верхнего этажа вела снизу деревянная лестница. Здание имеет венчающий и промежуточный карнизы, его верхние окна окружены наличниками с завершением в виде фронтона и бочки. Нижние окна, лишённые наличников, выглядят как прямоугольные углубления с перемычкой из набегающих рядов кладки и по типу напоминают окна келий Новоспасского монастыря в Москве. Перекрытия обоих этажей первых каменных настоятельских келий – сомкнутые своды с распалубками.

стояли три одинаковых шатра «с яловейками», размерами 3х3 аршина в основании и высотою 7 аршин. Расстояние внутри, между городовой стеной и стенкой укрепления, было равно 4 саженьям. Перед Святыми воротами коридор перегораживался железными створными воротами, а за ними – опускными деревянными решетчатыми. Наконец, перед Святыми воротами, в стене напротив, было боевое помещение для обстрела штурмующих с тыла. Укрепление это изображено на миниатюре «Прибытие посольства к царю Михаилу Федоровичу...». Правда, на этом рисунке нет ворот с тремя шатрами наверху, но это объяснимо разновременностью рисунка (более раннего) и письменных источников (1701 и 1742 гг.) и, следовательно, возможно более поздним происхождением шатров. Труднее объяснить несоответствие данных «Писцовой книги» 1628 г. о двойных воротах под церквами и тем, что изображено на рисунке, – там одна арка. Единственное объяснение может быть в том, что художник, писавший миниатюру в Москве, мог ошибиться, тем более что все другие источники указывают на двойные ворота. (Сăăйї ё ѣăёăâ â î ãăёâ – îðëîåâ-âîëў ââð îðâ.)

В отличие от южного фасада, северный, обращённый в засене, был предельно прост, имел гладкие стены, промежуточные венчающие карнизы, нижние окна, подобные нижним окнам южного фасада, верхние – окружённые прямоугольной рамкой со скошенными краями и углублениями для железных ставень. По ширине кельи не имели промежуточной стены. Их западный торец упирался в торец братских келий, расположившихся в этой же линии, но со смещением к северу. Ближайшая к братским кельям часть этого здания сломана в 1767 г. при устройстве в этом месте Екатерининских ворот. При этом засене обоих корпусов – Братского и Настоятельского, – прежде переходившее одно в другое, было разделено на две половины проездом ворот.

Но когда же был построен этот корпус? За неимением письменных свидетельств обратимся к аналогиям. Ближайшая из них совсем рядом – это шатровая колокольня, пристроенная в 1652 г. к звоннице Ипатьевского монастыря. Окна в восточной стене её третьего яруса очень близки двум из четырех окон во втором этаже дворового фасада Настоятельских келий.

Итак, возможной датой постройки первых каменных Настоятельских покоев может быть 1652 г. Но допустима и несколько более ранняя датировка – примерно 1645 г. Дело в том, что в одно из очелий дворовых окон 2 этажа настоятельских покоев вмонтирован белокаменный блок с рельефным изображением государственного герба (двуглавого орла) – косвенное свидетельство того, что корпус мог быть построен на царские пожертвования, когда за счёт государственной субсидии в 1643 – 1645 гг. строился Новый город Ипатьевского монастыря. Возможно, часть пожертвованных средств была использована для строительства настоятельских покоев*.

Второй составной частью будущего Архиерейского корпуса были Святые и Водяные ворота с надвратной церковью, образующие вместе с трапезней, папертью и крыльцом комплекс каменных построек в средней части крепостной стены Старого города. К трапезней примыкала «братская палата», являвшаяся верхним этажом двухэтажного здания, в нижней части которого размещались три кельи с сенями**.

К северу от ворот вплотную к крепостной стене примыкала одноэтажная каменная палата, перекрытая сомкнутым сводом.

* Версия искусствоведа Е.В. Курдяшова.

** ГАКО, ф. 132, оп. 1, ед. хр. 4.

Она не поддаётся точной датировке, но несомненно появилась задолго до 1620-х годов – времени надстройки монастырских стен после польско-шведской интервенции. В ходе исследований выяснилось, что впоследствии она была надстроена и превращена в двухэтажную, с сомкнутыми сводами над каждым из этажей, причём верхний свод перекладывался ещё раз (см. план 2 этажа, помещение I). Фасады этой палаты расчленены лопатками и простыми венчающим и промежуточным карнизами из трёх рядов кирпича, арочные окна не имеют наличников. Вслед за этим, не позже десятых годов XVII в., к ней привилась ещё одна келья, на сей раз двухэтажная, продолжившая линию застройки к северу (помещение II). Западная стена кельи нижнего этажа украшена красивым килевидным порталом.

Окончательный облик здания у восточной стены монастыря определили строительные работы, предпринятые после надстройки крепостных стен в двадцатых годах XVII в. К северному торцу помещения (II) были пристроены еще три двухэтажные палаты (помещения III, IV, V), с общим фасадом, под общей крышей. Одновременно под стать кельям переделывается фасад (помещение II). Здание, протянувшееся вдоль крепостной стены от Святых ворот к Пороховой башне, получило название казначейских келий.

Фасад этих келий, не имеющий как будто аналогий в русской архитектуре, стоит того, чтобы сказать о нём несколько слов. Он построен на контрасте между подчеркнуто монументальным цоколем с амбразурами редко расположенных окон, килевидным порталом с уплощенными профилями, круглой люкарной в междуетажном карнизе и суровым верхним этажом, зрительно облегченным за счет плоских трехступенчатых ниш прямоугольного очертания, объединенных легкими тройными полуvalами. В нишах утоплены узкие щелевидные окна с обрамлением из полувала с перехватами (в виде лёгкой арки), окружающими оконный проём. В центре фасада верхнего этажа устроен арочный проём входа, в такой же прямоугольной нише, но с добавлением полувала по её внешнему контуру. Сюда снизу вёл наружный всход. Крайние простенки между нишами, по три с каждой стороны, украшены ширинками с подобием «солнца» (круглые тарелки с шишечками в центре). Фасад келий свидетельствует о мастерстве и самобытности их строителей.

Особенность планировочной структуры Казначейских келий – в постановке двух крайних помещений (IV и V) с отступом от крепо-

стной стены так, что между их восточной стеной и стеной монастыря получается коридор. Столбы по краю боевого хода здесь заменены сплошной стеной с ритмично расположенным узкими окнами. И коридор, и боевой ход крепостной стены перекрываются цилиндрическими сводами. Все помещения в обоих этажах имели сомкнутые своды, лишь сени (помещение III) были перекрыты цилиндрическими. Верхние кельи соединялись между собой дверями по принципу анфилады, а нижние, имевшие подсобные функции, были более разобщены и имели больше наружных входов. Печи в помещениях IV и V второго этажа обогревались горячим воздухом, который поступал по внутристенным каналам из нижележащих печей.

Все сведения о Казначейских кельях, изложенные выше, получены при натурных исследованиях, которые послужили, в свою очередь, основанием для реставрационных работ, ныне осуществлённых.

До 80-х гг. XVII в. Архимандричьи* и Казначейские кельи стояли отдельно, разделённые обширным пространством. Решающим этапом в становлении ансамбля северо-восточной части Ипатьевского монастыря, где образовался парный двор, были работы, по-видимому, 1670 – 80-х гг. (судя по стилистическим приметам). Возведённое между восточным торцом Архимандричьих келий и западным фасадом келий казначея двухэтажное, одинаковой с ними высоты крыло (помещения VIII – XIV), соединило обе части нынешнего архиерейского корпуса, придав ему знакомое нам Г-образное очертание в плане.

Осуществлённая постройка возникла в два этапа, но не потеряла в стилистической цельности главного дворового фасада. Сначала была сделана западная часть – от восточного торца первых Архимандричьих келий до того места, где фасад делает поворот в плане, и затем постройка была продолжена к востоку, вплоть до западного фасада Казначейских келий, где на стыке с ним, с дворовой стороны, был устроен новый наружный всход во второй этаж по деревянной лестнице.

Эта постройка состояла из трёх келий по южному фасаду с двумя сенями в виде узких коридоров и кельи с сенями со стороны засенья. Одна из келий дворовой линии во втором этаже (помещение IX) имела с северной стороны дополнительный коридор (IXa), служивший, по-видимому, проходом для истопника к печи в келье. Разделительная стена покоялась непосредствен-

* Ипатьевская архимандрия учреждена в 1598 г.

но на своде нижнего помещения и имела в нижней своей части разгрузочную арку – приём, применённый впоследствии при надстройке третьего каменного этажа. Все помещения новых настоятельских келий перекрывались по традиции сомкнутыми сводами, кроме двух сеней по южному фасаду, перекрытых коробовыми сводами.

Южный фасад новых Настоятельских келий, продолживший более раннее здание, повторил его структуру – два этажа разделялись тем же междуетажным карнизом с поребриком, а венчающий карниз, равновеликий по массам карнизу ранних келий, имел более сложную профилировку и больший вынос. Лопатки, членившие стены верхнего этажа, соответствовали внутренним перечным стенам.

Нижние окна полностью повторяли соответствующие формы ранних келий, верхние же, имевшие значительно больший световой проём, обрамлялись пышными наличниками из тёсаного кирпича с цепью спаренных кувшинчиков, с перехватами по сторонам и трёхлопастными очельями наверху. Внутренние поля очелий были расписаны растительным орнаментом и изображениями птиц. И нижние, и верхние окна имели железные ставни. Во внутреннем углу фасада, на месте стыка новых Настоятельских келий с Казначейскими, во втором этаже, рядом с порталом Казначейских келий, был сделан новый портал со спаренными бусами по сторонам и венчающим карнизов. Портал не имел очелья, ибо в этом месте к стене над ним примыкала тесовая кровля крыльца.

В силу того, что первые Настоятельские келии были построены на месте более возвышенном, нежели Казначейские, а продолжившее их линию новое здание сомкнулось с фасадом Казначейских келий, промежуточные карнизы обоих зданий получились на разных уровнях – верх промежуточного карниза настоятельских келий и соответствующий ему порог портала оказались выше верхней отметки карниза казначейских келий и порога старого портала на 92 см. Это привело к тому, что при устройстве нового крыльца, ориентированного на новый портал, перемычка портала Казначейских келий была повышена. Рядом с крыльцом, под верхним этажом новых келий, был устроен проезд в засенье в виде широкого коридора под коробовым сводом.

Более скромный северный фасад новых келий имел венчающий и промежуточный карнизы, крепущиеся над лопатками, север-

ные окна верхнего этажа повторяли нижние окна на южном фасаде. Все здания – и Настоятельские, и Казначейские кельи, и надвратная церковь с окружающими её постройками – имели тесовые кровли. Архитектура новых келий отражает общую тенденцию в развитии русского зодчества второй половины XVII в. – нарастание декоративности.

Менее изучена история южной части Архиперейского корпуса, расположенной к югу от Святых ворот. Известно, что здесь, за крепостной стеной, уже в начале XVII в. был ряд двухэтажных келий. Они видны на раскрашенной гравюре «Прибытие посольства к царю Михаилу Федоровичу», хранящейся в Оружейной палате Московского Кремля. Но в XVIII в.* они были разобраны до основания вместе со смежным участком восточной крепостной стены. На их месте построено вновь двухэтажное здание простой архитектуры – с венчающим карнизом из трёх рядов кирпича и двумя рядами окон с наличниками в форме прямоугольной рамы из гладких тычков кирпича.

Перекрытия в обоих этажах были сводчатыми, кровля – тесовая. В 1770-х годах внизу размещались две кельи, поварня с очагом и келья с «хлебенной» печью, во втором этаже – «экономская», состоявшая из двух смежных келий, и «экономское» правление, разделённые сенями. Верхние помещения обогревались изразцовыми печами. Своды были расписаны по штукатурке растительным орнаментом. Экономский корпус (примем это название) имел внутреннюю лестницу в помещении, смежном с надвратной церковью, и дополнительный выход на восточную крепостную стену (в юго-восточном углу здания), откуда вдоль южного фасада спускалась кирличная лестница.

Вскоре после постройки второго корпуса Настоятельских келий там, где они примкнули к кельям казначея, со стороны засеня, появляется двухэтажный пристрой с наружной стеной по линии их северного фасада (помещение XV). Этот пристрой, использовавшийся как сени, окончательно закрыл северную часть западного фасада казначейского корпуса, с тех пор обращённого в кладовые.

Скудость письменных источников, а то и полное их отсутствие, чрезвычайно затрудняют

* Сделано это было, по-видимому, незадолго до 40-х годов XVIII в., т. к. Мичурин, останавливавший свое внимание на разного рода ветхостях в 1742 г., совершенно не упоминает это здание. В 1747 г. над ним был надстроен 3-й деревянный этаж, просуществовавший до 1822 г.

датировку строительных периодов по архиерейскому корпусу. Так обстоит дело на протяжении всего XVII и первой половины XVIII вв. Единственным основанием, впрочем, довольно шатким, служит стилистический анализ архитектурных конструкций, размеров применённого кирпича и архитектурного декора фасадов. Открытым остается вопрос о времени постройки каменных трёхэтажных поваренных сеней в северо-западном углу Настоятельских келий (пом. XVI). Несомненно одно – они возникли в первой половине XVII в., скорее, во второй его четверти.

Не уточнена дата третьего каменного этажа над северной линией здания – от Братского корпуса до восточной крепостной стены. Опись 1742 г.* называет третий этаж существующим и говорит о необходимости его ремонта. Стилистический анализ допускает лишь один период – эпоху Петра I, причём её первую половину, т. е. самый конец XVII в., ибо с первых лет XVIII в., подобно многим монастырям, Ипатьевский монастырь вступает в период экономического упадка – следствие церковной реформы Петра. Возведение же столь обширного каменного этажа стоило немалых средств.

При внимательном рассмотрении этого этажа можно заметить, что он строился в три этапа. Первой была возведена часть над западной третью Настоятельских келий, точнее, над сенями второго этажа и далее к западу, вплоть до Братского корпуса. Одна из келий третьего этажа выходила к югу, за пределы плана нижних этажей, опираясь на двухъярусное крыльцо, сделанное одновременно. По более поздним описаниям, крыльцо это имело в основании кувшинообразные столбы по типу опор крыльца противостоящего Троицкого собора, и было украшено изнутри изразцами. Непосредственно вслед за этим (ибо стилистическая общность выдает руку одного мастера) возводится основная часть этажа – над всеми существующими в то время помещениями северной линии здания, включая помещения северной части Казначейских келий, закрытой в свое время Настоятельскими кельями. С надстройкой нового каменного этажа всё здание, ещё включавшее в себя в ту пору Святые ворота с надвратной церковью, получило небывалый размах и живописность. Сочные формы карнизов и оконных наличников новых (по счёту – уже третьих) Настоятельских покоев с узорным ковром ни-

жестоящего фасада второго периода создавали впечатление исключительной праздничности *.

Архитектура новых келий – плод новой эпохи, последовавшей за смертью царя Алексея Михайловича, когда декоративность древнерусской архитектуры достигла своей кульминации. Хронологически это время совпало с царствованием Фёдора Алексеевича, юностью Петра и правлением Софьи. Усиленное проникновение западных влияний, наблюдавшееся в это время, выразилось, в частности, в появлении такого феномена в русском зодчестве, как «нарышкинское барокко» – стиля, соединившего влияние малороссийского варианта барокко с исконно русскими приёмами. Свобода, легкость и грация в декоре соответствовали общему духу обмирщения русского искусства той поры.

Радостью бытия веяло от новых Настоятельских келий. Просторные светлые залы с изразцовыми печами, с резными внутренними порталами и парадными сенями кажутся ещё более значительными по контрасту с низкими и тесными кельями, созданными за двадцать-тридцать лет до них.

Авторство третьего каменного этажа документально не установлено. По мнению Е. В. Кудряшова, строителем его мог быть каменщик, крепостной Ипатьевского монастыря Г. Мазухин, возведший в 1692 г. третий этаж рязанского Архиерейского дома в формах, близких к формам третьего этажа настоятельских келий Ипатьевского монастыря. И здесь и там были устроены выступающие вперед трёхэтажные каменные крыльца.

Последним этапом в создании третьего этажа были работы по выравниванию фасадной линии со стороны засенья. Они были предприняты, очевидно, в интервале 1725 – 1740 гг. и заключались в устройстве поваренных сеней в северо-западном углу корпуса и ряда подсобных помещений в северо-восточном углу. Пристройки, за исключением сеней, осуществлялись сразу на три этажа. Поваренные сени были построены сначала двухэтажными; их нижний этаж, служивший подклетом, с тремя открытыми арками по северному фасаду, перекрывался цилиндрическим сводом,

* Напомним, что здесь, между Троицким собором и Настоятельским корпусом, в течение столетий был парадный двор Ипатьевского монастыря, его культовый и административный центр. По западной и южной сторонам площади шли переходы в собор: один от трёхэтажного крыльца Настоятельских покоев к крыльцу собора, второй – со стороны Экономского корпуса в северную паперть собора (последний переход впоследствии заменили на каменный).

* ГАКО, Костромской Архиерейский дом, ф. 132, оп. I, ед. хр. 4.

второй имел плоское перекрытие. Третий этаж, со сводчатым перекрытием, появился вскоре за ними. Помимо хозяйственных нужд, пристройки использовались для устройства «ретирадных мест»; из сеней, с обоих верхних этажей, спускались в засенье и на северную крепостную стену воздушные деревянные переходы.

В 1742 г. Ипатьевский монастырь посетил известный московский архитектор Мичурин, оставилший интересное его описание*, но отметивший и плачевное состояние большинства монастырских зданий, в том числе Настоятельских келий. Из составленной описи мы узнаем о существовании в двух верхних этажах «досчатых» полов, об изразцовых («обращитых») печах, о стеклянных окончинах в окнах. Из описи видно, что третий этаж в это время занимал архимандрит, второй, где архимандриты жили прежде, – монастырский приказ, а в казначейских кельях размещались казначей и кладовые. Опись содержит ценные сведения о надвратной церкви и оборонительном сооружении (захабе) перед Святыми воротами.

С 1745 г., с учреждением Костромской епархии, Ипатьевский монастырь становится резиденцией архиерея, а Архимандритчи кельи переименовываются в Архиерейские. Уже первый Ипатьевский архиерей – епископ Сильвестр Кулябка, – не удовлетворённый существовавшими к его времени настоятельскими покоями, приступает к их расширению. В 1745 – 1747 гг. над всей восточной линией устраивается третий этаж, на этот раз деревянный, оштукатуренный изнутри и снаружи, с плоскими потолками и тесовыми, ломаного очертания кровлями. Ради единообразия внешнего фасада, обращённого на р. Кострому, под стать окнам новых, четвертых по счету, архиерейских покоев переделываются окна в восточном торце каменного третьего этажа**, причём срубаются все элементы декоративного убранства конца XVII в. – наличники, трёхчетвертные колонны, а заодно и выступающие части зубцов крепостной стены в их основании. С трёх сторон новый этаж окружает деревянный балкон на деревянных консолях с подкосами, устраивается галерея на столбах – переход в Троицкий собор, в его северную паперть, выходивший из третьего деревянного этажа над экономскими кельями (в 1777 г. деревянный переход был заменён на ка-

менный и получил вид гульбища на высокой аркаде с парапетами по сторонам. Автор проекта каменного перехода не установлен, подрядчиком на его строительстве был известный костромской зодчий конца XVIII в. Степан Воротилов).

В 1760 г. в северо-восточной каменной части третьего этажа Архиерейского корпуса епископом Дамасским устраивается домовая крестовая церковь во имя иконы Владимирской Божией Матери, с накатным потолком, с клеймами лепной работы; на церкви устанавливается «глава деревянная выкрашена красками» с железным вызолоченным крестом*.

Опись 1770 г.** рисует картину декоративного убранства архиерейских покоев. Вот несколько выдержек из неё, относящихся к третьему деревянному этажу: «Две кельи небольшие, одна от другой простенком перегороженные. Одна из них обита белыми со слюдяной насыпью шпалерами, другая – по стенам же обита с насыпью по шарой*** земле разноцветными шпалерами, в них две печи <...> что к реке Костроме небольшие сени, по стенам обиты по желтой решетчатой земле разноцветными шпалерами, из тех сеней большая зала с печью, сверху от потолка по стенам обита шпалерами краски темно-вишневой, а внизу поставлены панели деревянные, расписанные разными красками, в ней одна печь <...>».

Любопытно, что помещения старой части третьего этажа были отделаны куда скромнее: «<...> из той кельи зала большая (речь идёт о бывшей Крестовой палате – Л.В.), своды и стены подмазаны штукатурною работою, в них печь одна <...>».

Помимо упомянутых большой залы и Владимирской домовой церкви, в третьем каменном этаже в это время размещались: архиерейская библиотека (к северу от старой крестовой палаты), двое больших сеней (одни из них поваренные) с внутренними лестницами во второй этаж и две небольшие кельи с окнами, обращёнными в проезд Екатерининских ворот, устроенных в 1767 г. Пробивкой этих ворот, как сказано, была уничтожена западная часть древнейших настоятельских келий и часть третьего этажа над ними. Второй этаж Архиерейского корпуса в это время был занят экономской и экономским правлением (в южном крыле), казначейской и кладовыми (северное крыло той же линии), поварней и скатер-

* ГАКО, Костромской Ипатьевский монастырь, ф. 712, оп. 1, ед. хр. 37.

** ГАКО, Костромской Ипатьевский монастырь, ф. 712, оп. 2, ед. хр. 393-а.

*** Шара – у маляров: дикая краска, мел с сажей.

* ГАКО, Костромской Архиерейский дом, ф. 132, оп. 1, ед. хр. 4.

** При переделке окна были смешены в соответствии с ритмом окон в 3-м деревянном этаже.

тной (по южному фасаду б. Архимандритских келий – там, где в 1742 г. размещался монастырский приказ), двумя сенями (под сенями третьего этажа) и кельей с хлебенной печью.

Бывшая ризничная и сени при ней (северная часть постройки 1670-х годов) с 1766 по 1771 гг. использовались как баня архиерея; но затем баня была переведена в нижний этаж этого же крыла, в два помещения к западу от углового проезда, в засенье, с окнами на монастырский двор (помещения IX и XI). В нижнем этаже размещались две кельи, поварня с очагом и келья с хлебенной печью (южное крыло), казначейские кладовые (северное крыло той же линии), в линии б. настоятельских келий – баня (с 1771 г.) с предбанной келейкой и внутренней лестницей между ними, поднимавшейся в третий этаж, в сени позади Владимирской церкви, водогрейная, кладовые и двое сеней (под сенями верхних двух этажей).

В 1775 г., как утверждается в приписке к описи 1770 г.*, «за ветхостью» была сломана надвратная церковь над Святыми и Водяными воротами. Подлежали сломке и сами ворота**; но есть основание полагать, что разборка не была столь радикальной. На обмерном плане второго этажа архиерейского корпуса, выполненному в 1820 г., на месте надвратной церкви показана большая одностолпная палата с четырьмя крестовыми сводами, опёртыми на мощный столб (сечением 1 x 1 сажень). Размеры помещения близки к внутренним размерам церкви, указанным в описи Мичуриня. Вполне вероятно, что в 1775 г. были разобраны только верха церкви, трапезная и паперть, сам же четверик был сохранён, а ворота под ними заложены.

В 1801 г. вдоль южной и восточной крепостных стен, между обрублом и стеной монастыря, устраивается Архиерейский сад, для чего у восточного фасада сделана значительная земляная насыпь (до 1,5 метров), скрывшая собой цокольные части монастырской стены и захаба. Вслед за этим был разобран сам захаб.

О состоянии корпуса в это время даёт представление монастырский план 1820 г. из собрания Ярославского губернского архива (отд. 1, часть 1, инв. № 26).

Вплоть до 20-х гг. XIX в. в Архиерейском корпусе существенных строительных работ не про-

водилось. В 1820 г. были сделаны обмеры здания и составлен проект его перестройки. Помимо упомянутого уже обмерного плана второго этажа, был сделан план третьего этажа, разрез по восточной линии и восточный фасад, обращённый к реке Костроме. Даже в чертеже этот фасад производит сильное впечатление по цельности и монументальности композиции. Обладая большой протяжённостью и высотой, он был почти лишён декора. Мощные контрфорсы по сторонам заложенных ворот в центре, равномерно расставленные окна с легкими наличниками, непрерывный деревянный балкон на кронштейнах под окнами верхнего этажа, лёгкие шпили в центре и по краям фасада (средний из них завершался корабликом) – создавали впечатление спокойного величия.

Обмер был сделан накануне грандиозных по объёму работ перестройки. Соответственно отпущенной казной сумме (57786 руб. 80 коп.) был составлен проект. В рукописи, хранящейся в Ленинской Государственной библиотеке в Москве*, сказано, что он был прислан из Петербурга. Однако на чертежах из Ярославского музея-заповедника (проектные восточный фасад и планы 1 и 3 этажей) стоит подпись губернского архитектора Н. Метлина, который внёс, очевидно, существенные корректизы в столичный проект.

Согласно проекту, на месте деревянного третьего этажа был возведён каменный. Его восточная стена в плане совпадала со старой стеной деревянного этажа, западная стена, выходившая на монастырский двор, была значительно перенесена вперёд от нижестоящих фасадов Казначейских и Экономических келий и опиралась на вновь возведённую перед ними двухэтажную стену, так что древние фасады оказались как бы заключёнными в кирпичный короб. Архитектура всех фасадов Архиерейского корпуса была изменена в духе официального в ту пору классицизма.

В центре восточного фасада появился десятиколонный портик тосканского ордера, обнимавший оба верхних этажа и стоявший на мощном стереобате, расчленённом тремя арками. Треугольный фронтон портика был завершён трёхчастным ступенчатым аттиком. Аттиками завершились и углы фасада, в каждом из них были сделаны сегментные окна. Высокие прямоугольные окна с наличниками в виде простой полки в тре-

* ГАКО, Костромской Ипатьевский монастырь, ф. 712, оп. 1, ед. хр. 37 (приписка на полях, л. 5).
** ГАКО, Костромской Архиерейский дом, ф. 132, оп. 1, ед. хр. 136.

тъем этаже, в центре каждой из половин фасада, имели добавочные сандрики, под ними проходили широкие балконы с железными перилами (рисунок перил принадлежал П.И. Фурсову, новому губернскому архитектору, сменившему Н. Метлина после его смерти в 1822 г.).

Шестиколонный портик намечался с дворового фасада. Однако он не был сделан. Взамен его, но со смещением к югу с оси дворового фасада, был пристроен небольшой двухэтажный флигель. Слева и справа от него шли плоские арочные ниши с вписанными в них окнами второго этажа, внизу им отвечали низкие проёмы коробового очертания. Окна третьего этажа повторяли соответствующие окна восточного фасада. Карнизы здания, с выносными белокаменными плитами, типичный для своего времени, был устроен путем надкладки фасадных стен. Старые карнизы XVII в., лопатки, трёхчетвертные колонны, тёсаные кирпичные наличники – всё было срублено. Новые окна в бывших Архимандритских кельях, сделанные под стать новым окнам в восточной линии, устраивались за счёт растёски древних проёмов, иногда за счёт перебивки. Все внутренние своды в двух верхних этажах* были сломаны и сделаны накатные потолки, сломаны были «обращатые» печи, взамен их устроены кафельные. Погибло всё декоративное убранство западных фасадов Казначейских и Экономических келий. Окна были заложены или растёсаны в дверные проёмы, карнизы и наличники срублены; затем всё было заштукатурено. Вырубались и целые куски внутренних стен.

Особенно пострадал Казначейский корпус, где во втором этаже исчезли восточные стены помещений IV и V и стена, отделявшая смежный с ними внутренний коридор от галереи боевого хода на крепостной стене; разобрана была северная стена помещения V, а также стена между помещениями XV и XVII (см. план 2 этажа). Растёсаными или заложенными оказались все внутренние дверные проёмы, уничтожены внутренние порталы в парадных сенях и древней крестовой палате третьего этажа б. Архимандритских келий. Было разобрано и каменное трёхэтажное крыльцо у южного фасада.

Возведённая вновь дворовая стена восточной линии была сделана на основании, высоко поднятом над первоначальным уровнем земли перед древними фасадами. Образовавшийся при

этом промежуток был засыпан землёй. Весь корпус получил охристо-белую раскраску. При бесспорном вандализме по отношению к древним зданиям, проявленном строителями, их детищу нельзя отказать в достоинствах. Новые фасады Архиерейского корпуса имели ясную логичную композицию, благородные членения и формы.

Но это было последним взлётом зодчества. Все последующие переделки здания – это бессознательное уничтожение действительных ценностей ради ложной идеи народности; мертвящая казенная сухость архитектурных форм изгнала теплоту непосредственного искусства предшествующих эпох.

В 1834 г. при посещении Ипатьевского монастыря император Николай I распорядился вернуть архиерейскому корпусу «древний вид», на месте древних Святых ворот сделать новые с надвратной церковью в честь святых Хрисанфа и Дарии и победы Александра I над Наполеоном. Была отпущена крупная сумма денег. В 1836 г. уничтожается портик восточного фасада (простоявший только 14 лет), разбираются остатки Святых ворот, на их месте закладываются новые, с надвратной церковью, по чертежам губернского архитектора Утина*.

Летом 1841 г. вывели церковные своды, но при снятии опалубки, 2 августа этого года, они обрушились. После долгого разбирательства причин обрушения были сделаны новые фундаменты, и в 1852 г., уже по проекту губернского архитектора Григорьева, заложена новая церковь, благополучно оконченная и освящённая в 1863 г. Церковь Хрисанфа и Дарии, существующая и поныне, в полной мере воплотила антихудожественный дух своей эпохи и служит красноречивым свидетельством деградации архитектурного искусства.

Работы по жилым помещениям протекали значительно быстрее. Сохранив конструктивный костяк корпуса, строители изменили его внутренний декор. В северном крыле появилась парандная трёхмаршевая лестница с чугунными ступенями, для чего пришлось разобрать внутреннюю стену между помещениями VIII и IX (см. план 2 этажа). Подобная же лестница – вход в церковь Хрисанфа и Дарии – была сделана в южном крыле здания. Коренным образом изменились фасады: карнизы и наличники окон были переделаны в псевдорусской манере, окна третьего этажа по-

* Своды сохранились лишь в двух крайних кельях бывшего экономского корпуса (помещения XX, XXI).

* ГАКО, Ипатьевский монастырь, ф. 712, оп. I, ед. хр. 51, л. 20.

лучили полуциркульные перемычки, окна второго – луковые.

В это время разбирается каменный переход из южного крыла корпуса в северную паперть собора; на его месте, у западного фасада корпуса, делают каменное крыльцо, сохранившееся до нашего времени. Неизвестно, когда был разобран всход на крепостную стену торца б. Экономских келий; во всяком случае, в документах XIX века он ни разу не упоминается. Работы, начатые в 1851 г., были окончены к 1855 г.

На этом завершаются крупные строительные работы в Архиерейском корпусе. Все последующие перестройки носили характер починок и текущего ремонта. Можно упомянуть о вычинке в 1889 г. контрфорсов в засенье корпуса, существовавших, впрочем, ещё в начале XIX в. (см. обмерные планы 2 этажа 1820 г.). В предреволюционные годы северное крыло и северную половину восточного крыла занимал епархиальный епископ, южную – викарный архиерей.

В 1922 г., после закрытия Ипатьевского монастыря, все его гражданские здания были отданы под жильё и разбиты на бесчисленные квартиры. Так же поступили с Архиерейским корпусом. Бесконтрольные переделки, отсутствие водопровода и канализации и недостаточный текущий ремонт привели здание в крайне запущенное состояние.

С 1964 г., по мере освобождения корпуса от жильцов, силами Костромской СНРПМ ведётся планомерное исследование и реставрация здания. Особенность этой реставрации состояла в невозможности избрать для нее оптимальную дату, ибо начиная с 1822 г., а отчасти и с 1745 г., все строительные работы сопровождались переделками предшествовавших фасадов и интерьеров. Исчезали целые части здания (например, надвратная церковь). Появлялись новые объёмы, имевшие несомненную художественную и материальную ценность (третий каменный этаж 1822 г. над восточной линией) или же лишённые выдающихся художественных достоинств, но практически не устранимые (церковь Хрисанфа и Дарии). И с тем и с другим приходилось считаться.

Из двух возможных путей восстановления – первого (сохранение фасадов и интерьеров на последний строительный этап) и второго (воссоздание первоначальных форм каждой из дошедших до нашего времени частей здания) – был избран второй. Первый путь, наиболее простой, состоявший

из чисто ремонтных работ, обеспечивал безусловное стилистическое единство корпуса, но

его история, отражённая в первоначальных формах стен, проёмов, перекрытий и декора, оставалась при этом безнадежно скрытой под маловыразительными наслойениями поздней эпохи. Второй избранный путь позволял наглядно показать картину эволюции Архиерейского корпуса.

Работы начались с б. Экономских келий и постепенно передвигались на север и далее – на запад, захватывая Казначейские и Настоятельские кельи. Многочисленные зондажи, сведённые воедино, позволили получить полную картину первоначальной планировочной структуры, системы перекрытий, характера древних оконных и дверных проёмов, их декоративной обработки; выяснялась очередность появления различных частей здания. Натурные исследования дополнялись архивными сведениями. Были восстановлены в первоначальном виде Экономские и Казначейские кельи, третий каменный этаж 1822 г., вся дворовая сторона восточной линии. Близится к завершению реставрация северного крыла – Настоятельских кельи. Древнее здание получает новую жизнь как одно из музеиных зданий Костромского историко-архитектурного музея-заповедника.

* * *

Как всякий исторически сложившийся архитектурный организм, Архиерейский корпус Ипатьевского монастыря не лишен противоречий – и конструктивных, и художественно-композиционных. Обе эти стороны тесно связаны одна с другой. Архитектура частей здания, появившаяся к началу XVIII в., последовательно реалистична в примерах декоративной трактовки архитектурных конструкций и в этом смысле не выходит из рамок традиций древнерусского зодчества.

Последующие строительные этапы, начиная с надстройки в 1745 – 1747 гг. третьего деревянного оштукатуренного этажа над восточной линией, и перестройка всей южной ее половины (экономских келий) с одновременной разборкой надвратной церкви уже отмечены печатью упадка строительного искусства: конструктивная обусловленность декора и живописность композиции, как результат разновременности составляющих, здесь принесены в жертву композиционному единству, планировочно неоправданному.

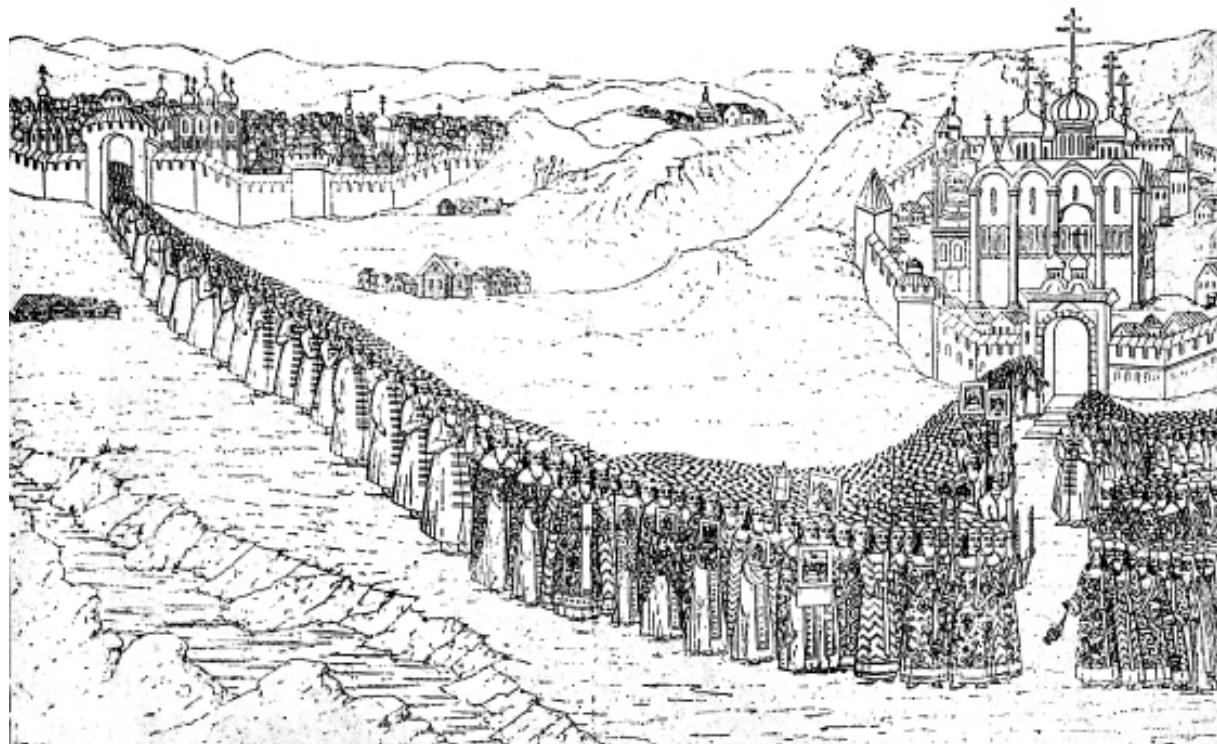
Последующие перестройки 1820 и 1850 гг. окончательно нивелируют все особенности в архитектуре частей Архиерейского корпуса. Монотонный ритм проёмов, единообразие наличников, общие карнизы – венчающий и про-

межуточный – внесли в его облик ноту рассудочности и, если обратиться к последней перестройке, претенциозности. Был срублен древний архитектурный декор, а стены оштукатурены. Это обеднило архитектуру здания, лишило его исторического колорита.

Противоречия в архитектурном образе Архиерейского корпуса в лучшую для него эпоху – до середины XVIII в. – троякого рода. Первое – в различии фасадов составляющих его частей: первых, вторых и третьих настоятельских келий, смежных с ними казначейских келий и группы надвратной церкви с примыкающими к ней постройками. Это противоречие снималось их общим масштабным строем, благодаря чему они объединялись в целостный живописный архитектурный ансамбль. Второе – в несоответствии уровней 1 и 2 этажей смежных Настоятельских и Казначейских келий. Этот рискованный стык закрывался наружным деревянным крыльцом. Третьим противоречием, даже как будто странностью, наблюдаемым в трехэтажных Настоятельских кельях, является несовпадение в плане поперечных капитальных

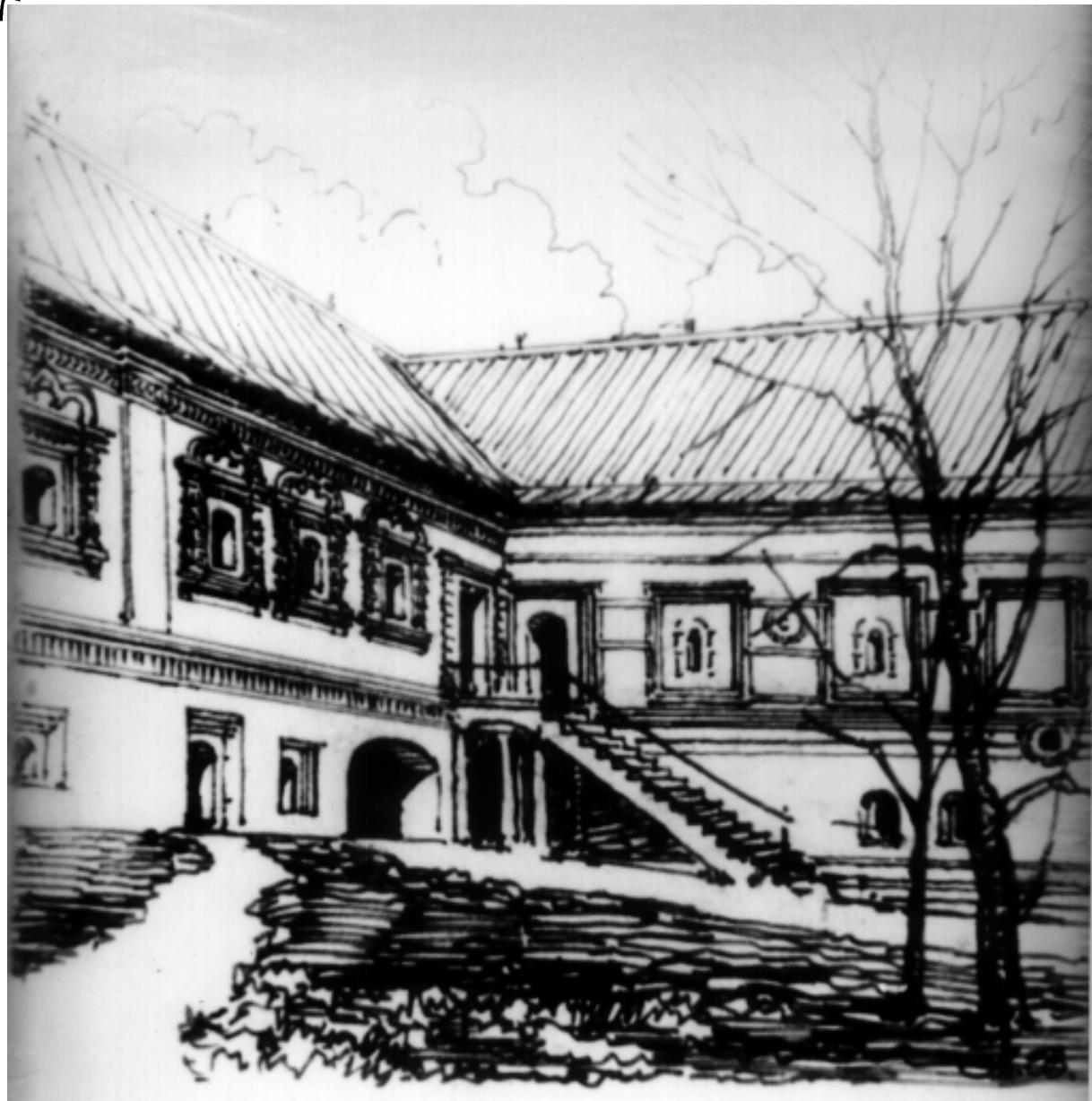
стен второго и третьего этажей (от части и первых двух этажей).

Действительно, строители третьего этажа, не задумываясь, смещали поперечные стены далеко в сторону от соответствующих стен нижестоящего этажа и ставили их непосредственно на свод. Так было сделано при устройстве «полатки» над южным крыльцом, восточная стена которой, продолжаясь в глубь здания, поклонилась на своде нижних сеней. Так же поступили при расширении третьего этажа в сторону реки Костромы. Эта странность особенно ощутима при взгляде на фасад Настоятельских келий. Строители, размещая трёхчетвертные колонны, соответствующие поперечным стенам, где придётся, не сообразуясь с законами зрительной тектоники, иногда даже над окнами второго этажа, сохранили художественную ценность архитектуры того времени. Конструктивным оправданием этого архитектурного парадокса являются подпружные арки в несущих стенах с пропущенными в их основании железными связями – приём редкий в русском зодчестве.

4. Кострома. Архиерейский корпус Ипатьевского монастыря

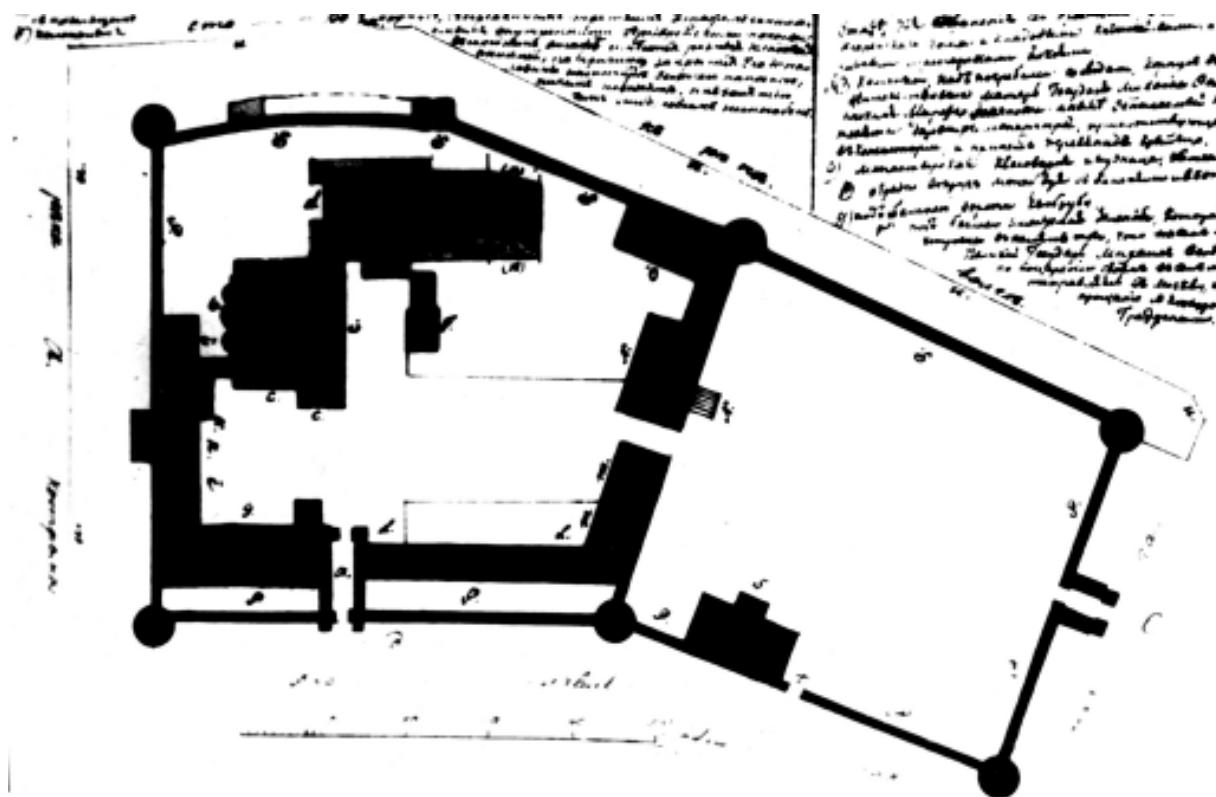
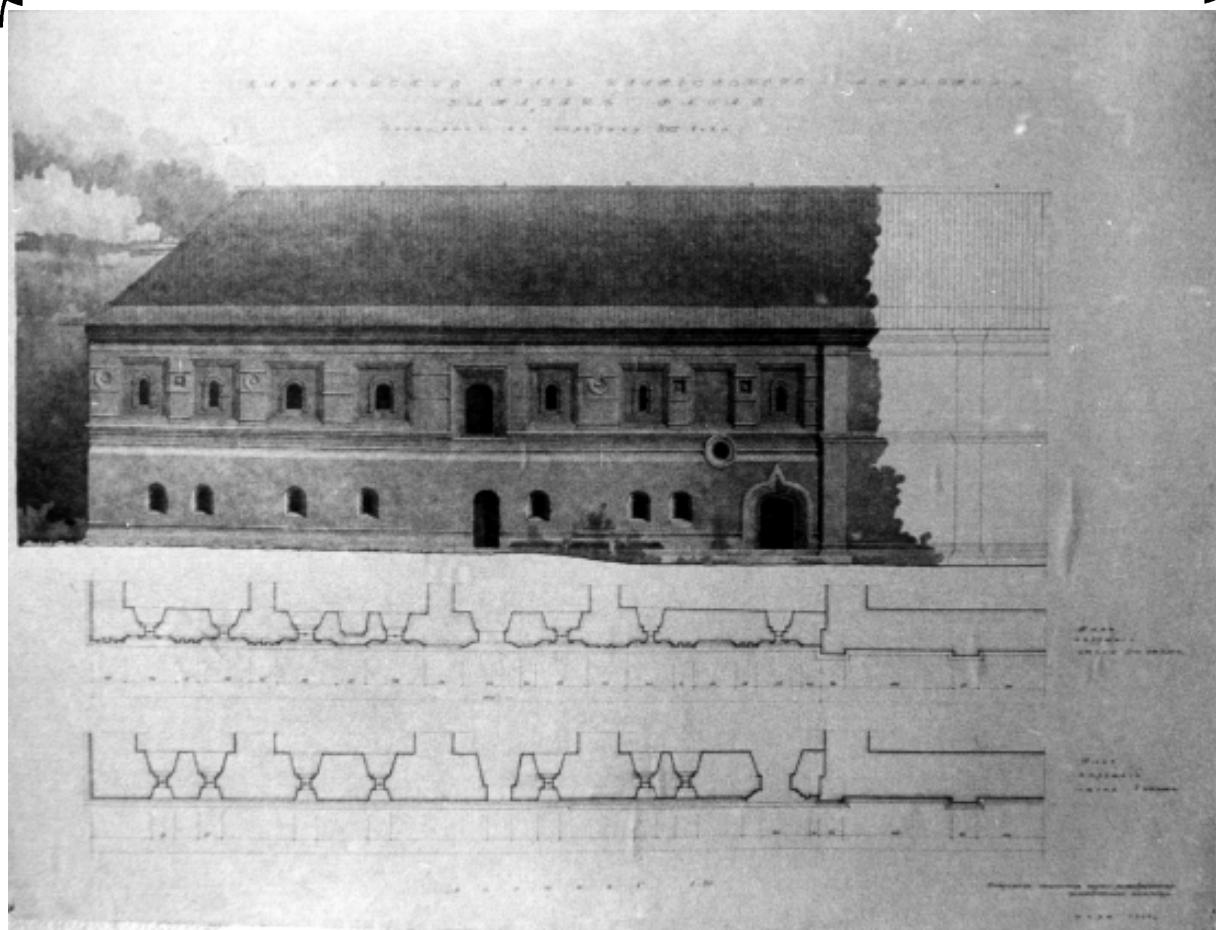

Кельи архимандрита и казначея

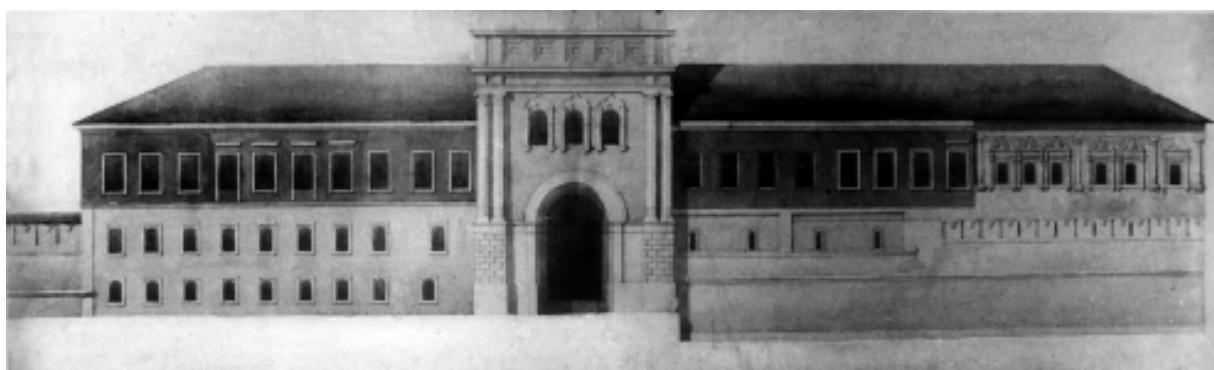
Состояние на 80-е гг. XVII в.

4. Кострома. Архиерейский корпус Ипатьевского монастыря

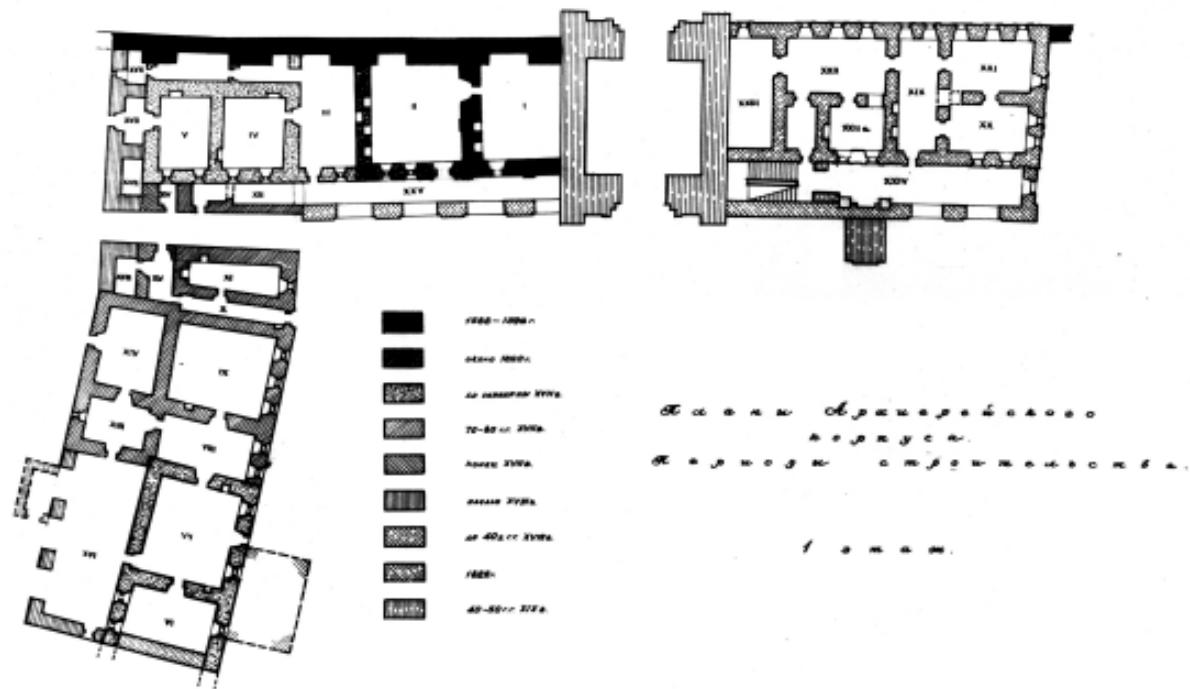

Архиерейский корпус. Восточный фасад. Проект перестройки 1820 г. (Н. Метлин).

4. Кострома. Архиерейский корпус Ипатьевского монастыря

*Архиерейский корпус Ипатьевского монастыря.
Восточный фасад Настоятельских келий после
реставрации*

НАСТОЯТЕЛЬСКИЙ (ВОСТОЧНЫЙ) КОРПУС БОГОЯВЛЕНСКО-АНАСТАСИИНА МОНАСТЫРЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Неотъемлемой частью архитектурного ансамбля Богоявленско-Анастасиина монастыря является Настоятельский (или – Восточный) корпус – кирпичное двухэтажное здание, имеющее в плане форму глаголя, протянувшееся с севера на юг, позади апсид Богоявленского собора. Главному фасаду соответствовало его короткое плечо, обращенное на юг. Выразительное по силуэту, оно имело с этой стороны размещенные по углам две башенные восьмигранные надстройки, увенчанные куполами. В левой, юго-западной части корпуса, размещался нарядно оформленный зал – трапезная и двусветная гостиная – место приема наиболее почетных гостей (императоров, великих князей, цер-

ковных иерархов). Назначение юго-восточной части здания, также отмеченного купольной надстройкой, не вполне ясно. Скорее всего, здесь мог размещаться домовой храм. В центре южного крыла была парадная лестница, отмеченная на фасаде кирпичным граненым тамбуром.

Со стороны западного фасада прежде существовал воздушный переход в северную галерею Богоявленского собора.

Настоятельский корпус построен в 1867-1871 гг. Переданный после революции под жильё рабочих-текстильщиков, обезображеный снаружи и внутри, он лишился угловых башенных надстроек и тамбура на южном фасаде.

Текст датирован 29 декабря 1999 г. // Архив
автора. Публикуется впервые. (Іðèì. ðåä.)

ВОСТОЧНАЯ СТЕНА БОГОЯВЛЕНСКО-АНАСТАСИИНА МОНАСТЫРЯ

Богоявленский монастырь, один из наиболее впечатляющих архитектурных комплексов старой Костромы, в окружении улиц Богоявленской (с запада), Троицкой (с севера), Пятницкой (с юга) и Новотроицкой – Козуева (с востока), ещё в XVII в. был обнесён мощными крепостными стенами и служил крепостью, наряду с Кремлём и Ипатьевским монастырём.

Со временем стены ветшали, после пожара 1847 г. частично подверглись разрушению, затем вновь восстанавливались. Тем не менее, до 1919 г. монастырь со своими храмами, белыми стенами и башнями, в основных чертах сохранял первоначальный облик, являясь историко-художественной достопримечательностью Костромы.

После закрытия в 1919 г. монастыря, изгнания монахов и вселения в опустевшие здания достаточно люмпенизированных ткачей началось разрушение древних зданий, в том числе стен, окруживших древнюю обитель, вплоть до выборки фундаментов из гранитных валунов. На их месте один за другим появились кирпичные 3-этажные здания – для тех же жителей. Как целостный архитектурный комплекс Богоявленский монастырь перестал существовать.

Семьдесят два года спустя, после десятилетий погрома и надругательства, после пожара 1982 г. Областного архива, втиснутого в Богоявленский собор, и гибели в пламени фресок Гурия Никитина, Богоявленский монастырь, наконец, поэтапно стал передаваться Костромской епархии.

Одной из первых задач, вставших при этом, стало возможно полное восстановление наружных монастырских стен – мера, необходимая функци-

Пояснительная записка к проекту восстановления восточной стены Богоявленско-Анастасиина монастыря. Текст датирован 12 октября 2002 г. // Архив автора. Публикуется впервые. (Ю.Ю. Ю.Ю.)

онально, важная в градостроительном аспекте. В течение 1990-х годов удалось восстановить значительную часть западной стены; в 2001-2002 гг. в основном завершено воссоздание южного участка, вдоль улицы Пятницкой.

Цель предполагаемого проекта – восстановление восточного участка монастырской стены, вдоль улицы Новотроицкой (Козуева). Речь идёт именно об участке восточной стены, простиравшейся прежде на 223 метра, но ныне застроенной разнокалиберными 3-х этажными домами.

Ситуация такова: южный, левый отрезок линии, смежный с улицей Пятницкой, занят зданием б. Совнархоза (№ 1), постройки середины 1950-х годов; посредством ограды (справа) оно смыкается с 2-х этажным зданием (№ 3) так называемого рабочего корпуса монастыря, примыкающим изнутри к остатку крепостной стены XVII в., единственно сохранившемуся фрагменту древней ограды, со следами зубцов боевого хода (должен быть обследован и реставрирован). Судя по всему, каменный этаж рабочего корпуса был сделан до пожара 1847 г. Далее, через 30,5 м, следует 3-х этажное жилое здание (№ 5) постройки 1938 г., намеченное, согласно договоренности с городской администрацией, к передаче епархии. Северный угол квартала замыкает 3-х этажное жилое здание конца 1920-х годов (№ 7).

Таким образом, к настоящему времени восстановление восточной монастырской стены осуществимо лишь в интервале между домами № 3 и № 5, т.е. на протяжении 30,5 м.

При выборе варианта проектного решения неизбежно приходится учитывать следующее: 1) необходимость для монастыря хозяйственных ворот, достаточно широких для пропуска крупногабаритных автомашин, что исключает и применение каких-либо перемычек над проёмом; 2) наличие подземных коммуникаций; 3) отсут-

ствие достоверных сведений о первоначальном облике утраченного участка древней стены, без чего невозможно проведение научно-обоснованной реставрации; 4) требования экономической целесообразности.

Не претендуя на историческую достоверность, мы предлагаем более нейтральное, функционально удобное и легче выполнимое решение. Оно должно быть стилистически увязано с архитектурой Костромы начала – середины XIX в., соответствовать окружающей гражданской застройки того времени. Суть проекта: поставив новую стену по трассе предыдущей стены, понизить её до уровня валика под зубцами на фасаде рабочего корпуса (+3.10 м от уровня тротуара), довести её ширину до 64 см, сделать широкие, с пилонаами, ворота (проём 450 см), разместить их по оси проходящей теплотрассы. В правой части

ограды, у дома № 5, сделать калитку*. Угла фасада рабочего корпуса сохраняется фрагмент кладки XVII в., с включением её в новую ограду.

Новый фундамент (ибо старый не сохранился) предлагается выполнить в монолитном бетоне; то же относится к цокольным частям стены и ворот. Глубина фундамента 180 см.

Кладка стены и ворот – из красного кирпича, на сложном растворе, с применением бетонных отливок в антаблементе пилонов. Обратить особое внимание на трапециевидный силуэт пилонов (сужены кверху).

Кладка ведётся без расшивки, с тщательной затиркой швов. По окончании каменных работ и стена и ворота дважды обмазываются (кистью) известковым раствором.

Ворота и калитка кованые железные; как и кровли (из чёрной стали), окрашиваются зеленью.

* Участок стены у дома № 5 (длиною 5 м) восстанавливается после отселения дома. (Іðєї. àâò.)

ЮЖНАЯ СТЕНА БОГОЯВЛЕНСКО-АНАСТАСИИНА МОНАСТЫРЯ

Возникший в XV в. к северу от Кремля и торгово-ремесленного посада древней Костромы Богоявленский монастырь ныне окружён улицами Пятницкой, Богоявленской (Симановского), Троицкой (Комсомольской) и Новотроицкой (Козуева). С Сусанинской площадью его связывает Богоявленская улица, ориентированная на Смоленскую часовню, и участок стены, проходящей вдоль улицы Пятницкой. Именно Богоявленская и Пятницкая линии монастырских стен, непосредственно обозреваемые от городского центра, всегда рассматривались как парадные и получали соответствующую обстройку. В стене по Пятницкой размещались главные монастырские ворота. Её левый угол занимала Пятницкая часовня, построенная в 1824 г. (в основе её лежит квадратная угловая башня). В непосредственном с нею соседстве, на примыкавшей с востока крепостной стене, в те же годы была сделана небольшая звонница с колоннадой и куполом. Она зафиксирована на рисунке XIX в., в том числе на рисунке Г. Чернецова 1838 г. Примерно в середине стены, правее квадратной промежуточной башни, разобранной после пожара 1847 г., размещались главные монастырские ворота с надвратной Никольской часовней в уровне высокого аттика, с большой иконой на главном фасаде. Поставленные с отступом от красной линии, с трапециевидной площадкой перед ними – яркий образец русского барокко, – они стилистически перекликались с Никольской церковью (стоявшей до 1930-х годов в южной части монастырского двора), одной из высотных доминант монастырского комплекса.

Пояснительная записка к проекту восстановления южной стены Богоявленско-Анастасиина монастыря. Текст датирован 14 октября 2000 г. // Архив автора. Публикуется впервые. (Іðèї. ðåä.)

Как многие монастырские постройки, и стены и башни были снесены в первые десятилетия советской власти. Из внешнего пояса архитектурного комплекса уцелела средняя проездная башня (колокольня) в середине Богоявленской линии и Смоленская часовня с больничными кельями, в очередной раз перестроенная в конце XIX в., получившая тогда главу и закомары. По периметру монастырского квартала на месте снесённых стен в разные годы появились трехэтажные дома, в основном жилые. На рассматриваемой нами Пятницкой линии правый угол занимает б. здание совнархоза; стоящий слева от него трехэтажный жилой корпус (конца 1920-х годов) отодвинут от красной линии на 8 метров.

С возрождением в древней обители церковной жизни одной из насущных задач становится возможно полное восстановление монастырской ограды. Однако в силу сложившейся ситуации решение её неизбежно приобретает характер компромисса: воссоздание стен возможно лишь на незастроенных участках. И таковыми являются Богоявленская и Пятницкая линии ограды, наиболее приближенные к Сусанинской площади и легко от неё обозреваемые.

Усилиями епархии в начале 1990-х годов удалось восстановить значительный участок стены со стороны улицы Богоявленской (Симановского). Функциональный и визуальный выигрыш сделанного очевиден.

Не менее актуальным представляется восстановление монастырской стены со стороны улицы Пятницкой – на незастроенной линии от Смоленской часовни до здания бывшего совнархоза. Но здесь возникает ряд проблем. Из них главнейшая – наличие за трассой стены трехэтажного жилого дома, хотя и отстоящего от красной линии на 8 м (7 м в чистоте), но в случае

устройства перед ним стены частично лишающиеся инсоляции в зимний период (в уровне 1-го этажа). Психологически отрицательным моментом может восприниматься и глухая стена перед окнами. При этом внутренняя линия двора вдоль стены вообще лишается солнечного освещения. Так или иначе, но пока это здание, построенное на монастырской территории, не будет передано епархии (перспектива этого не исключена), проблемы остаются.

С другой стороны, для Костромы, готовящейся отметить свое 850-летие, восстанавливающей архитектурные памятники своей старины, не-маловажно ликвидировать позорящие ее следы нигилистического погрома 20 – 40-х годов и сопутствующей бесхозяйственности. И участок монастырской стены по Пятницкой – вопиющий пример этого: это центр города, место паломничества туристов, сейчас – в основном иностранных.

Предлагаемым проектом предусмотрено восстановление монастырской стены от Смоленской часовни до здания совнархоза. Он включает воссоздание звонницы, хорошо просматриваемой с Сусанинской площади, и парадных монастырских

ворот. Ввиду сложившейся ситуации мы вынуждены сместить их к западу, приблизив к часовне. Ворота необходимы функционально; стилистически должны соответствовать историческому прототипу (см. старинные изображения в монографии И.В. Баженова «Костромской Богоявленский монастырь». М., 1913 г.).

Как мера, снимающая проблему инсоляции нижнего этажа жилого дома, предлагается частичное раскрытие на улицу десяти внутренних разгрузочных арокад в стене перед ним, с установкой в проёмах кованых решёток. Это обеспечит достаточную освещённость здания, инсоляцию и проветривание зелёного участка перед ним. Одновременно кладка остающихся участков стены существенно снизит уровень шума от транспорта, ограничит доступ бензопирена. Кованое ограждение со стороны улицы даст жителям дома определённую гарантию безопасности. При соответствующем благоустройстве (устройство газонов, цветников) участок между домом и стеной может стать местом отдыха жильцов. Торцевая стена его, с западной стороны, в этом случае должна быть огорождена невысокой оградой с калиткой.

ЦЕРКОВЬ ВОСКРЕСЕНИЯ НА ДЕБРЕ

О церкви Воскресения на Дебре сказано много. Она принадлежит к наиболее почитаемым и, вероятно, наиболее художественно значимым костромским культовым зданиям.

Чем же привлекает она внимание и прихожан, и исследователей, и просто любителей русской старины? Своей древностью? Но в Костроме были и более древние храмы – тот же собор Богоявленского монастыря, построенный во времена Ивана Грозного, или, не дошедший до нас, Успенский кафедральный собор Кремля, имевший ещё более почтенный возраст. Однако неизменной популярностью, особенной душевной любовью пользовался именно храм на Дебре. Как большинство приходских церквей, он невелик, но особой благодатью веет от его потемневших стен, от могучего пятиглавия с золотыми крестами, резных белокаменных стен на Святых воротах.

Наша страна дала миру немало совершенных созданий духа, но мы часто встаём в тупик при вопросе: кто же это сделал? За ничтожными исключениями, мы не знаем имён строителей прославленных храмов, монастырей, многих зданий светской архитектуры.

Целиком относится это и к Костроме. Мы слышали о С.А. Воротилове – строителе Богоявленского собора Костромского кремля, знаем о П.И. Фурсове, построившем пожарную каланчу и гауптвахту, о В.В. Стасове, проектировавшем Табачные ряды. Но что мы можем сказать о строителях Ипатьевского монастыря? Разве припомните Леонтий Мазухине, надстроившем в конце XVII в. третий этаж над настоятельским корпусом. Между тем, имена создателей Троицкого собора и звонницы для нас тайна. Неизвестны и имена строителей многочисленных костромских храмов

Текст датирован 1995 г. // Архив автора. Публикуется впервые. (Їðèì. ðåä.)

старого города, канувших в небытие в период «культурной революции» 30 – 40-х годов. Чудом среди них избежала уничтожения церковь Воскресения на Дебре.

В Писцовой книге 1628 г. упоминаются церковь «древяна, верх шатровой, Воскресения Христово да вверху предел Христовы мученицы Екатерины» и «церковь другая с трапезою деревяна, клецки, Козмы и Домьяна»*.

О времени постройки нынешней Воскресенской церкви, пусть с неизбежной долей вероятности, достаточно подробно сказано в статье А.В. Кильдышева**.

Хочется сказать о другом. К. Исаков, как и другие костромские купцы, бывал в вологодских землях, в частности, в Великом Устюге. Несомненны деловые связи костромичей с купцами и строительными подрядчиками этого северного края. Именно к середине XVII в. относится появление в Костроме церкви Вознесения на Дебре, в системе декора которой так живо проступают мотивы вологодских Кирилло-Белозёрского и Ферапонтова монастырей. То же можно сказать о нашей церкви. В её облике нельзя не увидеть явного сходства с Вознесенской церковью Великого Устюга, построенной в 1648 г. на средства купца Никифора Ревякина. Северный, Трёхсвятительский придел костромского храма, его декор и особенно наличники окон – совершенная копия великоустюжского образца.

Как ни один костромской храм, Воскресенская церковь поставлена свободно, незатемнённо. Чувствуется, что место для неё готовили заранее, скорее всего, в стороне от стоявшей ещё

* ГАКО, ф. 558, оп. 2, д. 133, л. 574 об. (Їðèì. àâò.). «Писцовая книга г. Костромы 1627/28 – 1629/30 гг.» издана в Костроме в 2004 г. (Їðèì. ðåä.)

** ?

деревянной Воскресенской церкви. Мы не знаем, где стоял прежний деревянный храм, но, помня давний обычай ставить церкви на возвышенном месте, можно предположить, что стоял он к востоку, на кромке крутого спуска к Волге.

Окончательно освящён каменный Воскресенский храм в 1652 г. По композиции, соотношению внутренней структуры и декора его можно отнести к переходному периоду в истории русской культовой архитектуры. Исходный тип в этой эволюции – крестовокупольный храм с внутренними столбами и закомарами, соответствующими системе сводов. В Костроме он представлен Успенским собором Кремля, Богоявленским монастырским собором и отчасти Троицким собором Ипатьевского монастыря. Архитектурный декор этого типа храмов, как правило, сдержан.

Возникший в начале XVII в. тип зального храма, где пространство четверика не членится внутренними столбами, а перекрывается единым четырёхскатным сомкнутым сводом с единственной световой главой, в Костроме представлен Спасской церковью за Волгой (1687 г.) и Ильинской церковью на улице Русиной (1690-е гг.). Они ярко декоративны, закомары, завершающие фасады четверика, в них, скорее, символичны, ибо не соответствуют его внутреннему перекрытию.

Воскресенский храм на Дебре конструктивно тяготеет к первому типу, но в наружном декоре во многом принадлежит уже к последующей эпохе. Впрочем, как свойственно вообще костромской школе, архитектурный декор здесь гармонично соподчинён композиции храма, а масштаб общего человеческого и по-провинциальному уютен. В костромских церквях не увидишь преувеличенных размеров и меркантильной суховатости современных и ярославских храмов. Их художественный строй обращён к непосредственному чувству человека, но не к его гордыне.

Воскресенская церковь состоит из поднятого на подклет четверика с трёхчастной алтарной апсидой и с трёх сторон окружена трёхярусными сводчатыми галереями. Три каменных шатровых крыльца, с запада, севера и юга, связывают её с пологим, обращённым к Волге, зелёным склоном. Пятиглавие четверика дополняет главка Трёхсвятительского придела. Он примыкает к его северной стене и один нарушает строгую осевую симметрию. Полукруглая апсида северного придела, соседствуя с тройной алтарной частью четверика, находит отклик в апсиде южного, Екатерининского придела, воз-

никшего в XIX в. Таким образом, храм имеет пять апсид. Екатерининский придел не имеет главы и внешне, не считая апсиды, ничем не выделяется. Крестовые своды над четвериком опираются на внешние стены и четыре внутренние опоры, две из которых имеют вид мощных прямоугольных столбов, выходящих в интерьер молельного зала, два, восточных, переходят внизу в предалтарную стену с прислонённым к ней иконостасом. Перекрывающая четверик четырёхскатная железная кровля относится к XVIII в. При исследованиях 1962 г. выяснилось, что в основаниях всех пяти глав, под кровлей, сохранились килевидные кокошники и то, что пазухи тройных закомар на фасадах были заложены позднее. Тогда же найдены остатки дополнительных закомар в основаниях большой и малой глав, придававших четверику ступенчатый силуэт. Попутно, при обследовании основания шатров, над крыльцами найдены остатки второго яруса кокошников коробового очертания, но без киелей. (Тогда же они были восстановлены, а позднее закладки между нижними кокошниками разобраны).

Аналогичная, трёхярусная корона кокошников найдена была тогда и в основании главы Трёхсвятительского придела. Скрытые до сих пор под поздней кровлей два верхних яруса их поставлены непосредственно на сомкнутый свод придела. И, наконец, тогда же были сняты железные кожухи на шатрах крылец и вскрыта рельефная обработка их в виде полуциркульного сечения гуртов на рёбрах и гранях.

Как ни оценивать степень практической целесообразности переделок, но они значительно исказили облик храма. В полной мере относится это и к его двухярусной галерее. Первоначально она имела вид сквозной двухярусной аркады. Особенно наряден был верхний ярус, со столбами-бочками, сдвоенными арками, висячими белокаменными гирьками и белокаменными клеймами над ними. Закладка проёмов галереи сделана, очевидно, ради увеличения полезной площади храма и ввиду практического неудобства в северном климате открытых галерей и гульбищ. И всё же жаль утраченного изящества, былого композиционного совершенства.

Если в чём и можно упрекнуть древнерусских зодчих, но только не в недостатке композиционной смелости и артистизма. Назовём хотя бы Духовскую церковь Солотчинского монастыря под Рязанью, свод трапезной которой первоначально был задуман вообще без кровли и лишь

впоследствии получил её (что исказило и функцию, и облик здания)*.

Подобной была судьба трапезной Симонова монастыря в Москве, со столь же необычным покрытием. Узкий утилитаризм и невысокая культура последующих пользователей памятников архитектуры сплошь и рядом приводит к их иска- жению. Пример тому и костромская церковь Вос- кресения.

В связи с этим нельзя не упомянуть о рас- тёсанных и переделанных в XVIII в. окнах четвери- ка (прежний вид сохранило одно окно на южном фасаде, крайнее справа).

Необычайно красивы и уникальны по ком- позиции Святые врата Дебринской церкви, с двумя разновеликими арочными проёмами внизу, тремя шатрами наверху и великолепными резными клей- мами из белого камня. Они выходят на красную линию и, несомненно, современны храму. Что касается нарядного сводчатого перехода от врат к западному крыльцу, то он появился, очевидно, в первые годы XVIII в. Тогда же были переделаны все три храмовые крыльца.

Как любой храм, церковь Воскресения на Дебре не могла не иметь колокольни, и она, дей- ствительно, была. Известно, что она сломана в 1801 г., сразу после освящения новой, грандиоз- ной четырёхъярусной колокольни, возведённой рядом, у западного фасада соседней Знаменской церкви, выполнившей роль тёплого храма. Облик прежней колокольни не известен, но, скорее все- го, она была шатровой и примыкала к торцу тра- пезной Знаменского храма.

До середины XIX в., судя по натурному рисунку Чернецова, участок церкви не имел ка- менной ограды. Существующие северный и за-падный участки её пока не атрибутированы, но судя по характеру столбов-бочек, цоколю с ширинками и позднеампирному рисунку кованых звеньев, они могли появиться на рубеже 40 – 50-х гг. XIX в. Характером своим они близки про-екту западной галереи звонницы Ипатьевского монастыря, выполненного и осуществлённого в 1851 – 1852 гг. костромским губернским архи- тектором Поповым. Восточная сторона ограды сделана в 1878 г. Западная сторона ограды, проходя вдоль Дебринской улицы, примыкала к стоящей к югу Знаменской церкви, включая тем самым оба здания в единый культовый ансамбль.

* Отвод дождевых вод со свода осуществлялся через отверстия с водомётами в ограждающих бо- ковых стенах. (Іðèї. àâð.)

О характере ограды с южной стороны храмового участка сведений пока нет.

Предметом отдельного исследования является вопрос о колористическом решении фасадов Дебринского храма и его эволюции. Как многие старые церкви, он пережил ряд эпох с сопут-ствующей им сменой стилей, вкусов, представле-ний о прекрасном. И, естественно, не мог сохра-нить ни первоначальных форм, ни первоначаль-ной цветовой гаммы.

Итак, как же выглядело здание на момент освящения? Бесполезно искать ответа в архивах и библиотеках. Лишь натурные исследования на самом памятнике, метод сопоставления, могут, со известной степенью вероятности, установить ха-рактер, последовательность и хотя бы ориентиро-вочную датировку в смене покрасок фасадов.

Обратимся к данным таким исследований. В 1962 г., при последнем по времени ремонте железных кровель на четверике и северном Трёс-вятительском приделе храма, выяснилось следу-ющее. Во-первых, основания всех пяти глав чет-верика (спрятанных, как сказано ранее, под по-здней кровлей и украшенных поясом кокошни-ков) совершенно не имели ни следов покраски, ни следов побелки. Первоначальные поверхно-сти этих глав представляли собой хорошо выполненную большемерную кирпичную кладку с заг-лаженными швами известково-песчаного раство-ра. Но! На этих швах местами сохранялся иску-стственно наведённый кистью шов, выполненный чистой известью. Мотив этого рода декорировки известен в истории русской архитектуры и встре-чается на памятниках зодчества второй полови-ны XVII в. (храмы Солотчи, Ярославля, Москвы). Он всегда предполагал на фасадах наличие бе-локаменных деталей-вставок в виде капителей колонок, висящих гирек или подпятников арок, резных клейм. Подобного рода детали присут-ствуют и на Дебринском храме, и, значит, при известной степени воображения, можно пред-ставить его изначальный вид – краснокирпич-ное, с наведёнными белыми швами здание, с эффектно выделяющимися на тёмном фоне бе-локаменными деталями. Никакого дополнитель-ного тона, в виде раскрашенных поясков, на-личников или архивольтов, в это время на фаса-дах не было.

Во-вторых, вскрытые при ремонте кровли кокошники в основании главы Трёсвятительского придела оказались окрашенными чистой извес-тью – целиком, включая все детали, и, опять-таки, без применения цветных колеров. О чём

это говорит? А вот о чём: принимая во внимание одновременность строительства и придела и основного храма, приходим к единственному возможному выводу – первой переделана была кровля четверика и какое-то время после этого завершение придела с короной кокошников оставалось открытым. И именно в этот момент изменился вид церкви – из краснокирпичной, с белыми деталями она стала чисто белой, вся целиком.

Когда же это могло произойти? Чтобы ответить на это, придётся отвлечься в сторону и поговорить о совершенно другом храме.

Есть в Костроме, на правом берегу Волги, церковь Спаса Преображения. Построена она в 1687 г., в 30-е гг. XX в. оказалась полуразрушенной, но в конце 60-х годов пришла очередь и её реставрации. Составлению проекта реставрации, как водится, предшествовали натурные исследования, в том числе исследования красочных слоёв на фасадах.

Дело в том, что при последнем по времени ремонте её, в конце XIX в., фасады были раскрашены масляной краской под бриллиантовый руст (подобно Дебринскому храму и одновременно с ним), весьма мало гармонировавший с древним обликом здания. И вот, при расчистке красочных слоёв на фасадах Спасской церкви, открылась любопытная картина: поверх кирпичной кладки, на выступающих деталях декора, были вскрыты семь слоёв чистой известковой обмазки (на глади стен, между деталями декора, известковых слоёв было значительно больше). Если принять за вероятный временной интервал между косметическими ремонтами 4 – 5 лет (пусть условно), получается, что лет 24 – 30 после освящения, т.е. до 1711 – 1717 гг., храм стоял чисто белым. Но далее поверх известковых слоёв следовали, сменяя друг друга, насыщенные по цвету красочные слои на kleевой основе, причём разные для разных поясков, деталей декора. Цветовая гамма включала сурик свинцовый, охры, голубец, зелень. Найдено было пять красочных слоёв, последовательно нанесённых один поверх другого. Если принять за основу тот же временной интервал между покрасками, то можно определить, что в течение 20 – 25 лет, т.е. до 1732 г., церковь имела белые фасады с полихромными деталями.

Трудно предположить, что пример Спасской церкви был единичным для Костромы. Несомненно, он отражал некую общность художественных вкусов своего времени, и если сравнительно скромный храм Спасской слободы

мог позволить себе роскошь полихромного фасада, то более чем вероятно, что и храм на Дебре не должен был отставать от него. А если так, то временные рамки смены характера покраски фасадов и Дебринской церкви и Спасской церкви должны быть близки.

Следуя этой логике, видимо, к 1711 – 1717 гг. следует отнести и постройку перехода между Святыми воротами Воскресенского храма и его западным крыльцом, а также закладку боковых арочных проёмов на всех его трёх крыльцах. Сам характер рельефного декора этих добавлений требовал изначальной полихромной раскраски.

Говоря о цветовом решении фасадов четверика этой поры, нельзя не упомянуть о полулюнках, декорирующих его. Они получили цвет золотистой охры и украшены виноградными лозами, нанесёнными чёрной краской (приём, встречающийся, между прочим, на церкви Одигитрии в Ростовском кремле).

Следующие по времени изменения в облике храма относятся к 1742 г. В это время были заложены арочные проёмы галерей, окружающих четверик, в уровне второго яруса устроены спаренные прямоугольные окна с характерными для этой эпохи наличниками.

И, наконец, перестройка в 1876 г. нижнего отрезка галереи, появление в её восточном торце апсиды, а у бокового фасада небольшой ризницы на столбах (сломанной в советское время) приблизила здание к современному нам виду. Фасад апсиды вновь образовавшегося Екатерининского придела получает новомодную для того времени раскраску под бриллиантовый руст. Одновременно под тот же руст раскрашены были фасады основного храма.

В таком виде, с учётом неизбежных утрат, церковь Воскресения на Дебре дошла до наших дней.

В 1990 – 1991 гг. фасады храмов были раскрашены вновь. В основу проведённых работ взят проект, подготовленный Костромской реставрационной мастерской. С горечью приходится заметить, что проект этот не выдерживает критики, ибо не соответствует ни одному из этапов истории здания. Более того, даёт о ней превратное представление.

И – в заключение. Место, где стоит этот храм, а именно участок улицы Нижней Дебри, никогда не относился к центральной части Костромы. Скорее, это была городская окраина. Лишь близость к Волге – «главной магистра-

6. Кострома. Церковь Воскресения на Дебре

ли России» – делала его приметным и посещаемым. Тихая улица, на которой стоит он, брала начало у склона Кремля; другой её конец упирался в Чёрную речку, за которой по крутым берегу поднималась Татарская слобода, с мечетью и тенистым Татарским кладбищем.

Скромно-провинциальный облик улицы, её одно- и двухэтажная застройка служили естественной средой Дебринского храма. Улица была неширокой, поэтому он воспринимался либо в сильном ракурсе, либо фронтально, с близкого расстояния, откуда хорошо воспринималась и монументальность целого, и изысканность деталей.

К великому сожалению, при устройстве нового, железобетонного моста через Волгу в начале 1970-х годов вся прибрежная полоса жилой застройки была здесь снесена, и древний храм оказался открытм для обозрения с дальних точек, на что он никогда не был рассчитан.

Убийственным для древнего здания стало соседство с чудовищным мостом, к тому же железобетонная эстакада съезда с моста, дугою изгибающаяся перед западным фасадом храма, совершенно отгородила его от Волги.

Так губятся или морально обесцениваются лучшие памятники русской национальной культуры.

6. Кострома. Церковь Воскресения на Дебре

ЗНАМЕНСКАЯ ЦЕРКОВЬ НА ДЕБРЕ

К югу от церкви Воскресения на Дебре, в 34 м от неё, стоит полуразрушенное здание – бывшая Знаменская церковь. В 30-е гг. XX в. она лишилась колокольни и высокого восьмигранного придела над четвериком, с фронтонами в основании, с живописной, по-барочному выгнутой кровлей, переходившей в восьмигранный фонарь и далее – в луковичную главу с крестом. О прежнем виде здания дают представление снимки 1900-х годов, сделанные со стороны Нижней Дебри и фотоизображение ее в книге Б. Дунаева «Кострома в ее прошлом и настоящем по памятникам искусства» (М., 1913 г.). Особое место в иконографии Знаменского храма занимает рисунок Н. Чернецова 1838 г., хранящийся в Русском музее Петербурга. Выбранная художником точка – склон горы, к югу – позволила изобразить панораму всей прибрежной части Костромы с видом на Кремль, правобережную часть города. В центре рисунка комплекс Дебринских храмов – Воскресенского и Знаменского.

Необычный, прихотливый силуэт Знаменской церкви, при всей её контрастности по отношению к Воскресенской, тем не менее, органично сочетался с нею: изящное завершение, венчавшее Знаменскую церковь, находило отклик в лёгких шатрах над вратами и крыльцами Воскресенского храма; наконец, вертикаль грандиозной колокольни, явно рассчитанной на дальние перспективы, объединяла их в единое целое.

От Знаменской церкви сохранились четверик, алтарная апсида и трапезная, перекрытые, соответственно, сомкнутым сводом, полкуполом и цилиндрическим сводом с распалубками.

Сведения о ней, содержащиеся в книге «Церкви Костромской епархии» (СПб., 1909 г.), скучны: «Знаменская церковь, 1802 г., зимняя церковь для Воскресенской церкви. Придел во

Пояснительная записка к проекту воссоздания Знаменской церкви на Дебре в г. Костроме. Текст датирован марта 1970 – ноябрем 1995 гг. // Архив автора. Публикуется впервые. (Їðèì. ðåä.)

имя св. Космы и Дамиана. Колокольня того же времени, с приделом во имя св. Прокопия, Устюжского чудотворца».

Более обстоятельны клировые ведомости за 1886 г. (ГАКО, ф. 130, оп. 9, ед. хр. 3267, л. 86): «...> Воскресения Христова, что на Дебре, построена в 1652 г. тщанием купца Кирилла Григорьева... тщанием Воскресенских прихожан по образцу древних церквей ...> Зданием ...> без колокольни ...> При оной церкви теплая, когда и кем построена, неизвестно. Алтарь этой церкви распространен в 1860 г. тщанием купеческой вдовы Анны Ивановны Стоюниной. Зданием каменная с таковой же колокольней, построенной в 1802 г. тщанием Воскресенских прихожан. Престолов в ней два – в настоящей теплой во имя Божией Матери чесного ея образа Знамения и св. великомученика Георгия Победоносца, в приделе холодном, построенном в 1802 г. над теплой церковью, во имя бессеребренников Космы и Дамиана и св. Прокопия Христа ради Юродивого Устюжского чудотворца».

Редкой особенностью Знаменского храма была постановка придела непосредственно над четвериком, без доступа снизу. В него попадали из колокольни – от неё, с уровня второго яруса, по коньку кровли трапезной шел переходной мостик с точёным балясником, приводивший к двери в западной стене придела.

Обмер здания, выполненный в октябре 1969 г., и его натурное обследование показали следующее: и четверик, и трапезная выложены из того же большемерного кирпича на известковом растворе, что и Воскресенская церковь (это относится ко всей высоте четверика и почти ко всей высоте трапезной – верхняя часть её фасадов, судя по кирпичу и форме карниза, могла появиться в эпоху классицизма). На западном фасаде трапезной, со смещением к северу относительно продольной оси, видны следы разрушенного перед постановкой колокольни некоего объёма (с трапезной он сообщался двумя ар-

ками; одна из них заложена большемерным кирпичом на извести, видимо, тогда же). На всех трёх сторонах трапезной сохранился срубленный карниз с поребриком, проходившим значительно ниже существующего. На внутренних поверхностях стен четверика, примерно на половине их высоты, видны пятна срубленного сомкнутого свода с распалубками над первоначальными окнами; оси этих проёмов на северной стене не совпадают с существующими; нынешние оконные проёмы четверика в обоих ярусах сделаны за счет растёски старых, откосы и перемычки в них выложены заново (то же относится к окнам трапезной). Верхняя половина стен четверика по кирпичу и технике кладки вполне идентична нижней, её внешний декор (фриз с килевидными впадинами) типичен для костромских церквей XVII в. (церкви Спаса и Ильинская за Волгой, Троицкая церковь). Своды и над четвериком, и над трапезной выполнены из большемерного кирпича на извести; внешняя поверхность свода четверика гладкая, без каких бы то ни было следов глав. В нижней половине северного фасада четверика видны следы разрушенного объёма, построенного воедино с четвериком, со следами сомкнутого свода. Алтарная апсида выложена из кирпича, типичного для XIX в., на извести.

Все это позволяет утверждать: в основе существующего здания Знаменской церкви лежит церковь XVII в. (скорее всего, ровесница Воскресенского храма), состоявшая из невысокого четверика (соответствующего нижнему своду) с северным приделом, трапезной (карниз с поребриком по фасадам), алтарных апсид; с западной стороны к трапезной примыкал ассиметрично поставленный объём, возможно служивший основанием колокольни.

Несколько позже, но, вероятно, в пределах XVII в., был надстроен четверик. Наконец, на рубеже XVIII – XIX вв. церковь в основных своих частях получает известный нам облик. Алтарная часть, как сказано выше, была перестроена в 1860 г.

Эта примерная схема будет уточняться по мере проведения натурных исследований, в том числе раскопок внутри алтарной апсиды и вокруг здания.

Настоящим проектом предусматривается восстановление здания Знаменской церкви на последний этап его истории – перед разрушением, с выявлением всех следов более ранних эпох (восстановление ниш и проёмов в северной стене четверика, фрагментарное восстанов-

ление первоначального карниза трапезной). Принципиально допустимо и воссоздание северного придела храма.

Необходимость восстановительных работ диктуется, прежде всего, потребностью в соборном храме для вновь учрежденного Знаменского женского монастыря. И функционально, и композиционно ансамбль Воскресенской и Знаменской церквей нуждаются в колокольне. Из этого проистекает необходимость восстановления архитектурного ансамбля в полном историческом объёме, включая ограду и ворота. Наконец, это будет актом восстановления архитектурного облика старой Костромы – города исторического.

В основу проекта положены обмеры сохранившихся частей здания, сделанные в 1960-х годах, архивный план 1888 г., фотографии начала XX в., сделанные с различных точек.

Отправной точкой при определении высотных отметок Знаменского храма было следующее соображение.

Зная из обмера отмостку, можно, переведя метрические размеры в аршин, рассчитать шкалу размеров (в аршинах и их долях) для всех восстанавливаемых частей здания.

Дополнительным подспорьем (помимо снимков самого храма) были фотографии церкви Петра и Павла в Костроме, близкой по времени и стилистически родственной (архитектор С.А. Воротилов), и авторский чертёж проекта колокольни к церкви села Спас-Пенье Судиславского района (1830 г., архитектор П.И. Фурсов). Чертёж этой колокольни замечателен тем, что в нём дан разрез с внутренними арочными камерами, сделанными ради облегчения веса сооружения, и показан колодец, проходящий сквозь колокольню по её оси. Именно через этот колодец поднимали колокола. Приём этот, видимо, был традиционным. Подобный колодец существовал и в колокольне Богоявленского кафедрального собора Костромского кремля (архитектор С.А. Воротилов).

Кто автор реконструкции Знаменской церкви на рубеже XVIII – XIX вв.? Прямых свидетельств нет. Но, изучая круг культовых построек Костромы той поры, сравнивая их между собой, невольно приходишь к мысли – это Степан Андреевич Воротилов или члены его семьи, создавшие своеобразную архитектурную школу.

Обращаясь к практической стороне восстановления здания, следует сказать, что первым шагом в этом деле должно быть восстановление северной стены трапезной и части свода, разрушенных из-за небрежения в последние

двадцать лет. Применяться должен только красный кирпич и только на известково-песчаном растворе, с минимальным добавлением цемента. Этот правило относится и к колокольне, и к венчающему храм придеду.

Особое внимание должно быть уделено фундаменту колокольни. Он должен быть сделан заново, с учётом новейших технологий. Очевидна необходимость армирования тела колокольни, ввиду её чрезвычайной высоты (20 саженей над уровнем палерти).

В соответствии с фотографиями, фасады колокольни, лестничного притвора и верхнего восьмигранного придела оштукатуриваются. Колонны, карнизы колокольни вытягиваются по шаблонам. Капители колонн целесообразно отливать в бетоне заблаговременно, колонны выкладывать с учё-

том уточнения слоя последующей штукатурки, наносимой в соответствии с вращающимся шаблоном-доской; оштукатуриваются интерьеры придела, колокольни, притвора, поправляется штукатурка внутри основного храма. Древние части храма, их фасадные поверхности, после соответствующей чистки, покрываются известковой обмазкой (без оштукатуривания).

По завершении общестроительных работ стены храма и колокольни окрашиваются известью (кистью) по особой технологии. Кровли – чёрного железа – окрашиваются медянкой (оцинкованное железо недопустимо). Вся столярка окрашивается масляными белилами.

Здание имеет вокруг себя значительный культурный слой. Перед началом работ он должен быть удалён.

г. Кострома. Церкви Воскресенской и Знацнской на Горе
и колокольня Знацнского монастыря. Рисунок А. Волгина.

0 5 10 15 20 25 м
млн 1:500

Архитектор Г. Заславский
Сентябрь 1995 г.

7. Кострома. Знаменская церковь на Дебре

ЦЕРКОВЬ ВОЗНЕСЕНИЯ НА ДЕБРЕ

Один из наиболее старых храмов г. Костромы церковь Вознесения на Дебре стоит на левом берегу Волги, к востоку от кремлёвского холма, и некогда начинала прибрежный ряд церквей, цепочкой располагавшихся от центральной части города в сторону устья Чёрной речки. Вслед за ней следовала несохранившаяся Николо-Мокринская, церковь Воскресения на Дебре со стоящей рядом ныне полуразрушенной Знаменской церковью и, далее, на границе старого города, церковь Стефана Сурожского, разрушенная в те же 30-е годы XX столетия.

Эти церкви, в большинстве относящиеся к XVII в., в отличие от расположенных выше и, как правило, более поздних, непосредственно включались в гражданскую застройку набережной. Их силуэты просматривались на фоне зелёных склонов, удалённых от воды верхних частей города, они организовывали застройку главного городского фасада.

В вопросе о времени постройки Вознесенской церкви и её строителе много неясного. Историей здания много занимался Е.В. Кудряшов, искусствовед Костромской реставрационной мастерской, безвременно скончавшийся весною 1985 г. Одна из его заслуг – обстоятельное изучение материалов Государственного архива Костромской области (ГАКО). Благодаря ему, мы располагаем выписками из многочисленных документов, проливающих свет на историю основных архитектурных памятников Костромского края. Значение проделанной им работы, её неповторимость стали очевидными после пожара 1982 г., испепелившего Костромской областной архив.

Излагаем содержание сделанных Е.В. Кудряшовым архивных выписок, относящихся к Вознесенской церкви.

Пояснительная записка к эскизному проекту восстановления и реставрации. Текст датирован июлем 1987 г. // Архив КСНРПМ. Публикуется впервые. (Іðèì. ðåä.)

В 1628 г. на Верхней Дебре переписаны «церковь с трапезою <...> а в ней два придела: Страстное Пречистые Богородицы иконы Владимирские да чудотворца Николы <...> да место церковное, а церковь была Вознесение Господа Бога и Спаса нашего <...>» (ГАКО, ф. 558, оп. 2, ед. хр. 133, л. 573: «Писцовая книга г. Костромы, 1628 - 29 гг.»). (Из записи следует, что каменная Вознесенская церковь ещё не была построена и ей предшествовал одноимённый, по-видимому, деревянный храм.)

В окладных книгах Патриаршего казённого приказа XVII в. есть запись о том, что первая патриаршая пошлина с этого храма была взята в 1654 г.*.

Видимо, в 1654 году Вознесенская церковь начала действовать как самостоятельный храм.

В 1701 г. освящён южный Никольский придел: «209 г. марта 24 (24 марта 1701 г.) по благословенной грамоте выдан антиминс в г. Костроме, что на посаде, церкви Воскресения Господня в придел Николая чудотворца, Вознесенского собора протопоп Игнатий антиминс взял и расписался»**.

Северный притвор построен в 1835 г. (ГАКО, ф. 130, оп. 11, ед. хр. 2114, л. 168). Последний ремонт храма в 1812 году. (ИАК, выпуск 48, СПБ, 1913, стр. 2). После пожара в храме 31 марта 1917 г. (ГАКО, ф. 130, оп. 10, ед. хр. 1371, лл. 5 – 5 об.) храм был закрыт, а здание, спустя некоторое время, передано в распоряжение губисполкома. В 1932 г. сломана колокольня и барабаны глав.

В последние десятилетия XX в. здание Вознесенской церкви было передано на баланс сто-

* Материалы для истории сёл, церквей и владельцев Костромской губернии XV – XVIII вв. Вып 5. Костромская и Плёсская десятины. М., 1912, с. 33). (*Ҫäâñü è ääëää â Çäïèñêå îðèì. àâðîðà.*)

** Материалы для истории Костромской епархии. Костромская десятина жилых данных церквей 1628 – 1710 и 1722 – 1746 гг. Выпуск четвёртый. Кострома, 1908, с. 33.

ящего рядом мельничного комбината; четверик был отдан под жильё, в трапезной устроен склад. В это время растёсаны большинство проёмов, некоторые пробиты заново. После освобождения трапезной она пустовала и, лишившись кровли, стала быстро разрушаться. Рухнул свод, обрушились северная, большая часть западной и частично южная стены. В начале 1986 г. освобождён от жильцов четверик церкви.

В результате варварского использования здание находится в остро аварийном состоянии.

На время перед разрушением Вознесенская церковь состояла из двухстолпного четверика с пятью световыми главами и трёхчастной апсидной частью, трапезней, переходившей с южной стороны в Никольский придел, шатровой колокольни и двухэтажного притвора, обращённого в Мельничный переулок. Нижнюю часть четверика занимал подклет, распространявшийся на апсидную часть. Здесь он перекрывался сводами. Подклет под четвериком имел плоское перекрытие в виде деревянного пола, положенного по массивным брёвнам, опёртым, в свою очередь, на кирпичные столбы, поставленные вдоль основных несущих конструкций. Размещение глав на четверике было симметричным, и большая глава занимала место геометрического центра. Это достигалось срединным (в направлении запад – восток) расположением внутренних опорных столбов и большой главы меж ними. Каждый из столбов соединялся парой арок с западной и восточной стеной четверика, и подвешенные арки, перекинутые к южной и северной стенам, выполняли роль подпружных под коробовыми сводами, перекрывающими северную и южную травеи.

Расположенный на той же отметке свод средней травеи разорван в пространстве между столбами и посредством парусов переходит в большую главу; паруса в основании имеют и боковые главы, в торцах южной и северной травеи.

Трапезная, прикрывающая нижнюю часть западного и частично южного фасада четверика, с полукруглой апсидой и главой Никольского придела, имела сводчатое сомкнутое перекрытие, с распалубками над проёмами. На каменном щипце её западного фасада, соответствующем двускатной кровле, в месте примыкания к колокольне, видна прямоугольная дверь входа на чердак. Примыкающая к северо-западному углу трапезной четырёхъярусная колокольня, нижний из которых равен по высоте трапезной, завершалась восьмигранным шатром с главой. Два нижних, квадратных в плане, яруса уступом переходо-

или один в другой; выше следовали два восьмигранные яруса: верхний из них, ярус звона, со сквозными арками у основания шатра, завершался сложным карнизом из ступенчатых кронштейнов и полки. Шатёр и шейка главы имели по зданию железную обшивку, скрывающую кирпичный декор окон-слухов и ребер. Значительно переделанным выглядел нижний ярус колокольни, восточной стороной утопленный в стену трапезной. Из трёх его арочных проёмов два боковых были заложены наполовину толщины и имели вид ниш, а западный был зализован начисто; в левом углу заложенной арки была устроена явно поздняя прямоугольная дверь.

Ассиметричную композицию здания завершает западный двухэтажный притвор, имевший прежде вальмовую кровлю, с круглым аттиком в центре северного фасада. Оба его перекрытия были плоскими, деревянными. В последние десятилетия прошлого века пробивкой двери и устройством внутренней лестницы в нём было устроено крыльце – вход непосредственно с улицы в четверик.

Оценивая общую композицию и характер архитектурных форм Вознесенской церкви, следует сказать несколько слов о том, что делает её непохожей на другие костромские церкви. Прежде всего – это цельность, компактность облика. Ощущение эпичности создаёт мощный силуэт куба основного объёма, низкой, стелющейся по склону берега трапезной, монументальные главы четверика с необычными по форме большими маковицами. Столь же лаконичен образ колокольни, весьма аскетичной, крепко стоящей на земле.

Несколько противоречит общему впечатлению декор фасадов четверика. Не считая пояса кокошников-закомар, они членятся на три яруса: цокольный, ярус порталов, ярус окон. Последний из них завершён декоративно насыщенным поясом, включающим горизонтальные тёсаные профили, поребрик и ленту аркатур с килевидными завершениями. Плоские, сужающиеся вверх лопатки делят фасады на прядла: восточный, южный и северный – на пять, западный – на три*.

Единственный проём – дверь в цокольном этаже четверика – расположен на южном фасаде. Он перекрыт лучковой перемычкой и, не считая уступа по внешнему контуру, не имеет какого-либо обрамления. Три перспективных с килями портала украшали второй ярус. Наиболее из них

* Боковые, северный и южный, фасады, во втором ярусе имеют по два прядла, в больших из которых, восточных, размещены порталы.

декорирован западный. По его сторонам, вплотную с ограничивающими среднее прясло лопатками, размещались колонки из поставленных одна над другой ширинок, по три с каждой стороны; каждая из колонок завершалась килевидным кокошником. Колонки и полуколонки порталов имели белокаменные резные дыньки; белокаменный профилированный импост проходил в основании архивольтов. Кроме трёх этих порталов, во втором ярусе четверика были ещё два прямоугольных портала, как выяснилось, более поздних. Они располагались на северном и южном фасадах, к западу от первоначальных. Обрамлённые лёгкими трёхчетвертными колонками с перехватами на середине высоты, с характерными для конца XVII в. опорными резными кронштейнами со слезником, они выдают время своего появления.

Более графичным воспринимается обрамление окон в третьем ярусе. Это те же перспективные с килем наверху наличники, но полуколонки, входящие в них, имеют ширину в четверть кирпича. Как и в полуколонках порталов, в их средней части применены белокаменные дыньки, но без резного орнамента. Уже в XIX в. некоторые из этих окон были растёсаны, а внутренние откосы переложены. В четверике семь окон: по два на боковых и три на западном фасадах.

Завершающие четверик кокошники-закомары, по четыре на каждом фасаде, с уступами на углах и между ними, имеют очертания близкие к полуциркульному и сильно развитые архивольты из тёсаных профилей. Поднимающаяся между ними и выше стена завершается трёхчастным карнизом с упрощённой профилировкой. На нём опирается железная четырёхскатная кровля.

Особое внимание привлекает пятиглавие Вознесенской церкви. Необычен большой диаметр световых барабанов, особенно среднего. Необычен их декор, невольно напоминающий вологодские прототипы (Кирилло-Белозерский и Ферапонтов монастыри). О вероятных связях вологодских каменщиков с Костромой свидетельствует и стоящая неподалеку церковь Воскресения на Дебре, чей Трёхсвятительский придел, точнее его фасад, является сколком с Благовещенской церкви Великого Устюга. А церковь Воскресения почти ровесница Вознесенской церкви.

Особенно замечательны маковицы пятиглавия. На снимке 1908 г. ясно видно, что они, по крайней мере в нижней половине, выполнены из кирпича. Компактные по силуэту, с широкими, мягко очерченными полицами, боковые маковицы имеют почти сферическую форму. Ла-

пидарно очертание мощной маковицы большой главы. Венчают пятиглавие высокие кованые кресты на растяжках.

Не совсем обычны наличники четырёх окон трапезной – на северном и южном фасадах – с разорванным двускатным щипцом в завершении*.

Проёмы окон были растёсаны в XIX в., но, судя по снимку южного фасада, хранящемуся в фондах Музея архитектуры им. Щусева и датируемому 1932 г., они имели обрамление из трёхчетвертных колонок. Этот снимок, наряду со снимком 1970 г., детально фиксирующим порядок кладки колонки и даже декоративный элемент в её основании, позволяют их реконструировать.

Более традиционно по композиции окно на апсиде придела. Оно завершалось трёхлопастным очельем, также видным на снимке 1932 г. Несомненно, к 50 – 70 гг. XVIII в. относится окно на западном фасаде трапезной, у его южного угла. Оно имеет плоский наличник с лучковым очертанием проёма, с характерными для этого времени «ушами» и замковым камнем.

Ещё одна особенность Вознесенской церкви – устройство главного входа в трапезную не под колокольней, а непосредственно с улицы (о причине этого будет сказано особо). Заложенный и частично срубленный в XIX в., он был «открыт» вновь, когда обвалилась скрывавшая его штукатурка и проявились контуры его фасада (см. снимок 1970 г.).

Колокольня церкви принадлежит к получившему распространение в конце XVII - начале XVIII вв. типу четырёхъярусных шатровых колоколен с характерным для «нарышкинского барокко» набором деталей. Из церквей этого круга, сохранивших к началу нашего века первоначальные колокольни, можно назвать Николо-Мокринскую и Сергиевскую. Но, в отличие от них, колокольня церкви Вознесения, созданная значительно позднее самого храма, появилась раньше трапезной, строившейся, в свою очередь, в два приёма. Колокольня церкви разрушена в 1932 г.

Попытаемся проанализировать сохранившиеся дореволюционные снимки и снимки 1970 г., сопоставив их с натурными наблюдениями. На снимках 1908 г., сделанных с юго- и северо-за-

* Подобный тип оконных наличников встречается на ряде церквей, построенных в Костроме в конце XVII в. – первой половине XVIII в. Это церковь Спаса на Запрудне и разрушенные в 30-е годы: Николо-Мокринская, церковь Спаса в Подвязье, Козьмодемьянская в Кузнецах и Сретенская в Анастасинском, также разрушенном монастыре.

пада, видны заложенная заподлицо западная арка в нижнем ярусе и заложенные на половину толщины арки с южной и северной сторон. На снимке 1970 г., фиксирующем остатки восточной стены нижнего яруса, видны два восточных столба, закладка между ними (выполненная из большемерного кирпича) с дверным проёмом слева, ведущим в трапезную. Справа от двери, на половине высоты закладной стены, из неё выступает штраба, начинающаяся от земли. Кладка примыкающей к колокольне западной стены трапезной с ней не связана. Сохранившийся фрагмент северо-восточного опорного столба в местах примыкания к северной стене трапезной сохранил известковую обмазку с восточной стороны. Следовательно, восточная поверхность опорного пилона, скрытая сейчас северной стеной трапезной, была открытой и, значит, на каком-то этапе к западу от церкви, по её оси, стояла ни с чем не связанная колокольня.

Колокольня стояла на четырёх прямоугольных столбах, соединённых коробовыми сквозными арками, и, следовательно, не имела внизу лестницы всхода вверх. Для неё попросту здесь не было места. Как же поднимались на колокольню? Поскольку она не сохранилась, и мы не располагаем никакими архивными сведениями, приходится опираться на логические заключения. Нижний ярус перекрывался крестовым сводом, поэтому естественно предположить, что внутренняя, скорей всего деревянная, лестница начиналась с пола второго яруса, освещённого окнами. Попасть сюда можно было лишь с восточной, обращённой к церкви, стороны по воздушному переходу от западного портала четверика. Переход этот был, скорее всего, деревянным, как и гульбище, с трёх сторон окружавшее храм и объединявшее его поднятые над землёй три портала. Это, разумеется, гипотеза, но гипотеза правдоподобная – тем более что в те времена Вознесенская церковь была соборным монастырским храмом и окружена стенами.

К 1701 г. к колокольне пристраивают трапезную. Её северная стена идёт заподлицо с плоскостью северного фасада нижнего яруса колокольни; западная стена под углом примыкает к юго-восточному столбу и частично его скрывает*.

Появление трапезной между колокольней и четвериком резко меняет ситуацию. Во-первых, симметричная, строго осевая композиция комплекса становится асимметричной за счёт смеше-

* Получившийся угол примыкания западной стены трапезной к колокольне – дополнительное свидетельство разновременности их постройки.

ния основного объёма трапезной к югу, благодаря появлению над приделом новой главы. Во-вторых, сомкнутый свод над трапезной перекрыл главный, западный портал храма; он был заложен, левая сторона его была скрыта северной стеной трапезной. Отныне в четверик можно было попасть лишь через боковые порталы. В-третьих, вход во второй ярус колокольни, к лестнице, оказался обращённым на чердак трапезной; для попадания сюда с уровня земли в щипце над западным фасадом, угла колокольни, устроили дверь. И, в-четверых, поскольку пользование этой дверью было сопряжено с неудобствами, особенно в зимнее время (надо было приставлять лестницу), был реконструирован нижний ярус колокольни: наполовину толщины столбов заложены боковые арки, западная и восточная заложены с устройством дверей в северной половине; в южной же половине образовавшегося коридора устроили кирпичную двухмаршевую внутреннюю лестницу во второй ярус. Отметку и ширину промежуточной площадки её задает штраба, видимая на снимке 1970 г. После устройства внутренней лестницы западный главный фасад колокольни в значительной мере утратил свою представительность, ибо внизу её, взамен большой осевой арки, появилась глухая стена с ассиметрично поставленной сугубо утилитарной дверью. Подобная дверь, вдобавок ведущая в затеснённый коридор под колокольней, не могла служить достойным входом в трапезную. Поэтому рядом с колокольней, в западной стене, строителями трапезной был сделан перспективный килевидный портал, по формам близкий к порталам на основном храме.

Если обратиться к южному фасаду трапезной, можно заметить несоответствие карнизов апсидной части придела и самой трапезной. Карниз трапезной на пять рядов выше и как бы садится на карниз алтарной части, поребрик которой идёт под ним и достигает наличника правого из двух окон. Более архаичен наличник у алтарного окна, а само оно ниже окон трапезной. Очевидно, апсида является частью более раннего придела. Каковы были его границы, покажут дальнейшие исследования.

Видимо, 1700 г. следует датировать и два дополнительных прямоугольных портала на боковых фасадах четверика. По характеру архитектурных деталей они соответствуют этому времени. Потребность в дополнительных входах могла возникнуть после того, как был заложен западный портал. Одновременно переделывается

южный портал: в него как бы вставляют новый, прямоугольный, по образцу прорубленного вновь.

И всё же наиболее интересные находки ожидали под кровлей четверика. То, что существующая четырёхскатная кровля – поздняя, было очевидно: она скрывала основания глав, в особенности большой; о позднем происхождении стены между (условно назовём) закомарами свидетельствовал и уступ между ними. Это предположение подтвердилось после разборки закладной стенки между двумя средними закомарами на южном фасаде. За стенкой, выложенной в полкирпича (из большемерного кирпича повторного использования), была открыта другая, со следами известковой обмазки, на расстоянии 90 см от архивольтов закомар, с гнездом от водомёта. В ходе дальнейшего обследования выяснилось, что эта внутренняя (прежде фасадная) стена с примыкающими к ней закомарами идёт по периметру всего здания на расстоянии 60 - 65 см от внешней закладной стенки. Стена эта служит как бы пьедесталом для четырёх боковых глав и в плане идёт по касательной к ним. Переходом от стены к главам служат пояс килевидных кокошников, полукругом с внешней стороны окружающий их основание, по шесть под каждой главой. Основание кокошников поднято над верхом закомар на один ряд кладки, что доказывает посводное покрытие закомар.

Кладка стены за закомарами сохранилась до отметки + 1,87 от их основания; с учётом существовавшего прежде карниза она могла достигать отметки + 2,16 (не хватает трёх рядов кирпича).

Открытая стена могла иметь единственное назначение – служить опорой первоначальной кровли. Эта кровля в силу того, что примыкала к валику в основании центральной главы (скрытой сейчас на чердаке), была более пологой и по известным причинам по прошествии некоторого времени была переделана. Переделка состояла в возведении новой стенки между закомарами и переносе на неё опоры кровли; была поднята и её верхняя отметка, что привело к тому, что основания глав стали скрытыми. В жертву утилитарности была принесена единственная в своём роде система покрытия, а облик здания искажён.

Оценивая обнаруженную нами систему первоначального завершения четверика Вознесенской церкви, следует сказать, что найденный строителями приём в своём развитии приведёт к таким блестательным образцам церковной архитектуры, как Троицкая церковь в Костроме.

Отголоски этого приёма можно видеть в более поздних солигаличских храмах – Воскресенской и Успенской церквях. Многочисленны примеры и за пределами Костромской области.

Не выяснена до конца система первоначального покрытия алтарной части. Установлено лишь, что существующая кровля, скрывающая за собой значительную часть восточного фасада четверика с системой укороченных лопаток на профилированных базах (как будто рассчитанных на обозрение), – сделана очень давно, до нанесения известковой обмазки фасадов: вся плоскость фасада под кровлей обмазки не имеет. Необходимо исследовать ендовы между конхами и попытаться реконструировать авторский замысел. На существование промежуточной по времени кровли указывают три, в общей горизонтали, вырубленные гнезда в стене над конхами. Они расположены в пределах чердака, под обрезом аркартурного пояса.

Чертежи предлагаемого проекта восстановления и реставрации Вознесенской церкви выполнены на основе студенческих обмеров 1970 г., тщательно проверенных и уточнённых по натуре. На основе зондажей и археологических обмеров реконструированы окна четверика и трапезной. Некоторые элементы трапезной, почти полностью разрушенной за истекшие 17 лет, пришлось реконструировать по фотографиям 1932 г. и 1970 г. Это западный портал и окна. При этом, для уточнения высотных размеров оконных наличников, определялась средняя высота одного ряда кладки со швом на разных участках фасадов. При реконструкции окон трапезной использованы снимки однотипных окон церковных зданий того времени (церковь Спаса на Запрудне, церковь Николы Мокрого).

Наибольшую трудность (и ответственность) представляет реконструкция начисто разрушенной колокольни и пятиглавия. Единственное, чем мы располагаем, это хорошие старые фотографии, натурные остатки оснований глав на чердаке и обмеры места примыкания колокольни к трапезной. Сопоставление фотографий, применение масштабных шкал для разных частей здания (на основе порядковки кладки большемерного кирпича), корректировка результатов применением старых мер – метод предлагаемой реконструкции. Значительную сложность составляет угадывание, что скрывалось под поздней железной облицовкой шатра колокольни. Проще всего было установить наличие валиков в полкирпича на рёбрах шатра. Этот приём широко распространён и является нормой.

мативным. Труднее определить характер обрамлений проёмов слухов в гранях шатра. Против обыкновения, они имели одинаковые размеры и, следовательно, должны были иметь одинаковые наличники. Традиционная форма наличника в виде фронтончиков на боковых полуколонках, возможная по ширине поля на проёмах нижнего яруса, не укладывалась в верхнем ярусе. Предлагаемая нами форма наличника слухов, наиболее скромная, находит аналог в церкви Варвары на Таганке (пример далёкий, но допустимый). Впрочем, этот вопрос требует дополнительных исследований.

При реконструкции нижнего яруса колокольни, ради сохранения пластики главного фасада, закладку западной арки предлагается выполнить на образец закладок боковых арок, т.е. на половину толщины опорных столбов, и дверной проём сделать арочным; внутренняя двухмаршевая лестница во второй ярус огораживается со стороны коридора кирпичной стенкой с проёмом. Все элементы восстанавливаемых проёмов выполняются на основе старых мер.

В трапезной, взамен тяжёлого кирпичного свода, предлагается сделать его имитацию из дерева с последующим оштукатуриванием и об-

мазкой. Для показа реставрируемого западного портала, выходящего в интерьер трапезной, необходимо разорвать перед ним свод, максимально подняв в этом месте перекрытие, и сместить к северу участок, примыкающей к порталу северной стены, образовав перед порталом род кармана. Искусственность этого приёма искупится возможностью показа замечательного фрагмента старой архитектуры.

И наконец, предлагается восстановление уникального первоначального покрытия четверика, с мощной пластикой выступающих закомар и кокошниками в основании угловых барабанов.

В ближайшее время перед зданием Вознесенской церкви начнётся строительство речного вокзала города Костромы, и она превращается в доминанту аванплощади города. Резко возрастает её идеальная и художественная значимость.

Восстановительным и реставрационным работам должны предшествовать серьёзные инженерные работы, ибо здание пребывает в аварийном состоянии. Необходимо исследовать остатки внутренних росписей в четверике (датируемых серединой XIX в.) и наметить меры к их восстановлению.

Вознесенская ц. в Костроме
Составлено на основе XVII века

ИЛЬИНСКАЯ ЦЕРКОВЬ НА РУСИНОЙ УЛИЦЕ

История строительства и неоднократных перестроек каменной Ильинской церкви на Русиной улице в г. Костроме достаточно подробно и аргументировано изложена в «Исторической справке», составленной искусствоведом Костромской СНРПМ Е.В. Кудряшовым от 29 марта 1982 г.*

Единственно спорным пунктом в «Справке», по нашему мнению, является попытка приписать авторство работ по перестройке церкви в 1820-х годах знаменитому П.И. Фурсову. Ни общий характер композиции трапезной, в особенности колокольни, ни трактовка капителей ордера в её ярусах, ни характер карнизов (несколько суховатый), ни характер купола в основании шпиля – не позволяют этого сделать. Тем не менее, индивидуальные и общеградостроительные достоинства дополнений 1820-х годов, как и основного здания XVII – XVIII вв., неоспоримы.

К сожалению, в последнее время утрачен чертёж XIX в. Ильинской церкви с клапаном 1860 г., упоминаемый в «Исторической справке» Е.В. Кудряшова. Сохранилась фотопродукция чертежа, не очень высокого качества. Она, наряду с данными обмера сохранившихся частей церкви и её фотографиями (дореволюционными и начала 30-х годов XX в.), являются единственными исходными материалами для составления проекта реконструкции. Дополнительным средством корректировки размеров реконструируемых частей должен служить метод применения старых строительных мер – аршина и его частей. При уточнении размеров

Пояснительная записка к эскизному проекту восстановления здания бывшей Ильинской церкви на бывшей Русиной (ныне – Советской) улице. Текст датирован ноябрем 1986 г. // Архив КСНРПМ. Публикуется впервые. (Їðèì. ðåä.)

* См.: Е.В. Кудряшов. «Историческая справка к памятнику архитектуры XVII – XIX вв. церкви Ильи Пророка в Костроме». Архив КСНРПМ. (Їðèì. àâðîðà.)

плана должны быть использованы размеры в аршинах, нанесённые (неизвестным строителем) карандашом на чертеже XIX в. Наконец, при реконструкции частей фасадов четверика, выполненных в конце XVII в. из большемерного кирпича, в частности наличников окон, необходимо исходить из размеров этого кирпича. Эти соображения положены в основу предлагаемого эскизного проекта реконструкции Ильинской церкви.

Итак, в 30-е годы XX в. Ильинская церковь лишилась четверика с апсидами, южного двучастного притвора с крыльцом и верхних ярусов колокольни. Сохранились трапезная и нижний ярус колокольни. На трапезной с северной, уличной стороны был удалён аттик 1860 г. с главкой, но оставлен каменный тамбур 1860 г. с северной стороны колокольни. Следует отметить, что при разборе четверика над стеной, смежной четверику и трапезной, с северной стороны, частично сохранился угол четверика с угловой пилястрой. Место четверика церкви сейчас занимает каменная одноэтажная постройка проходной почтамта; сам почтамт – высокое трёхэтажное здание эпохи конструктивизма – располагается в 22-х метрах от восточной стены трапезной, оставляя, таким образом, место для предполагаемого к восстановлению четверика с апсидами Ильинской церкви. В случае восстановления церкви и соответствующего сноса нынешней проходной почтамта, эта проходная может быть перенесена к западной части колокольни, сносом её вглубь участка; в этом случае хозяйственный двор почтамта будет расширен на длину церкви.

В основу предлагаемого проекта реконструкции Ильинской церкви положен чертёж XIX в. с корректировкой размеров по фотографиям. Полностью, на конец XVIII в., реконструируется четверик с пятиглавием и апсиды, включая переделанные в XVIII в. окна в южной и се-

верной апсидах. Без изменения оставляется существующая трапезная. Необходимость сохранения форм трапезной 1860 г., когда она была расширена и сомкнулась с колокольней, диктуется требованием сохранения полезной площади и достаточной гармоничностью её уличного фасада. В проекте не восстанавливается аттик над этим фасадом, как претенциозный и чуждый спокойному характеру композиции 1820-х годов. В то же время оставляется поздний, эклектичный тамбур у колокольни, закрывающий основание её нижнего яруса, но в нынешней ситуации необходимый, ибо отсюда сделан вход в подклет трапезной. Из тех же соображений предлагается сохранить притвор у южной стены колокольни. При реконструкции притвора у южной стены четверика выбран вариант, изображённый на плане XIX в., – более ранний, односторонний, с южной стеной, идущей заподлицо с южной стеной трапезной, – как более дешёвый в осуществлении. Его южный фасад трактован в соответствии с южным фасадом притвора второго периода, ибо архитектура фасада раннего притвора неизвестна. В этом есть известная натяжка, но этот фасад скромен и не противоречит общему характеру архитектуры южной стороны здания. В формах классицизма 1820-х годов предлагается восстановить портик у восточного торца лестничной клетки – выхода из притвора. Лучковый фронтон портика принадлежит, несомненно, более позднему строительному периоду и дисгармоничен облику здания.

Сложнее обстоит дело с реконструкцией интерьера четверика. План XIX в. фиксирует его в уровне трапезной и нижнего яруса колокольни и схематичен. По непонятной причине на нём не отображены прямоугольные в плане ниши, достигающие уровня пола и располагающиеся под окнами верхнего света. Между тем, одна из них видна на снимке 1930-х годов, выполненнном в ходе разборки церкви и изображающем северо-восточный угол четверика. Ниша имеет коробовую сводчатую перемычку и смешена по отношению к верхнему окну к западу. Судя по её вершине и положению в стене, здесь, в северной стене, их могло быть только две. Ширина ниши может быть определена из сопоставления её с шириной оконного проёма; таким же образом определяется ширина внутренних откосов окна. Размеры по вертикали и окон, и ниш, а также вертикальные отметки между ними можно установить по порядковке большемерного кирпича в кладке видимой на снимке предалтарной стены, а также сопоставляя их с высотой светового проёма. Критерием точнос-

ти размеров должна служить система мер, последовательно применённая в южной стене четверика. Здесь одна ниша, ибо часть стены занимают внутренние откосы портала.

На чертеже XIX в. нет разреза церкви и, в частности, разреза четверика. Поэтому, при определении типа перекрытия над четвериком, мы вынуждены пользоваться косвенными свидетельствами фотографий фасадов и аналогами конца XVII – XVIII вв. Таким аналогом, в частности, может служить костромская церковь Иоанна Златоуста (1751 г.) с перекрытием над четвериком в виде сомкнутого коробового свода, со световой центральной главой и декоративными боковыми главами. Мы не знаем, переделывался ли свод над четвериком Ильинской церкви в конце XVIII в., в момент её коренной реконструкции, когда появились новые главы и аттик. Но если и нет, то и в конце XVII в., в то время, когда она была построена, этот тип перекрытия был широко распространён. В пользу перекрытия четверика сомкнутым сводом говорит и отсутствие опорных столбов в интерьере. В этих условиях задачей проектировщика-реставратора становится определение отметок пяты и щелиги свода с тем, чтобы эта конструкция, принимающая вес глав, гармонично, с соблюдением старой метрологии вписалась в разрез, внешние габариты которого, в свою очередь, определены исходя из плана и фотографий фасадов. По тому же принципу выполнен разрез алтарной части, при этом использована одна из фотографий интерьера, сделанная в период разрушения здания (1930-е годы).

Несколько слов о месте Ильинской церкви в ансамбле Костромского центра. Среди архитектурных вертикалей, окружавших некогда главную доминанту городского ансамбля – кафедральный Богоявленский собор – главными были пожарная каланча, соборная колокольня Анастасьевского монастыря, колокольни церкви Спаса в рядах и Ильинской церкви. С утратой в 1930-х годах соборного ансамбля, разрушением Анастасьевского монастыря, колоколен церкви Спаса в рядах и Ильинской церкви, а также ряда других культовых зданий XVII – XVIII вв. облик центральной части Костромы, вызывавший в своё время восхищение А.Н. Островского, позже Г.К. Лукомского, лишился большей части своеобразия и цельности. Распался ансамбль, веками созидавшийся поколениями зодчих, известных и безымянных. Силуэт города, лишённый архитектурных вертикалей, превратился в аморфную массу.

9. Кострома. Ильинская церковь на Русиной ул.

В этих условиях, особенно с тех пор, как Кострома включена в туристское «Золотое кольцо» и, недавно, объявлена историческим городом, с особой остротой встаёт проблема не только сохранения, но и воссоздания утраченных доминант, жизненно важных для облика исторического города. Одной из них является Ильинская цер-

ковь на Русиной (ныне Советской) улице, ставшей в советское время главной городской магистралью. Её по-барочному торжественный силуэт с высокой изящной колокольней несомненно стал бы украшением и улицы, и всего ансамбля центральных площадей Костромы – как это и было раньше.

КОЛОКОЛЬНЯ ИЛЬИНСКОЙ ЦЕРКВИ НА РУСИНОЙ УЛИЦЕ

Церковь Илии пророка на Русиной улице, одна из достопримечательностей старой Костромы, стояла в начале улицы, непосредственно за гостиницей «Старый двор». Вместе с церковью Воскресения на площадке (ныне площадь Советская) она образовывала своеобразные пропилеи в начале одной из городских магистралей.

Каменный Ильинский храм построен в 1689 г. на месте предшествовавшего ему деревянного. Он имел сводчатый подклет и состоял из четверика с трёхчастной алтарной апсидой, обширной трапезной и колокольней (вероятно, шатровой). В отличие от трапезной, с четырьмя внутренними опорными столбами, основной объем храма – четверик – не имел внутренних опор. Он перекрывался единым четырёхлотковым сомкнутым сводом с пятью главами наверху. Средняя из них была световой. В духе того времени архитектурный декор храма соединял в себе древнерусские мотивы с веяниями входившего в моду так называемого «нарышкинского барокко» – декоративно-изощрённого столичного стиля.

Ровно через сто лет, в 1789 г., храм радикально перестраивают. На месте пояса закомар, венчавших прежде кубический объём четверика, появляется аттик с прихотливо очерченными, покрытыми росписью филенками; новые формы получает пятиглавие. Переделываются фасады и интерьер трапезной, заново оформляется интерьер основного объёма, меняются наличники окон на боковых апсидах алтаря. Судя по характеру выполненных в то время работ, их можно приписать С.А. Воротилову, прославленному костромскому зодчему, завершившему в те годы Богоявленский кафедральный собор Кремля.

Пояснительная записка к проекту восстановления колокольни Ильинской церкви на Русиной улице. Текст датирован августом 1999 г. // Архив автора. Публикуется впервые. (Їðèì. ðåä.)

Третий этап строительных работ на Ильинском храме падает на конец 20-х гг. XIX в. К 1829 г. вдоль южного фасада четверика пристраивают ризницу с просторными сенями и внутренней лестницей с выходом наружу, в сторону алтарей. Тогда возводят новую, известную нам по фотографиям, колокольню. Трёхъярусная, со шпилем, высотой в 20 саженей (42,5 м), она стояла по оси храма, к западу от него, в некотором от него удалении. Между трапезней и колокольней был устроен неширокий крытый переход. В духе позднего классицизма, в лаконичной манере, были переделаны фасады трапезной.

Наконец, в 1861 г. трапезную расширяют к западу, вплотную к колокольне, добавляя при этом к прежним четырём опорным столбам ещё два. По сторонам колокольни, к северу и к югу, пристраивают два одноэтажных объёма, в северном из них устраивают паперть с лестницами в подклет и в уровень трапезной. Меняется уличный фасад трапезной – окна получают обрамления, стилизованные под русскую старину. Сделано это было достаточно тактично и не нарушаю гармонии целого.

Несколько позже трапезную завершают суховатым по рисунку аттиком с маленькой главкой, переделывают фасад главной паперти у колокольни, устраивают ограду с парными массивными пylonами. Последние работы, эклектичные по манере, внесли определённый диссонанс в стилистически выдержаный облик древнего здания.

Тем не менее, вплоть до разрушения в начале 1930-х годов Ильинский храм оставался одним из наиболее эффектных и градостроительно запоминающихся зданий Костромы. Наряду с Кремлем и соседствующими зданиями храмов он определял лицо центральной части города.

В 1986 г. в стенах Костромской специальной научно-реставрационной производ-

ственной мастерской, по заданию Управления культуры Костромского облисполкома, был подготовлен эскизный проект восстановления Ильинской церкви. В основу проекта были положены архитектурные обмеры сохранившихся частей здания (трапезной, первого яруса колокольни), фотокопия старого плана (хранится в архиве КСНРПМ) и натурные фотографии разных лет, начиная с 1900-х годов и кончая временем разрушения храма (началом 1930-х годов).

Предлагаемый проект восстановления Ильинской колокольни следует рассматривать как первый этап проектных работ на пути к возрождению всего храма. Эти работы должны быть продолжены до полного завершения.

Итак, после разрушений начала 1930-х годов от древнего храма сохранились трапезная с подклетом и нижний ярус колокольни, с двумя пристройками – с юга и севера. В южной из них, обращенной в сторону двора, в советские годы было устроено отхожее место. Из четырех фронтонов, завершивших некогда фасады нижнего яруса, сохранился один – с запада. В толще южной стены существует каменная лестница в верхние ярусы, детально пока не обследованная. Выход её наружу прикрыт поздней железной кровлей. Кладка стен колокольни выполнена из красного кирпича, по размерам близкого к современному, на известково-песчаном растворе. Судя по отсутствию трещин и каких-либо деформаций, техническое состояние здания не вызывает опасений.

И трапезная, и колокольня отштукатурены и, судя по старым снимкам, имели известковую обмазку. Кладка пилонов, арок, трёхчетвертных колонн и карнизов, несомненно, включала в себя белокаменные элементы. Поэтому все работы по воссозданию колокольни должны проводиться с максимальным приближением к старой технологии. В частности, кирпичная кладка должна осуществляться с применением стандартного красного кирпича на известково-песчаном растворе с минимальным добавлением цемента.

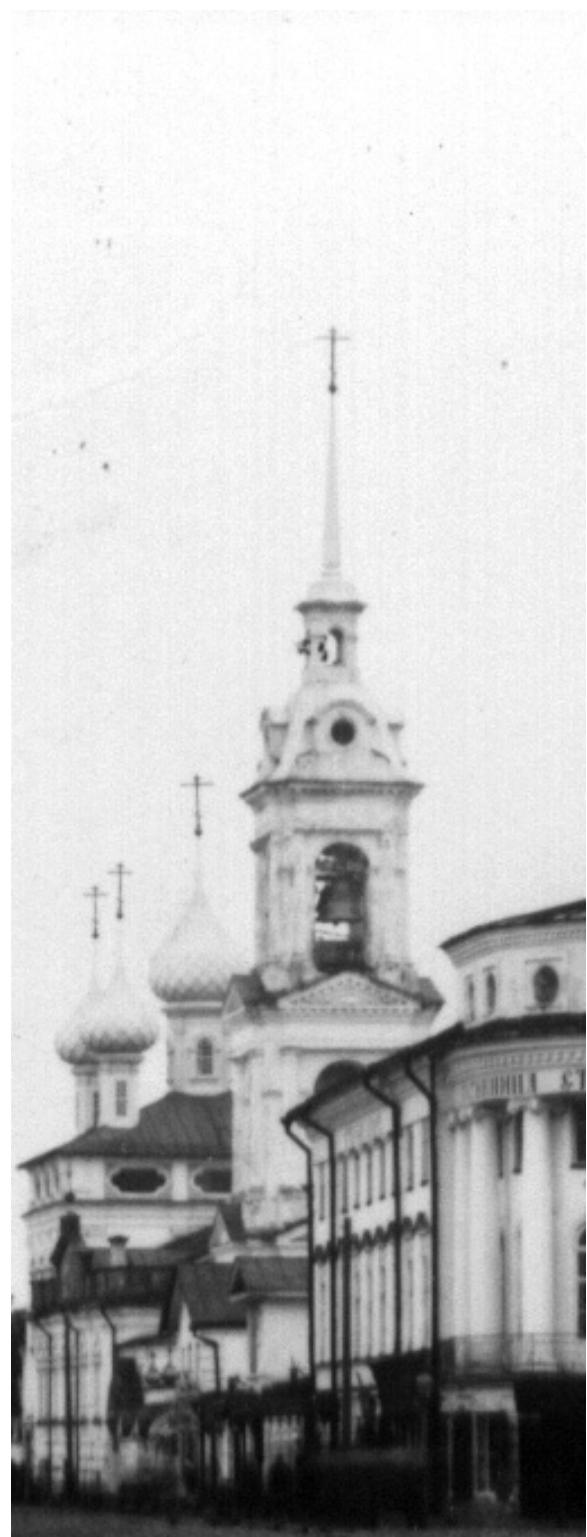
Декоративные элементы, прежде белокаменные, ввиду отсутствия этого материала, предлагаются выполнять из заранее заготовленных бетонных отливок, выполняемых по моделям. Кладка должна быть соответственно армирована. Металлический шпиль колокольни и небольшой купол в его основании предлагается покрыть нитридом титана, имитирующим позолоту, то же относится к венчающему кресту и яблоку под ним.

Криволинейный купол в уровне люкарн, покрытия карнизов покрываются листами же-

леза с заранее нанесенным красителем травяного цвета.

Колокольня должна быть обеспечена молниезащитой.

Все строительные работы должны осуществляться под постоянным архитектурным и инженерным контролем.

КОЛОКОЛЬНЯ ЦЕРКВИ СПАСА В РЯДАХ

Как многие города старой России с их небольшой застройкой и широким пространством площадей, Кострома имела ряд архитектурных вертикалей в виде церквей и колоколен, достаточно впечатительных, чтобы уравновесить протяжённость по горизонтали окружающих их строений, создать динамичный силуэт города и быть высотными ориентирами в архитектурно-пространственном объёме площадей и улиц. С неподражаемым чувством контраста и гармонии старые мастера находили наиболее эффектные места их размещения, придавая им подлинно градообразующие свойства. Одной из вертикалей старого костромского центра были церковь Спаса в Красных рядах и колокольня при ней, построенные разновременно, но составляющие единое целое.

Здание церкви, построенное в 1766 г., наиболее раннее из них, принадлежит к той эпохе в истории Костромы, когда территорию нынешней центральной площади (бывшей Сусанинской*) еще занимал Новый город с бревенчатой оградой и башнями, а место Красных рядов – кладбище, носившее название Лазаревского и упразднённое с началом строительства Красных рядов в конце XVIII в. Одновременно с рядами над их проездом в сторону Волги была возведена колокольня. В противоположность церкви, ещё выдержанной в традициях допетровской архитектуры (закомары четверика, пятиглавие), колокольня принадлежит к раннему классицизму и, не считая проезда внизу, отмеченного снаружи четырёхколонным римско-дорическим портиком с фронтоном, имела четырёхъярусную строгую центрическую компози-

Пояснительная записка к проекту восстановления колокольни церкви Спаса в рядах. Текст датирован 12 ноября 1968 г.// Архив КСНРПМ. Публикуется впервые.

(Іðèì. ðää.)

* В 1992 году площади возвращено историческое название. (Іðèì. ðää.)

цию – четырёхугольное основание с четырьмя большими полуциркульными проёмами; ярус звона над ним, с высокими арочными проёмами, фланкированными спаренными тосканскими колоннами, с раскрепованным над ними антаблементом; по-барочному выгнутую кровлю с люкарнами и лёгкий венчающий фонарь со шпилем.

Располагаясь на оси проезда, начинающегося от портика присутственных мест, проходящего сквозь каре Красных рядов, продолжающегося затем в крутой лестнице пролома Пряничных рядов и далее – между аркад рядов Рыбных, колокольня создавала ряд эффектных перспектив; лёгкий, идиллический силуэт её, замыкавший перспективу двора Красных рядов с убегающими вдаль тосканскими колоннадами Мелочных рядов, при рассматривании с противоположной стороны преображался, приобретая свойства истинной величавости. Двигаясь от Волги между аркадами Рыбных рядов, зритель видел её высоко вознесённой над южным фасадом Пряничных рядов; по мере приближения к рядам колокольня постепенно исчезла из поля зрения; затем наступал кульминационный момент восприятия: попав в тёмное пространство пролома Пряничных рядов, он – зритель – поднимался по широкой лестнице, на последних ступенях в течение нескольких мгновений мрак сменялся светом, и прямо перед ним представлял величественный портик с возносящейся в небо колокольней. Силе впечатления способствовал сильный ракурс, обусловленный низким уровнем горизонта. Поднявшись на верхнюю ступень лестницы, зритель видел сквозь арку проезда глубокий двор Красных рядов, колоннады Мелочных рядов и, совсем вдали, сквозь арку проезда дальнего плана, портик Присутственных мест.

Не менее значительной была роль колокольни в ансамбле центральной площади. Здесь

она перекликалась с вертикалью каланчи; при рассматривании с запада и севера (со стороны Больших Мучных рядов и каланчи) она занимала среднее место между аркадами рядов – Красных и Пряничных, стягивая их в единый ансамбль.

В 30-е гг. ХХ в., подобно соборному ансамблю, венчавшему холм Костромского кремля, и многим другим, большим и малым церквям – вместе с гражданскими постройками, собственно, и составляющим художественно-исторический центр города, – колокольня церкви Спаса в рядах была сломана, сама церковь обезглавлена и обращена в склад. Ансамбль центра Костромы и силуэт города со стороны Волги были безмерно обеднены.

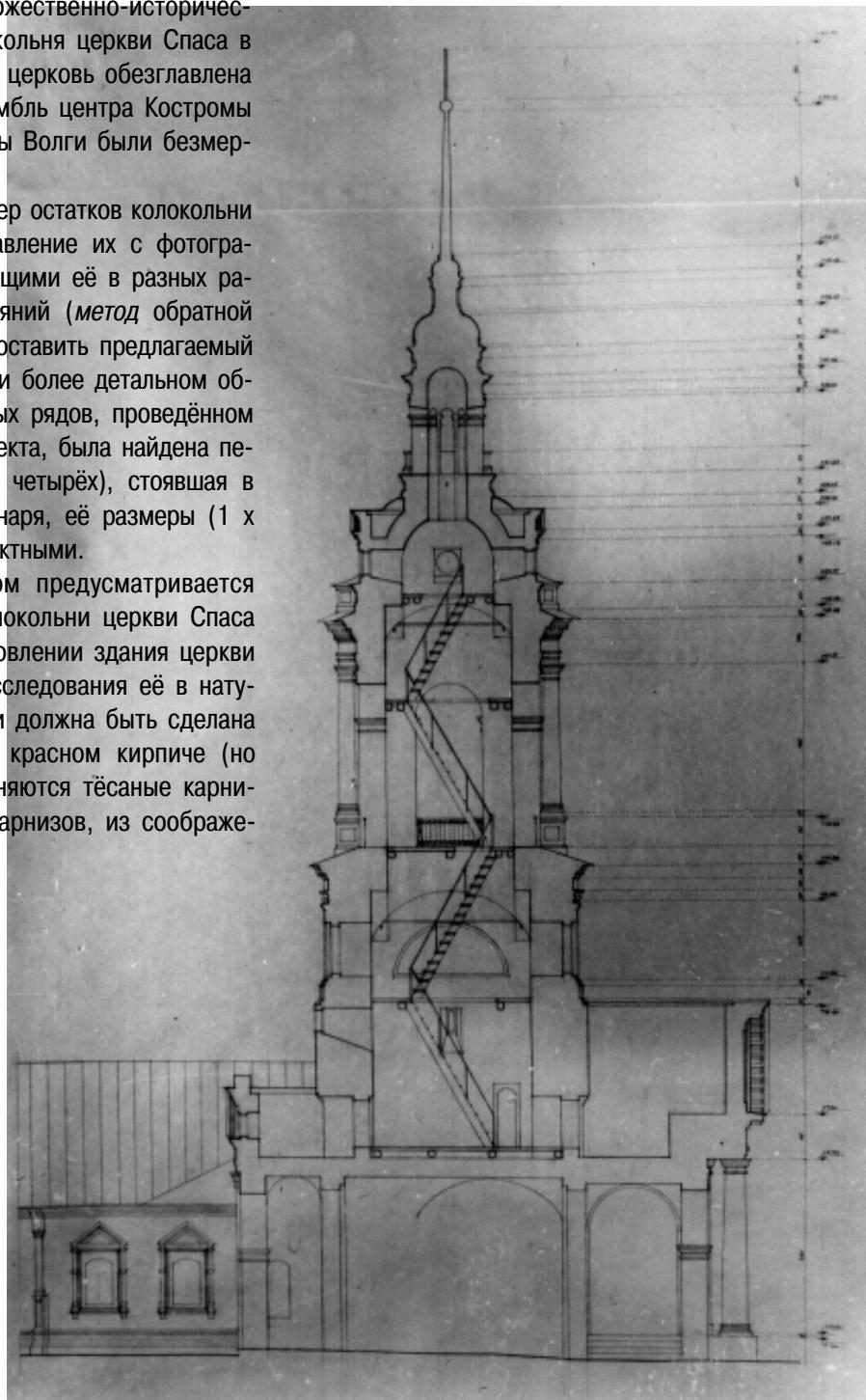
Исследование и обмер остатков колокольни на чердаке рядов, сопоставление их с фотографиями 1908 г., изображающими её в разных ракурсах и с разных расстояний (метод обратной перспективы), позволило составить предлагаемый проект её реставрации. При более детальном обследовании чердака Красных рядов, проведённом уже после выполнения проекта, была найдена перильная решётка (одна из четырёх), стоявшая в основании венчающего фонаря, её размеры (1 x 2 аршина) совпали с проектными.

Настоящим проектом предусматривается восстановление только колокольни церкви Спаса в рядах, вопрос о восстановлении здания церкви отложен до проведения исследования её в натуре. Основная масса кладки должна быть сделана в силикатном кирпиче; в красном кирпиче (но хорошего качества) выполняются тёсаные карнизы и пояски; модульоны карнизов, из соображений большей долговечности, должны быть белокаменными. Здание армируется железными связями, из железа выполняются каркас кровли и венчающего шпиля. Стены колокольни снаружи и изнутри оштукатуриваются, карнизы, архивольты и пояски вытягиваются по шаблонам. Внутри колокольни должны быть восстановлены открытые лестницы. Готовое здание покрывается известковой побелкой, кровля и шпиль колокольни

окрашиваются медянкой, крест, яблоко и конус под ним золотятся.

Одновременно с колокольней необходимо восстановить фронтон на дворовом фасаде рядов, над проездом под колокольню.

Высота сооружения от земли до верха креста – 42 м., высота восстанавливаемой части – 33 м., ширина стороны основания колокольни – 8,8 м.

*Колокольня ц. Спаса в рядах.
Поперечный разрез.*

10. Кострома. Колокольня церкви Спаса в Рядах

Основание колокольни ц. Спаса в рядах.
(Современное состояние на 1970 г.).

Церковь и основание колокольни ц. Спаса в рядах.
(Современное состояние).

Черковь и основание катокални
ч. Спаса в рядах. Вид изнутри
рядов.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ КОЛОКОЛЬНИ ЦЕРКВИ СПАСА В РЯДАХ

В наш век стремительной урбанизации, затрагивающей все без исключения старые города, с особой остротой встаёт проблема сохранения их исторических центров. Именно сейчас важно сохранить и, если можно, восстановить утраченные высотные ориентиры исторических центров, зрительно объединяющие рядовую застройку, тем более что новые здания повышенной этажности подчас вплотную подступают к старым архитектурным ансамблям, а иногда и вклиниваются в них, нарушая охранные зоны.

В полной мере это относится к Костроме, старому городу, привольно раскинувшемуся по берегам Волги. Волга – главная его «улица». К ней обращён кремлёвский холм, некогда увенчанный соборной группой, на неё ориентирована центральная городская площадь, вбирающая в себя радиальные улицы, окружённая ожерельем ампирных зданий. По пологому берегу спускаются белые аркады многочисленных торговых рядов. На Волгу смотрят обелиски Московской заставы. Плавущий по Волге издали видит стены и мерцающие золотом главы Ипатьевского монастыря, где разместился Историко-архитектурный музей-заповедник.

К сожалению, в 30-е годы нашего века* панорама Костромы понесла огромный урон. Многочисленные церкви, лёгкими силуэтами оживлявшие её, исчезли. Самой тяжёлой потерей стало исчезновение соборного комплекса на вершине кремлёвского холма. Город, восхищавший ценителей русского искусства, «город-музей», при взгляде с Волги расплылся в аморфную массу.

Публикуется по тексту, помещенному в альманахе «Памятники Отечества». Книга 4, М., 1979, с. 126–132. (Ю. Е. Ю. А.)

* ХХ века. (Ю. Е. Ю. А.)

Из архитектурных вертикалей центра Костромы к началу 40-х годов сохранилась лишь пожарная каланча, которая при всей своей привлекательности и значительной высоте (тридцать два метра), все же не способна держать массу окружающих её одно-, двухэтажных гражданских строений. Попыткой восполнить недостающие звенья ансамбля, вернуть хотя бы в некоторой степени утраченное им равновесие, стало восстановление, точнее, воссоздание колокольни церкви Спаса в рядах, предпринятое Костромской специальной научно-реставрационной производственной мастерской в начале 1974 г. и в настоящее время близкое к завершению.

Почему выбор пал именно на эту церковь? Потому, что из всех утраченных архитектурных доминант после соборного ансамбля кремля она занимала ведущее место по высоте, лёгкой обозримости со всех точек и, пожалуй, по совершенству форм. Являясь надвратной, поднятая над юго-западным портиком Красных рядов (большого гостиного двора конца XVIII в., в виде каре, обращённого на центральную городскую площадь), она возвышалась над окружающей застройкой и, находя отклик в вертикали пожарной каланчи, расположенной на противоположной стороне Сусанинской площади, пространственно ее уравновешивала.

Исключительно важно значение Спасской колокольни и в ансамбле собственно рядов. Каждый губернский (и не только губернский) город России, стоящий на Волге, имел в старое время торговые ряды. Не была в этом смысле исключением и Кострома. Однако лишь в ней торговые ряды получили значение хотя и подчиненной общей планировке, но самостоятельной группы зданий. Нигде торговые ряды не сохранились так полно в своём первозданном виде, как здесь,

поэтому не случайно в Костроме нередки натурные съёмки фильмов из старорусского быта.

Из тринадцати сохранившихся каменных торговых корпусов, с белой аркадой галерей в качестве лейтмотива, каждый, так или иначе, пространственно увязан со Спасской колокольней; в большей степени, однако, это относится к Рыбным, Пряничным и Красным рядам. Построенные в разное время, но по единому замыслу, они образуют стройную, строго осевую и, тем не менее, живописную и полную контрастов архитектурную композицию.

Чтобы представить значение колокольни в этом ансамбле, лучше всего пройти к Рыбным рядам и, следуя от Волги вверх по берегу, подняться к Пряничным и далее – к Красным рядам. В начале пути, двигаясь между параллельными фасадами Рыбных рядов с их арочными галереями, мы видим впереди высокую стену Пряничных рядов. Они поставлены поперёк линии движения и замыкают перспективу. Аркада в основании их волжского фасада более приземистая, чем в Рыбных рядах, композиционно объединяет здания, в то же время она образно выражает несомую ею нагрузку. Средняя её арка, обрамлённая рустом, с небольшим фронтоном наверху, отмечает вход на внутреннюю лестницу в теле Пряничных рядов. Над ними, так же строго по оси, возносится лёгкая вертикаль колокольни. Её основание пока скрыто, и это побуждает к движению вперёд. Если мы войдём в затмённый проход лестницы и поднимемся по её крутым ступеням, то станем свидетелями редкого зрелища: из сумрака лестничного коридора мы вступаем в область яркого света; величавый римско-дорический портик Красных рядов, видимый поначалу фрагментарно в проёме лестничного портала, по мере движения вверх стремительно раскрывается, и мы оказываемся перед Красными рядами. Портик рядов, колокольня над ними, мерный ритм белых аркад, расходящихся в стороны, приобретает в этот момент подлинно грандиозное звучание.

Пройдя под колокольней, минуя стоящую справа церковь Спаса, мы попадаем в обширный двор Красных рядов. В перспективе уходящих вдаль колоннад Мелочных рядов, занимающих это пространство, виднеется арка противоположных ворот и сквозь них – четырёхколонный портик Присутственных мест с арочным окном в центре.

Перед нами – строго осевая, динамичная композиция, акцентированная в средней части колокольней.

Колокольня церкви Спаса – неотъемлемая часть корпуса Красных рядов и строилась вместе с ними. Первоначальный проект их, подобно проекту соседних Больших Мучных рядов, приписывают Владимирскому губернскому архитектору Карлу Клеру, но строились они под руководством С.А. Воротилова, костромского подрядчика и талантливого архитектора, прославившегося соборным ансамблем Костромского кремля.

С.А. Воротилов, начавший в 1789 г. строительство Красных рядов, существенно отступил от проекта Клерса. Четырёхколонный портик в центре волжского фасада, добавленный им к зданию, задуманная им надвратная колокольня подчеркнули ось города – Волгу, связали корпус рядов с примыкающими к нему площадями.

Смерть мастера в начале 1790-х годов не позволила ему завершить свой замысел. Поэтому не случайно со Спасской колокольней связывают другое имя – механика, оптика и архитектора из купцов, уроженца Костромы А.В. Красильникова, одного из талантливых самоучек. О причастности его к строительству колокольни свидетельствуют П. Свинин, литератор и публицист первой четверти XIX в., и П.Ф. Островский, известный костромской краевед. Это же подтверждается наличием построенного к тому времени портика и утолщённых стен по сторонам проезда под колокольней, с внутренней лестницей вверх.

Облик колокольни соответствует концу XVIII в., то есть раннему классицизму с отзвуком барокко в русской провинции. Квадратный в плане нижний ярус колокольни, трактованный как основание, с четырёх сторон прорезан пологими арками; следующий вверх ярус звона – с высокими арками на каждой из четырёх сторон – декорирован пучками спаренных тосканских колонн с крепущимся антаблементом. Крепованный аттик служит переходом к барочно выгнутому криволинейному восьмилотковому куполу с люкарнами в основании восьмигранного фонаря. Фонарь решён в виде сквозной беседки и, в свою очередь, завершается небольшим куполом и гранёным шпилем на промежуточной восьмигранной шейке.

Трудность при восстановлении колокольни церкви Спаса в рядах состояла в отсутствии и старого проекта (что весьма обычно в реставрационной практике), и поздних обмеров. Единственными исходными материалами могли служить остатки основания колокольни на чердаке Красных рядов, найдённое там же, случайно сохранившееся, звено железного ограждения из яруса фонаря и две натурных, к счастью

довольно отчётливых, фотографии, выполненные в 1908 г.

Сопоставление натурных остатков с фотографиями, перевод перспективного изображения в ортогональные проекции, корректировка полученных данных сопоставлением их со старыми мерами (сажени, аршины, вершки), наконец, проверка высотных измерений по старому снимку, сделанному с пожарной каланчи (почти в ортогонали), позволили довольно близко подойти к оригиналу.

В ближайшее время Спасская колокольня вновь займёт своё место в архитектурном ансамбле центра, а город получит ведущую по высоте, изящную по форме доминанту, являющуюся неотъемлемой частью ансамбля костромского центра.

В послевоенные годы приведены в порядок центральные площади города и окружающие их торговые ряды. Высокий силуэт колокольни церкви Спаса в рядах дополнит эмоциональное восприятие архитектурного рисунка старого русского города, расположенного на маршруте «Золотого кольца».

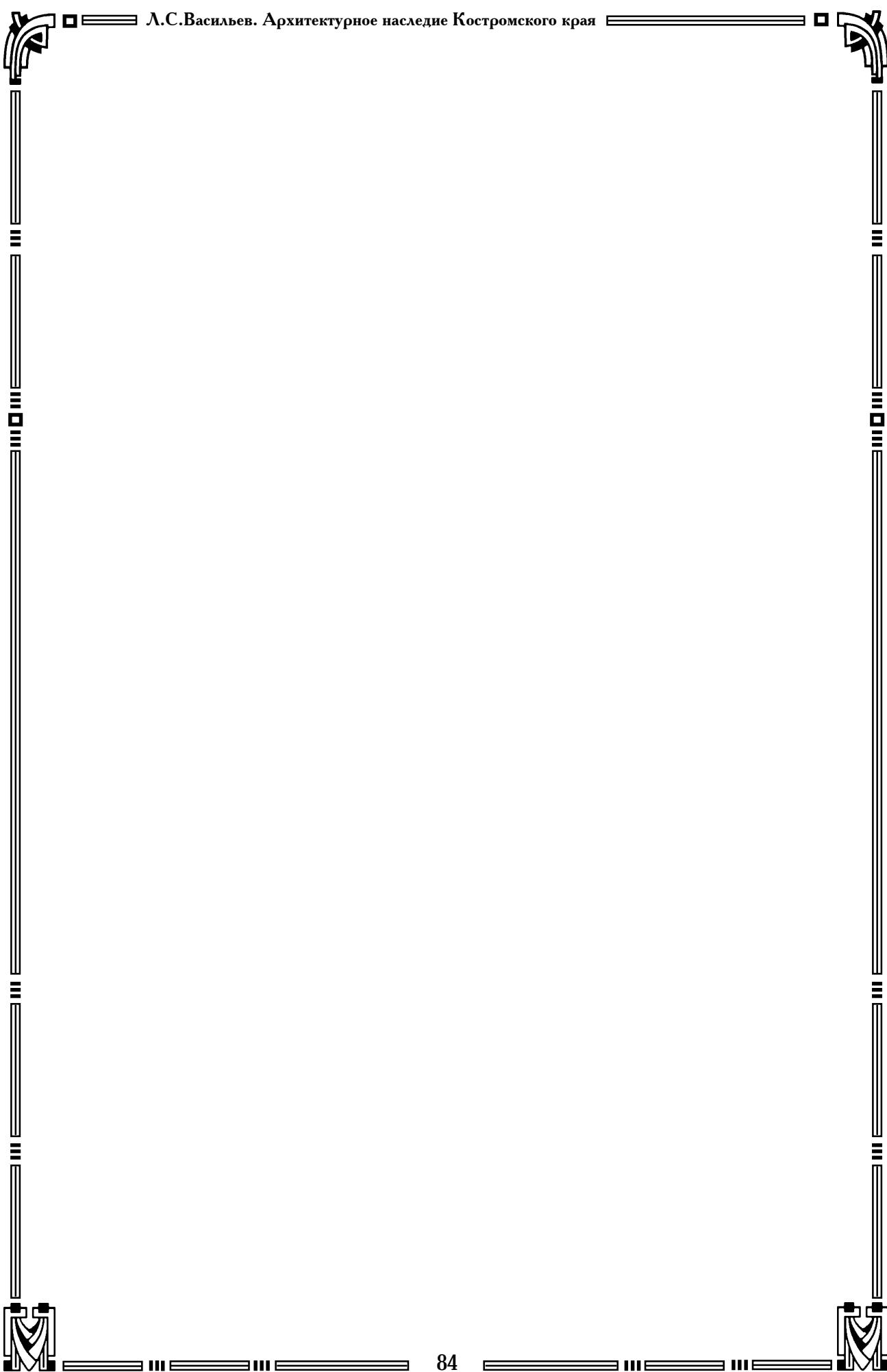
Кострома. Колокольня церкви Спаса в рядах. Вид с востока после восстановления.

Колокольня ц.Спаса в рядах после восстановления.
Завершение.

*Колокольня ц. Спаса в рядах.
Фрагмент фасада.*

ЦЕРКОВЬ ИОАННА ПРЕДТЕЧИ НА МШАНСКОЙ УЛИЦЕ

Каменная церковь Иоанна Предтечи с трапезной и колокольней была построена в начале Мшанской улицы (ныне – ул. Островского) на месте двух разобранных деревянных (тёплой и холодной).

Литературных и письменных историко-архивных источников по памятнику практически не сохранилось. В справочной книге «Церкви Костромской епархии» есть запись, свидетельствующая, что церковь датируется 1762 г., и что она имела два придельных храма*. Один был устроен в честь семи отроков Ефесских, другой – в честь великомученицы Параскевы. Строители храма неизвестны. Неизвестно также, на какие средства храм сооружался. Судя по стилистическим особенностям различных частей здания, оно неоднократно перестраивалось. Наиболее существенные изменения храм претерпел на рубеже XVIII - XIX вв., когда в Костроме творил великий зодчий этого времени С.А. Воротилов. Наиболее чётко рука мастера прослеживается в моделировании объема колокольни, ближайшим аналогом которой является венчающая часть колокольни Богоявленского собора Костромского кремля. Собор был построен по проекту С.А. Воротилова. После смерти мастера в 1792 г. строительство его объектов заканчивали сын и брат Воротиловы. Однако первоначальные формы церкви Иоанна Предтечи, по-видимому, были ближе к простому декоративному убранству церкви Воскресения «на площадке» (сравним наличники окон обеих церквей – четверика и алтарной части). В пользу многочисленных перестроек храма свидетельствует различное

Пояснительная записка к проекту восстановления церкви Иоанна Предтечи в Костроме. Без даты. // Архив автора. Публикуется впервые. (їðèî. ðåä.)

* ?

решение северного и южного фасадов, трапезной части. Шейки главок над придельными храмами решены также по-разному: северная – гранёная, южная – цилиндрическая.

Здание церкви размещалось в зоне исторического, религиозного и торгового центра города. Своим восточным фасадом здание выходило на торговую площадь, к которой примыкали Большие Мучные ряды, построенные несколько позже, в конце XVIII в. Строительство рядов вёл тот же С.А. Воротилов по значительно переработанному им проекту владимирского архитектора К. Клер. Особенностью расположения храма на участке являлось выдвижение его алтарной апсида за линию застройки. Это объясняется, скорее всего, тем, что «красной линии» или вообще не существовало из-за хаотичности застройки, или она к началу строительства церкви была другой. Существующая же появилась после составления регулярного плана города (1775 – 1781 гг.), обусловившего выполнение основной архитектурно-планировочной идеи застройки города. Объёмно-пространственная композиция участка постройки церкви развивалась во времени. По красной линии с севера и юга появились два небольших флигеля для различных хозяйственных нужд. Между флигелями и церковью была устроена кованая ограда с двумя металлическими воротами, фланкированными массивными пylonами-стелами в стиле классицизма. Застройка приобрела ансамблевый характер.

Церковь Иоанна Предтечи являлась важнейшим архитектурным акцентом в историческом центре города. В конце 30-х годов XX в. храм и ограда были разобраны. К счастью, сохранились оба флигеля. Конструктивное состояние их, благодаря щадящему режиму использования, удовлетворительное. На месте полностью утраченного зда-

ния церкви в конце 80-х – начале 90-х годов XX в. начало строиться здание магазина «Цветы», однако общественности города участок застройки удалось спасти от случайного вторжения в сложившуюся исторически градообразующую среду чужеродного сооружения; на этом месте было предложено возродить разрушенный храм. Не без участия воинов-афганцев родилась идея о посвящении памятника воинам-костромичам, павшим на полях сражений, как при защите Отечества, так и воевавших за расширение его пределов. К началу проектирования идея о посвящении отошла на второй план и в воссоздаваемом памятнике решено устроить гарнизонную церковь.

Основными исходными данными для составления проекта воссоздания послужили сохранившиеся флигели бывшего ансамбля и фотодокументы, относящиеся к 1-му десятилетию XX в. Инвентаризационный план центра города, составленный в конце 30-х годов, представляет весьма скучные сведения о памятнике, тем более что план изобилует многочисленными текстовыми вставками типа «приблизительно» и т. п. Однако и из него можно почерпнуть некоторые сведения для определения границ застройки участка при сопоставлении чертежа с существующим в природе. Поиски ранее неизвестных фотографий привели к убеждению, что почти всё, что является собственностью музеев или частных лиц, исходит из одного источника и уж никак не является, как утверждают владельцы, оригиналом. Нужно было только выбрать лучшую печать. Прежде чем приступить к расчёту основных пропорций здания, нами было проведено тщательное изучение фотодокументов. Исследовался весь материал, полученный как непосредственной фотофиксацией памятника с близкого расстояния, так и обнаружением его на фотографиях городской среды с различных видовых точек. Был выполнен обмер фасадов сохранившихся флигелей и промерено расстояние между ними. Обмеры, выполненные в метрической системе, были приведены к древней – в саженях (1 сажень = 216 см).

При расчёте пропорций всей композиции по красной линии габариты флигелей приняты одинаковыми. Здание церкви размещается между флигелями по оси восток – запад. Габариты восточной стены четверика вычислены путём графического анализа перспективы здания церкви с обоими флигелями, принятами за расчётный модуль. Расстояние между флигелями, равное 49 метрам (что составляет около 22,5 саженей), содержит приблизительно 8,5 модуля. Длина

стены принимается равной 1,5 модуля, т. е. около 4,5 сажени.

Близкий к такому же результат получается при расчёте габаритов стен четверика по количеству зубцов в венчающем карнизе. Параметры четверика близки к кубическому объёму. Графическое построение ортогоналей храма велось в аршинах с последующим переводом в метрическую систему. Основные несущие конструкции предлагаются выполнить из так называемого «петровского кирпича» с габаритами 28(29) x 14(16) x 7(8). Кладку стен возможна из обыкновенного красного кирпича с соблюдением обязательного условия: все декоративные элементы должны выполняться из большемерного кирпича или его имитации уже апробированным методом в реставрационной практике Костромской мастерской. Основная идея метода заключается в следующем: из размолотого кирпичного щебня получают путём просеивания крошку двух фракций. Крошка замешивается на цементном растворе с добавлением пластификатора. Далее из раствора путём формовки получают готовые изделия. Недостатком этого метода является излишняя чернота отливок. Для снижения этого эффекта в раствор рекомендуется добавлять красный пигмент, но не более 8% от общего веса замеса. Для экономии расхода кирпича кладку стен предлагается вести колодцевую, а образовавшиеся пустоты бутить кирпичным щебнем с последующей промывкой известково-цементным раствором. В конструкциях стен предусматриваются металлические связи. Металлические связи предусматриваются и для гашения распорок сводов. Четверик перекрывается сомкнутым лотковым сводом с открытой шельгой для устройства светового барабана. Алтарная апсида перекрывается сводом. Трапезная часть – крестовыми сводами, опирающимися на стены и два пилона. Подвальное помещение может быть перекрыто железобетонными плитами. Проектом предусматривается восстановление кованой металлической ограды с кирзовыми столбами. Оба флигеля передаются церкви для хозяйственных нужд.

Фасады церкви обмазываются известково-песчаным раствором, интерьеры штукатурятся и окрашиваются kleevыми красками. Фасады флигелей штукатурятся и белятся известью. Так же отделяются столбы ограды. Кровли над алтарной частью и трапезной выполняются из чёрного листового железа, кровля над четвериком и венчающей частью шатра колокольни – из плоской железной шашки. Глава над четвериком и главки над приделами из листо-

11. Кострома. Церковь Иоанна Предтечи на Мшансской ул.

вого железа с гладкой поверхностью. Швы пропаиваются. Главка над колокольней покрывается металлическими чешуйками ромбовидной формы. Все кровли и покрытия окрашиваются медянкой. Полы в церкви – из мраморных плит, в подвальном помещении – бетонные. Метал-

лические двери, решётки, столярные заполнения оконных и дверных проёмов окрашиваются масляной краской. Кресты, подкрестные шары и конуса золотятся.

ТERRITORIЯ УЧАСТКА БЛАГОУСТРАИВАЕТСЯ ПО СПЕЦИАЛЬНО РАЗРАБОТАННОМУ ПРОЕКТУ.

ЦЕРКОВЬ ИОАННА БОГОСЛОВА В ИПАТЬЕВСКОЙ (ТРУДОВОЙ) СЛОБОДЕ

Церковь Иоанна Богослова в Ипатьевской слободе была заложена в 1681 г. на месте сгоревших в 1680 г. двух деревянных церквей (Иоанна Богослова и св. Николая) как «каменная, однотажная, с трапезой, с колокольней <...> и довершена в 1687 г.».

В 1706 г. к трапезной с южной стороны пристроен придел св. Николая. В 1735 г. стены основного четверика были расписаны фресками. В 1765-1766 гг. перекрывается кровля церкви чёрным железом, а главы белым. Одновременно по трём сторонам церковного участка была установлена металлическая ограда с каменными столбами и цоколем.

В 1780 г. к трапезной с северной стороны пристраивается придел в честь иконы Феодоровской Божией Матери. В 1811 г. возводится ограда по западной границе участка, но уже другого рисунка. Время сооружения южного крыльца у входа в четверик особо не указано. В описанном состоянии здание церкви дошло до нас на фотографии 1896 г.

В 1900-1901 гг. первоначальный объём трапезной, соединявший четверик с колокольней, сносится и на его месте возводится существующая ныне зимняя церковь из красного кирпича на цементном растворе, с перекрытием из кирпичных сводиков по металлическим балкам и чугунным колоннам.

Для отопления зимней церкви сооружается подвал с калориферами. Одновременно перестраивается вход на колокольню, наличники оконных ниш на западной стене четверика разрушаются пробивкой дымоходов.

Пояснительная записка к проекту реставрации церкви Иоанна Богослова в Ипатьевской (Трудовой) слободе Костромы. Текст датирован 1959 г./// Архив КСНРПМ. Публикуется впервые. (Їðèì. ðäää.)

Кроме того, расширяется проём из зимней церкви в четверик. Переделывается и южное крыльцо, западная стена которого заделывается новой пристройкой, в восточной стене закладываются проёмы, а завершающий крыльцо фронтон заменяется аттиком, карниз которого увязывается с карнизом пристройки.

Пристройка зимней церкви велась без ведома Императорской археологической комиссии. Вот как красноречиво об этой пристройке писал архитектор Д. Милеев в своей докладной записке в Археологическую комиссию от 14 июля 1912 г.: «В недалёком прошлом церковь была обезображена возмутительной кирпичной пристройкой, для чего разрушена первоначальная трапезная и её главка».

Действительно, указанная пристройка, хотя и очень добротная по выполнению, своими низкими архитектурно-художественными качествами совершенно изуродовала один из лучших памятников XVII в. в Костроме, каким являлась церковь Иоанна Богослова.

Немасштабное по деталям, громоздкое по размеру здание зимней церкви поглотило нижний ярус колокольни, западный фасад четверика, значительную часть северного и южного фасадов четверика, нарушив очень цельный, масштабный и лиричный облик памятника, с типичными для костромской архитектуры композиционными особенностями и деталями обрамления окон и порталов, карнизами и изразцовыми вставками.

При составлении проекта реставрации не вызывала сомнений необходимость сноса «возмутительной кирпичной пристройки» и восстановления исчезнувшего объёма трапезной по литературным ссылкам, найденным натурным следам и имеющимся аналогам среди памятников XVII в. в Костромской области.

В литературных источниках и, в частности, в пояснительной записке к проекту перестройки церкви в 1901 г., составленной гражданским инженером И. Брюхановым, хранящейся в областном архиве, значится, что разрушенная трапезная имела тяжёлые своды на каменных столбах «высотой около 4-х аршин». Это же подтверждают устные показания техника А.А. Чистухина, который работал прорабом при перестройке церкви.

А.А. Чистухин свидетельствует также, что в восточной стене трапезной существовали две ниши. Эти данные подтверждаются произведённым натурным обследованием стен четверика и колокольни, где под штукатуркой найдены следы примыкания сводов трапезной и ниши, заложенные кирпичом на цементном и известковом растворе.

При разборке старой трапезной в 1901 г. была разобрана, очевидно, и основная часть фундаментов, поэтому шурфы, заложенные в 1954 г. по предполагаемой оси стен, в соответствии со следами их примыкания к четверику, почти ничего не дали. Было найдено несколько крупных валунов без всяких следов раствора. Можно предположить, что это – остатки фундаментов, сложенных «насухо». Фундаменты под столбы также не были найдены.

Исходными данными для установления габаритов трапезной были, поэому, следы сводов трапезной на стенах четверика и колокольни, след кровли на четверике, а также следы примыкания стен на четверике и колокольне. Эти следы сохранились чётко и позволяют безошибочно судить об основных размерах исчезнувшего объёма.

Сечение столбов в трапезной установлено по ширине следов пят на восточной её стене (61 - 68 см). На западной стене ширину пят установить было невозможно из-за сплошной вырубки кладки на этом участке.

Расстояние между пятами среднего свода на восточной стене трапезной составляет 437 см и 402 см – на западной. Высота среднего свода, с отчётом от современного пола, на западной стене составляет 355 см. На восточной стене этого размера установить нельзя, так как верх свода нарушен при расширении в 1901 г. проёма в четверике.

Высота боковых сводов устанавливается также по их следам на западной стене и составляет 310 см. На восточной, противоположной стене следы уничтожены при продалбливании каналов

и кладки дымоходов для калориферов. Эти дымоходы мешают установить по восточной стене и толщину стен трапезной.

О толщине стен первоначальной трапезной можно судить по следам на южной и северной сторонах колокольни. С южной стороны вырубка шириной 145 см поднимается до отметки +3,75. С северной стороны, с уступом в 7 см, она достигает отметки +7,10. Её ширина равна 235 см за счёт устроенной в толще стены лестницы на колокольню.

С северной стороны колокольни, со стороны лестницы, сохранился венчающий карниз трапезной. След стены в этом месте заметен до отметки +7,57. Это объясняется устройством лестницы. (В первоначальном виде лестница сохранилась со 2-го яруса колокольни).

Исходя из данных исследований, сносится постройка 1902 г., и церковь Иоанна Богослова восстанавливается как четверик, соединённый с колокольней невысоким переходным объёмом под двускатной железной кровлей; при этом открывается западная сторона южного крыльца и окна на восточной стене основного объёма. Аттик крыльца заменяется треугольным фронтом с прямоугольной нишей иконы. В трапезной восстанавливается система крестовых сводов, опёртых на стены и четыре столба. Соответственно в стенах проектируются оконные проёмы – по три с обеих сторон, с обрамлением из полуциркульных колонн, несущих фронтончики криволинейных очертаний. Карниз восстанавливается согласно следам на северной стороне колокольни, цоколь с поребриками и двумя валами аналогичен цоколю четверика колокольни. Современный проём из трапезной в основной объём заменяется меньшим, с перемычкой коробового очертания.

Современная кровля под основным объёмом устроена так, что декоративное оформление барабанов глав скрыто кровлей. При дополнительном обследовании и обмерах обнаружены гнёзда первоначальных стропил. В проекте дана кровля, устроенная по этим гнёздам с учётом освобождения декора барабанов. При производстве строительных работ данные исследования будут дополнительно проверяться и уточняться.

В соответствии с имеющимся описанием будут восстанавливаться цепи под крестами, а кресты – золотиться.

Внутри и снаружи трапезной делается смазка известково- песчаным раствором.

Церковь Иоанна Богослова в Ипатьевской слободе.
Снимок конца XIX века.

12. Кострома. Церковь Иоанна Богослова в Ипатьевской слободе.

Церковь Иоанна Богослова в Ипатьевской слободе.
Снимок 1940-х годов.

И. И. БОГОСЛОВА ЗА Р. КОСТР

Церковь Иоанна Богослова в Ипатьевской слободе.
Проект реставрации. Вид с запада.

ЦЕРКОВЬ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА (ИЛЬИНСКАЯ) НА ГОРОДИЩЕ

Основная цель предполагаемых реставрационных работ – максимально возможно приблизить здание церкви к его первоначальному виду, сохранив при этом те поздние наслаждения (завершение колокольни), удаление которых нарушило бы цельность силуэта здания или привело бы к потере полезной площади без существенного выигрыша в отношении к его общей композиции (трапезная Ильинского придела).

В основу проекта положен архитектурно-археологический обмер 1969 г., натурные обследования чердака четверика (февраль 1965 г.) и рисунок Г.Г. Чернецова 1838 г. с видом южного фасада церкви. Решающую роль в выборе варианта реконструкции её первоначального вида сыграли данные натурных исследований чердачного пространства (см. фотографии и обмерные чертежи), подтвердившие существование четырёх глухих глав в углах четверика, факт позднейшей закладки пазух между декоративными закомарами над четвериком и, следовательно, иное, чем сейчас, устройство кровли над ним.

Судя по пазам в основании средней главы (скрытом сейчас под поздней кровлей), первоначальное покрытие четверика* имело в своей основе систему деревянных стропил, сходившихся к центральной, световой, главе и опиравшихся внизу на мауэрлат, положенный в уровне основания закомар-кокошников.

Покрытие кокошников, по-видимому, осуществлялось по деревянным стропилам, врезан-

Пояснительная записка к эскизному проекту реставрации церкви Рождества Христова (Ильинской) на Городище в г. Костроме. Текст датирован 10 апреля 1975 г. // Архив КСНРПМ. Публикуется впервые. (Іðèì. ðåä.)

* В качестве аналога покрытия над четвериком использованы: церковь села Храпово под Рязанью (1686 г.) и Благовещенская церковь в Рязани (1683 г.). (Çääñü è ääéäå á Çäïëñéå íðèì. áåòîðå.)

ным в стропила перекрытия четверика. Сведений о материале кровли не сохранилось, но поскольку наиболее типичным кровельным материалом для приходских церквей XVII в. было дерево, проектом предусмотрена тесовая кровля над четвериком, лемеховое покрытие закомар глав и купола колокольни. Это подтверждается рисунком Г.Г. Чернецова.

Тесовой, скорее всего, была кровля над Ильинским приделом и алтарными апсидами. Форма покрытия апсид, предложенная эскизным проектом (сделанная на основе аналогов), потребует уточнения по месту после обследования восточного фасада четверика над апсидами, скрытого сейчас поздней железной кровлей. Трёхскатное покрытие Ильинского придела, изображённое в проекте, взамен существующего двухскатного, обусловлено тем, что конёк последнего, заданный отметкой кирпичного фронтона над южным фасадом, врезается в центр южного кокошника в основании главы, зрительно нарушая его цельность. Предлагаемая версия, разумеется, требует подтверждения натурным обследованием чердачного пространства придела. Пока же мы допускаем позднее происхождение фронтона.

Южная стена трапезной Ильинского придела не исследована. В проекте она повторяет формы обмера 1969 г., за исключением ширинок в основании западной её половины, взятых с рисунка Г.Г. Чернецова*.

Верх кровли над нею искусственно понижен, чтобы открыть основания окон на южной стене четверика.

* Место дверного проёма в торце паперти трапезной придела указано теоретически. Поскольку паперь целиком переложена и воссоздание первоначальной затруднительно, вход в неё, по-видимому, придётся оставить с северной стороны.

Проектом предусмотрена закладка поздних окон в нижнем ярусе северной стены четверика, восстановление всех трёх порталов и четвертей восточного окна придела.

Восстанавливаются до первоначальных сечений опорные столбы светового барабана, расставленные в позднее время.

При определении габаритов восстанавливаемых боковых глав четверика использовался принцип кратности старым мерам (аршин), прослеживаемый в габаритах сохранившейся средней главы. Квадратный постамент боковых глав повторяет основные членения средней главы; то же относится к их карнизу, но здесь членения упрощены в соответствии с их меньшим масштабом.

Размеры глав и крестов четверика и придела выдержаны в старых мерах.

После закладки шурфов вокруг здания должна быть сделана вертикальная планировка и отмостка, восстановлены ступени у колокольни и северного портала.

Церковь Рождества Христова никогда не имела росписей – ни наружных, ни внутренних. Проектом предусмотрена известковая обмазка фасадов и в интерьерах, окраска железных решёток и дверных заполнений. Вновь делаются оконные заполнения.

Вопрос в отношении пола в церкви будет уточнён после дополнительных натурных исследований.

Кресты и подзоры на главах предлагается вызолотить.

Таков проект реставрации Христорождественской церкви, выполненный с учётом исторических и натурных данных. Однако, прежде чем принять окончательное решение, необходимо принять во внимание следующее обстоятельство.

После разборки боковых глав и изменения кровли церковь приобрела новое качество, в её облике пропала небывалая прежде эпичность. Низкие стелющиеся объёмы здания с крутой железной кровлей четверика, увенчанного одной сужающейся кверху главой, чрезвычайно органично завершают зелёный холм, служащий его подножием. Очевидно, мы имеем дело с тем историческим парадоксом, когда в результате позднейших переделок, возможно художественно не осознанных, памятник архитектуры, теряя первоначальный облик, не только проигрывает в деталях, сколько выигрывает в цельности облика, приобретая острохарактерную лаконичность и мощь звучания.

Исходя из этого, работу можно свести к минимуму. Восстановив растёсаные опорные столбы в основании главы четверика, заложив поздние окна внизу его северной стены, выявив утраченные формы Ильинского придела и четверика, сохранить основной силуэт здания, уникального в своём соответствии месту, на котором он стоит. Единственным изменением в венчании церкви представляется замена абсолютно поздних крестов придела и четверика на кованые, золочёные, выполненные по старым образцам.

13. Кострома. Церковь Рождества Христова (Ильинская) на Городище

33. Кострома. Ильинская церковь за Волгой (Городище).

О. Бранд
Арх. М. Федоров

ЗДАНИЕ БЫВШИХ ПРИСУТСТВЕННЫХ МЕСТ В Г. КОСТРОМЕ

Существующее здание горисполкома (б. Присутственных мест) входит в систему обстройки центральной площади г. Костромы и частично занимает угол квартала между улицами Советской и Свердлова. Оценивая смысловое и градостроительное значение этого здания, следует обратиться к плану Костромы, официально утвержденному и принятому к осуществлению в 1781 г. В соответствии с ним в основу планировки губернского города Костромы положена радиально-веерная структура с системой осевых магистралей, ориентированных на центральную площадь. План города, разработанный в Петербургской Комиссии строений, красив, удобен и неповторим. В соответствии с утвержденным планом торцы кварталов, выходящих в сторону центральной площади (Екатеринославской, Сусанинской, ныне площади Революции), должны были обстраиваться исключительно каменными административными зданиями, что и было частично осуществлено. Первым в их ряду, в 1809 г. на участке между сходящимися к центру улицами Никольской (ныне Свердлова) и Русиной (ныне Советской) было построено трёхэтажное (включая цоколь) здание Присутственных мест (современный горисполком). Присутственные места г. Костромы строились по высочайше апробированному (типовому) проекту губернских Присутственных мест, выполненному в Петербурге знаменитым А.Д. Захаровым. Здание осуществлено в натуре под наблюдением губернского архитектора Н.И. Метлина и полностью соответствовало проекту. Главный фасад, обращенный к Красным рядам, имел шестиколонный

портик с фронтоном, поднятый на стереобат с широкой наружной лестницей. Ось портика Присутственных мест совпадала с осью корпуса рядов, чем достигалась композиционная увязка обоих зданий.

Тем не менее, отдавая должное великолепию захаровского здания как такового, приходится отметить два обстоятельства, не учтённых его строителем Н.И. Метлиным.

Первое из них заключалось в несоответствии импозантной лестницы перед портиком главного фасада, явно рассчитанной на обширное пространство впереди (возможно, площадь) и неширокой улицы между Присутственными местами и корпусом Красных рядов. К тому же, лестница, далеко выступая за красную линию, преграждала путь к главной городской площади. Выход из этого был найден, когда в 1837 г., под воздействием жалоб на неудобство открытой лестницы, покрывавшейся зимой наледью, по проекту нижегородского губернского архитектора И. Ефимова была реконструирована вся центральная часть здания – лестница перенесена вовнутрь, разобран шестиколонный портик и вместо него сделан новый, нетрадиционной композиции – с четырьмя ионическими колоннами, попарно поставленными на прорезанные арками подиумы и поддерживающими фронтон с вписанной снизу коробовой аркой. Центр фасада, в уровне второго этажа, украсило большое полуциркульное окно, освещавшее вестибюль.

Вторым обстоятельством было то, что типовое здание Присутственных мест, имеющее два боковых крыла и выступающий в сторону двора объем внутренних лестниц, естественно, предлагало устройства позади него хозяйственного двора, не рассчитанного на обозрение, и

Пояснительная записка к проекту реконструкции здания горисполкома (бывших Присутственных мест) в г. Костроме. Текст датирован 1986 г.// Архив КСНРПМ. Публикуется впервые. (Їðèї. ðåä.)

оптимальным вариантом расположения такого здания была бы его постановка в линии строчной застройки, обеспечивающей показ лишь главного и боковых фасадов. Однако, в силу особенностей плана центра Костромы и места постановки здания – на остром углу квартала между сходящимися улицами, – его высокий дворовый фасад не мог не остаться не открытым, причем с наиболее важных точек обозрения. Налицо пример механической постановки прекрасного здания в прекрасной архитектурной среде, но без достаточного учёта требований этой среды.

И все же главной трудно объяснимой ошибкой Н.И. Метлина было то, что он отступил от основного принципа, заложенного автором гениального плана Костромы в систему обстройки городской площади, – от установки, что торцы кварталов, выходящих на неё, должны были быть застроены цельными зданиями, сплошным фронтом от угла и до угла. Этот приём последовательно соблюден по всем сторонам площади. Лишь на стыке улиц Советской и Свердлова, где стоит здание Присутственных мест, выходящее на площадь своим боковым крылом, угол квартала в сторону улицы Свердлова оказался не застроенным на 6 метров по лицу площади и на 39 метров по улице Свердлова: вплоть до двухэтажного здания нынешнего Управления культуры участок ограждён забором, скрывающим двор главного административного здания. До 1960 г. он был деревянным, затем его сменил существующий кирпичный, с воротами, выходящими на улицу Свердлова.

Оценивая нынешнюю градостроительную ситуацию локально, в месте начала улицы Свердлова, констатируем:

1) Северный угол начала улицы занимает каменное двухэтажное здание начала XIX века, принадлежавшее прежде причту Благовещенской церкви (ныне ЦНТИ); правый угол начала улицы образует сравнительно невысокая кирпичная ограда, ни в коей мере не уравновешивающая здание слева, стилистически ему чуждая и плохого технического состояния.

2) Торец квартала справа от начала улицы застроен не полностью (в отличие от торцов остальных кварталов, обращённых к площади, и вопреки требованиям генерального плана 1781 г.); забор, ограждающий двор б. Присутственных мест, оставляет открытым их непрезентабельный дворовый фасад, не предназначавшийся для ориентации на главную городскую площадь, к тому же испорченный переделками 1841 г.

Цель предлагаемого проекта – попытка вернуться к главной идеи генерального плана Костромы 1781 г., заключавшейся в сплошной периметральной обстройке углов кварталов, обращённых на главную площадь, единых стилистически, а именно: замене забора, обрамляющего участок б. Присутственных мест со стороны площади и ул. Свердлова, каменным зданием, способным исправить недостатки нынешней градостроительной ситуации, не вступая в противоречия со сложившимся архитектурным окружением, но следуя его принципам.

Для верного решения этой крайне ответственной задачи необходимо соблюдение следующих условий:

1) Поскольку предлагаемое к постройке здание должно примкнуть к зданию б. Присутственных мест (горисполкуму) и иметь общий с ним двор, оно не может быть ничем иным, как его функциональным продолжением и, следовательно, отвечать условиям размещаемых в нем служб; в частности, иметь проезд во двор со стороны ул. Свердлова.

2) Следуя принципу равновысотности зданий, образующих въезд в улицы со стороны площади, новое здание, в соответствии со зданием ЦНТИ, должно быть двухэтажным.

3) Целостность архитектурного решения торца квартала между улицами Свердлова и Советской (по аналогии со всеми компонентами ансамбля площади Революции) не допускает остроиндивидуальной его трактовки: его архитектура в главных чертах должна соответствовать архитектуре двух нижних этажей здания горисполкома, включая соблюдение высотных отметок. Новое здание должно восприниматься как флигель старого.

4) В то же время недопустимо буквальное повторение двух нижних этажей здания горисполкома, ибо следуя правилам классицизма, новое двухэтажное здание обязано иметь тонкий венчающий карниз и он должен быть вписан в высотные отметки междуэтажного карниза старого здания; необходима и фризовая лента под карнизом (опять по аналогии со зданием на другой стороне ул. Свердлова). Иначе говоря, необходимы средства примирения героического масштаба архитектуры петербургского мастера и провинциальной камерности других зданий на площади.

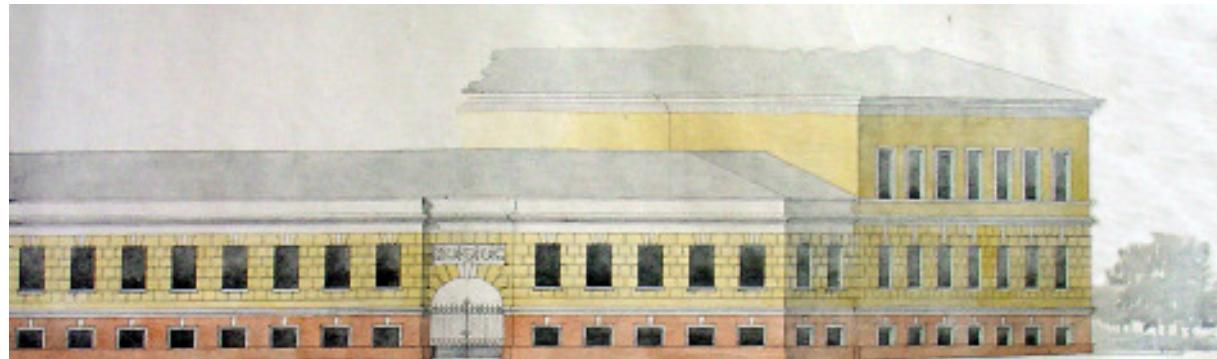
5) Крайняя сдержанность необходима в проектировании фасада, требующих индивидуального решения, например, в оформлении

14. Кострома. Здание бывших Присутственных мест

проездной арки с ул. Свердлова. Любое стремление к импозантности, к декоративному эффекту неуместно в контексте сложившейся городской площади – общепризнанного памятника русского градостроительства.

6) И, наконец, любая докомпоновка старого здания немыслима без понимания закономерностей построения его архитектуры и их правильного применения.

Стремление следовать этим принципам лежит в основе предлагаемого проекта.

КВАСНЫЕ РЯДЫ В Г. КОСТРОМЕ

По имеющимся данным*, здание Квасных рядов, стоящее наверху Молочной горы и вместе с находящимся напротив него таким же зданием фланкирующее въезд на эспланаду (б. Екатеринославскую площадь) между Красными и Большими Мучными рядами, строилось в два приёма. Известно, что нижний этаж, с аркадой по фасаду и задней стороной, обращённой в толщу холма и скрытой в земле, построен в 1801 г. Будучи одноэтажным, это здание не закрывало Красные ряды с Волги, а выглядело лишь подножием к нему; ячейки его аркады, меньшие, чем у Красных рядов, вторили аркаде верхних рядов.

Но затем встал вопрос о надстройке второго этажа. В ГАКО (ф. 497, оп. 2, ед. хр. 193) хранится резолюция Костромской думы о постройке Квасных торговых рядов костромскими мещанами от 7 августа 1805 г. Как явствует из резолюции, дума возражала против надстройки второго этажа, находя, что он закроет вид на Красные ряды и соборный комплекс, «не будет соответствовать главной Екатеринославской площади», помешает крестным ходам из Успенского собора. Взамен надстройки второго этажа она предлагает из заготовленного материала построить симметричный одноэтажный корпус по другую сторону Молочной горы, на пустующей земле.

Второй этаж Квасных рядов появился к 1815 г. Он был надстроен над линией, обращённой к Волге. Другая, повёрнутая под прямым углом часть здания, идущая вдоль Молочной горы, осталась одноэтажной. Её венчал невысокий каменный аттик, служивший парапетом верхней площадки, над

Историческая справка о здании Квасных рядов в г. Костроме. Текст датирован мартом 1972 г.// Архив КСИРПМ. Публикуется впервые. (Іðèї. ðâã.)

* «В 1801 г. устроен каменный Квасной ряд, состоящий из семи лавок». – Л. Скворцов. Материалы по истории г. Костромы. Гл. XV. (Іðèї. àâð.)

нижним этажом. С середины XIX в. начинались переделки здания. Были заложены нижние аркады, в них устроены двери и окна, внутренние стены галерей выломаны, в уровне нижнего этажа устроен антресольный этаж с круглыми окнами в уровне междуэтажного карниза; арки верхней галереи, обращённой к Красным рядам, застеклены. К северо-восточному торцу рядов в 1-м этаже в конце XIX в. пристроена ещё одна секция.

После 1917 г. была надстроена и линия вдоль Молочной горы – сначала в виде объёма под односкатной крышей с юго-восточным фасадом в виде плоскостной аркады, с проёмами в ней; с Молочной горы её кровля опиралась на аттик над нижним этажом, и, следовательно, облик здания отсюда мало изменился. Но вслед за этим был надстроен и северо-западный (обращённый к Молочной горе) фасад с устройством прямоугольных окон наверху и вальмовой пологой крышей. Нижние аркады, заложенные ещё раньше, были перебиты широкими проёмами; в закруглённой части здания, вверху, взамен прямоугольных окон, вписанных в арочные плоские ниши, появились большие арочные, грубо нарушившие масштаб здания. Такие же окна были сделаны под ними, в первом этаже.

В последние годы здание Квасных рядов использовалось протезной мастерской и швейным ателье, в силу чего внутри появились многие внутренние перегородки.

Следует отметить, что площадка перед верхним этажом рядов с самого начала была несколько понижена по отношению к Красным рядам и Екатеринославской площади, вследствие чего при выравнивании мостовых, проведённых во 2-й половине прошлого века, верхний фасад Квасных рядов оказался полузасыпанным.

Подвалов в Квасных рядах пока не найдено.

ПОЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

к проекту реконструкции здания Квасных рядов в г. Костроме.

Особенностью проекта является восстановление первоначальной фасадной и планировочной структуры здания рядов с одновременным сохранением тех добавлений к нему, которые появились с течением времени и которые необходимы для размещения и нормального функционирования предназначенных в нём быть предприятий общественного питания. В то же время со стороны Молочной горы, где эти добавления особенно исказили первоначальный вид здания, они видоизменяются так, чтобы зрительно можно было отделить новое от старого.

Подобно Пряничным, Квасные ряды стоят на скате естественного холма и вследствие этого имеют один этаж со стороны центра и два – со стороны Волги. С течением времени перед одноэтажным фасадом Квасных рядов вырос значительный культурный слой, скрывший основания аркады галереи. Проектом предусмотрено понижение уровня земли у этого фасада до первоначального с устройством земляного откоса в сторону Красных рядов и новой бетонной лестницы и ливневого лотка у торца здания, обращённого в сторону городского центра. Получившееся пониженное пространство у верхнего фасада предлагаются покрыть асфальтной плиткой по бетонному основанию, с уклоном к упомянутому ливневому лотку.

Как и Пряничные, Квасные ряды имели галереи с аркадами вдоль фасадов. Со стороны Красных рядов аркада галереи занимает весь фасад, со стороны Волги и Молочной горы – галерея идет понизу и над нею располагается ещё этаж. Верхняя аркада хорошо сохранилась и лишь застеклена; она должна быть открыта. Нижняя галерея повсеместно заложена кирпичом с оконными и дверными проёмами; со стороны Молочной горы арки галереи уничтожены вовсе, лишь в

двух местах сохранились пяты арок. Арки восстанавливаются по проекту. Подобно верхней, нижняя галерея должна быть открыта. Фасадная часть второго этажа со стороны Волги сохранилась удовлетворительно, но в закруглённой его части прямоугольные прежде окна растёсаны до размера больших арок. Сильно пострадал промежуточный карниз. Всё это подлежит восстановлению.

Первый этаж Квасных рядов отводится под пивной бар, вестибюль с гардеробом и санузлами и склад пива. Подсобные помещения при баре вынесены в подземный пристрой вдоль линии, идущей вдоль Молочной горы. Подземный пристрой в виде коридора и двух помещений (электрощитовая и тепловой узел) устраивается вновь вдоль линии, идущей параллельно Волге. В первом же этаже размещаются складские и конторские помещения, с гардеробом персонала, санузлами и душевой камерой при нём. Связь со вторым этажом осуществляется посредством внутренней лестницы с железобетонными ступенями по стальным косоурам, заключённой в лестничную клетку.

Во втором этаже размещается кафе-пельменная с вестибюлем, с хлеборезкой, сервисной, моечной, кладовой и цехами приготовления пищи. Помещения для посетителей состоят из вестибюля с гардеробом и санузлами и двух залов, один из которых, прямоугольный в плане, будет иметь барную стойку, а второй, в виде четвертного сектора круга, будет собственно обеденным залом. Его плоское перекрытие поддерживается четырьмя тосканскими колоннами (две из которых декоративные) по криволинейной балке антаблемента. Перекрытие над «баром» деревянное по профилированным деревянным балкам, опирающимся на оштукатуренные железобетонные прогоны. В интерьера «бара» применены кова-

ные железные двери и светильники в виде фонарей и бра молочного стекла. Подобные фонари использованы для освещения второго зала и вестибюля. Одна из стен углового зала отделяется наборными зеркалами. Все помещения 2-го этажа оштукатуриваются, под потолками вытягиваются карнизы. Потолки белятся, стены окрашиваются масляной краской по образцам, которые будут выданы особо. Металлические решётки интерьера окрашиваются чёрным лаком с частичным применением бронзовой краски (по особому указанию). Металлические части фонарей покрываются чёрным лаком. Полы в упомянутых трёх помещениях из паркета, в санузле – метлахские; метлахские полы в помещениях приготовления пищи, мойке, сервизной.

В помещениях 1-го этажа стены оштукатуриваются, но без карнизов, и окрашиваются мас-

ляной краской; потолки повсюду белёные. Полы в пивном баре *терразитовые*, такие же в вестибюльной части бара; в складе пива, подземных помещениях и продуктовых складах – из асфальтной плитки. В конторских помещениях (бухгалтерия, комната директора) полы линолеумные, в вестибюле административной части *терразитовые*, в санузлах и душевой – метлахские.

Поля обеих галерей из бетонных или лещадных плит 60 x 60 см. Фасады здания белятся известковым молоком в два приёма. Столлярка верхнего этажа со стороны Волги и Молочной горы окрашивается белилами, столлярка, выходящая в галереи – коричневым лаком.

Галереи освещаются светильниками по одному в каждой секции. Помимо этого, на углах здания устанавливается два фонаря молочного стекла на кованых кронштейнах.

15. Кострома. Квасные ряды

23. Следы фундаментов задней стены ранее существовавшей галереи юго-западного и северо-западного фасадов (шурф).

5-й КОРПУС РЫБНЫХ РЯДОВ

5-й корпус Рыбных рядов (бывшая чайная) – один из пяти корпусов торговых рядов, расположенных на нижней террасе, построен в 20-х годах XIX в. и симметричен малым Мучным рядам, относительно средней оси комплекса рядов, объединяющей Рыбные, Пряничные и Красные ряды со зданием бывших Присутственных мест. Композиционно повторяя их, он более скромен в своих размерах; в отличие от них, в общем не плохо сохранивших первоначальный вид, он получил значительные переделки: заложены аркады, разобраны внутренняя капитальная и задняя стена галереи и, главное, над ближайшей к Волге половиной добавлен 2-й этаж, судя по формам – в самом конце XIX в.

Неизвестно первоначальное назначение здания, но накануне революции оно принадлежало костромскому рыботорговцу В. Скалозубову.

В дальнейшем, вплоть до 1969 г., нижний этаж занимала чайная, верхний использовался под жильё.

В соответствии с заданием, 5-й корпус Рыбных рядов приспосабливается под раздаточник горячей пищи для рабочих Костромского треста «Водоканал»; одновременно проектом предусмотрено восстановление его первоначальной планировочно-композиционной структуры: разборка позднего надстроения, удаление боковых – ещё более поздних – пристроек, восстановление первоначальных карнизов и фронтонного завершения торцевого волжского фасада, восстановление внутренних капитальных стен, разборка заложенных аркад, восстановление на фасадах срубленных

импостов, архивольтов и замковых камней. Над всеми помещениями подвального этажа устраивается перекрытие из кирпичных сводиков по стальным балкам.

В первом этаже здания размещается обеденный зал на 24 посадочных места, ему предшествует небольшой вестибюль с санузлом и умывальником в глубине и открытым гардеробом. За обеденным залом располагается раздаточная с витриной, мarmитами, электротерmostатами и кассой; за нею помещения служебного характера, с отдельным входом на заднем продольном фасаде; здесь размещается мойка посуды, хлеборезка, холодильник.

Все названные помещения двусветные. Обширный подвальный этаж, функционально не связанный с раздаточной, имеет отдельный с улицы вход.

Фасады и интерьеры здания оштукатуриваются (с применением шаблонов там, где это необходимо); в интерьерах продольные стены (до промежуточного карниза) и поперечные (до верхнего карниза) окрашиваются высококачественной масляной краской тёмного тона; верхние части продольных стен (выше промежуточного карниза), карнизы и потолки белятся. Оконные и дверные откосы, а также вся внутренняя столярка закрашиваются масляными белилами.

Во всех помещениях раздаточной устраиваются метлахские полы тёмного тона.

Здание оборудуется водопроводом, электроосвещением, канализацией и теплофикацией.

Кровля выполняется из оцинкованной кровельной стали.

Пояснительная записка к проекту восстановления 5-го корпуса Рыбных рядов. Текст датирован 1971 г.// Архив КСНРПМ. Публикуется впервые. (Іðè). ðåä.)

МЕМОРИАЛ В.В. РОЗАНОВА В Г. КОСТРОМЕ

Предлагаемый проект преследует цель – сохранить от забвения место, где жил и провёл годы детства известный деятель русской культуры рубежа XIX – XX вв., философ и писатель – Василий Васильевич Розанов.

Небольшой деревянный дом Розанова, снесённый сравнительно недавно (в 1978 г.), стоял в переулке у восточного угла Сенной площади (площадь Мира), на берегу Боровкова пруда. Засыпанный в начале XX в., пруд, точнее его территория, застроена жилыми домами. С восточной стороны его берёт начало Рождественская улица (ныне Галичская).

В 80-е годы ХХ в. в западу от участка дома Розановых было построено монументальное здание цирка, и силуэтом и массой определившее застройку северо-восточной стороны пл. Мира.

Застройка эта не завершена и требует доработки, ибо не закреплены зданиями углы по сторонам цирка. В столь же неудовлетворительном состоянии застройка квартала между зданием цирка и улицей Галичской.

Предлагается: для увековечения памяти В.В. Розанова на территории дома и огорода Розановых создать обнесённый оградой небольшой сквер

с мемориальной стелой. Оси стелы и сквера должны совпадать с осью переулка, идущего от Галичской улицы в направлении цирка. Формы и высота стелы должны быть выразительными и достаточно весомыми при сопоставлении со зданием цирка, стоящего рядом.

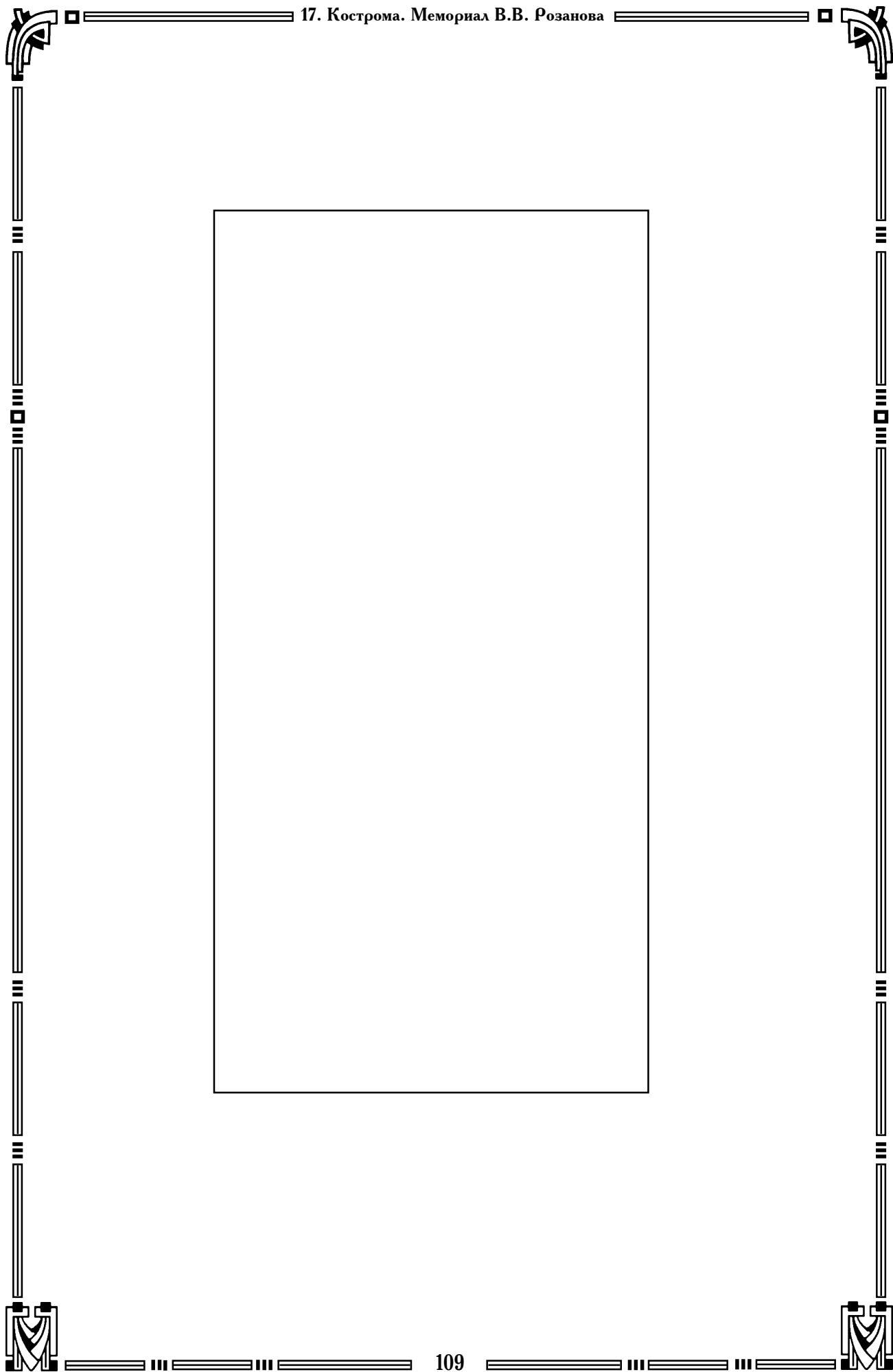
Потребность в общественном благоустроенном сквере в этой части города очевидна. И желательно отдать его детям.

О стеле. Она должна представлять собою своего рода монумент с облицованным полированым гранитом пьедесталом и посвятительной доской под сенью четырёхколонного тосканского портика, выполненного из тёсаного белого камня. На посвятительной доске предложен овальный барельеф (возможно в бронзе) с сопутствующей надписью. Надпись, поясняющая смысл памятника, значимость В.В. Розанова для русской культуры, должна размещаться на гранитном цоколе (буквы врезные).

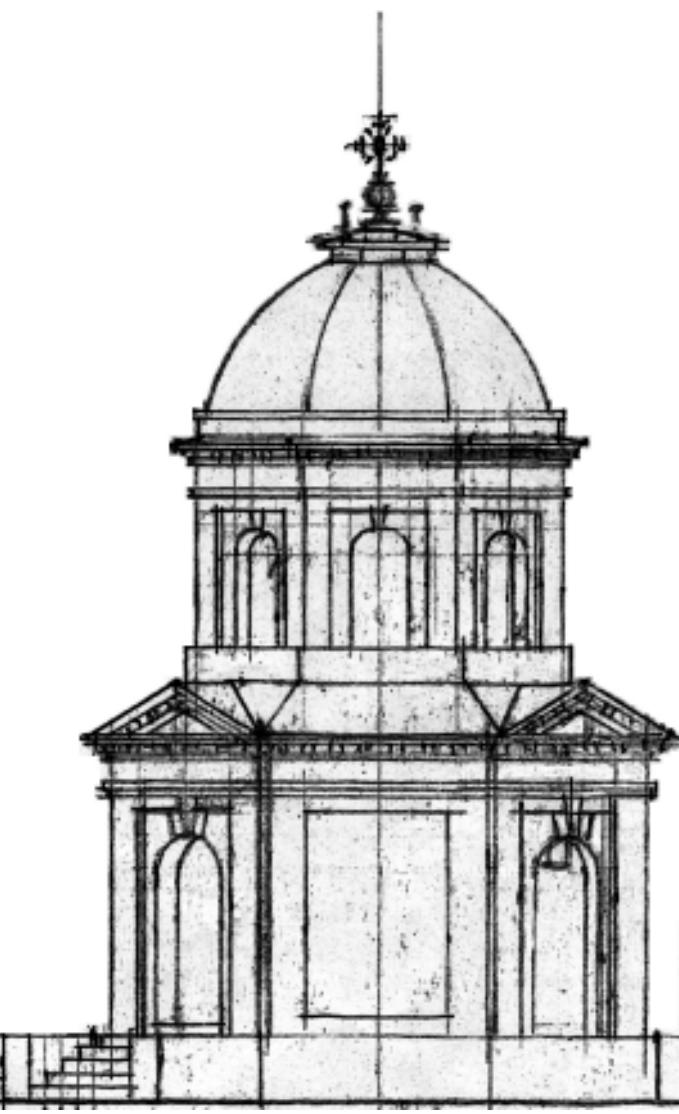
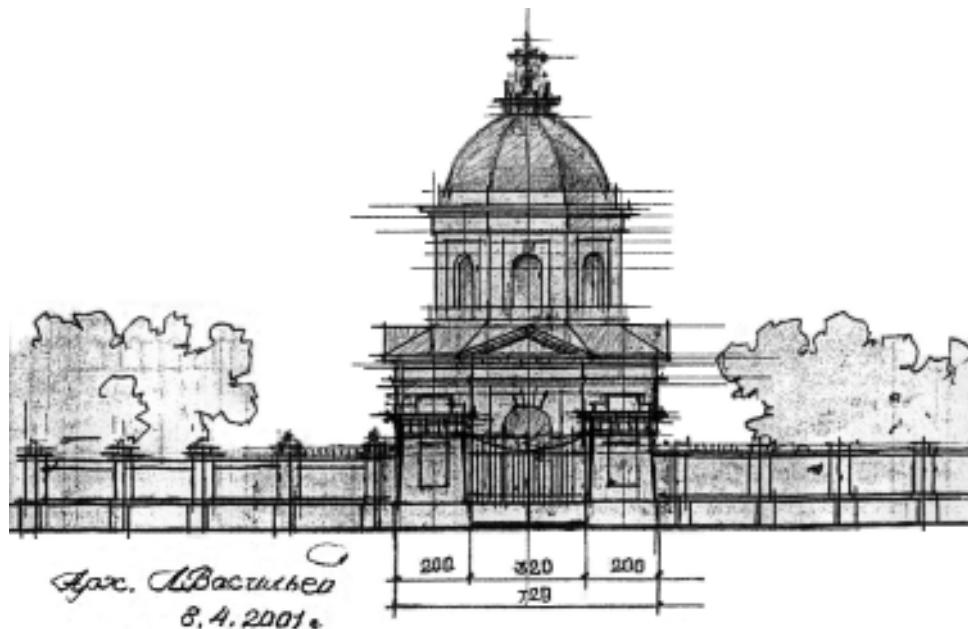
Создание мемориала должно быть увязано с застройкой прилегающих улиц и оформлением фронта площади Мира со стороны цирка. Контакт с проектировщиками, занимающимися реконструкцией площади Мира, необходим и неизбежен.

Пояснительная записка к эскизному проекту мемориала В.В. Розанова в г. Костроме. Текст датирован 22 ноября 2002 г. // Архив автора. Публикуется впервые.
(їðèì. ðåä.)

ЧАСОВНЯ ФЕОДОРА СТУДИТА

Завершить костромской раздел сборника мы решили несколькими эскизными проектами, созданными Л.С. Васильевым в последние годы жизни. Пояснительных записок к ним не сохранилось или не было написано, поэтому редакторы добавили к чертежам и эскизам свои примечания.

Часовню в память Феодора Студита Л.С. Васильев спроектировал для Костромского энергетического техникума им. Ф.В. Чижова. Помимо приводимых здесь эскизов в двух проекциях он разработал генплан часовни и её масштабные разрезы.

На месте будущей установки часовни во дворе техникума на ул. Терешковой заложен мемориальный камень.

Эскизы часовни Ф.Студита были опубликованы в сборнике «Костромская земля», выпуск 6, Кострома, 2007 г., стр. 623.

ФЕДОРОВСКАЯ ЧАСОВНЯ У ВЕЧНОГО ОГНЯ

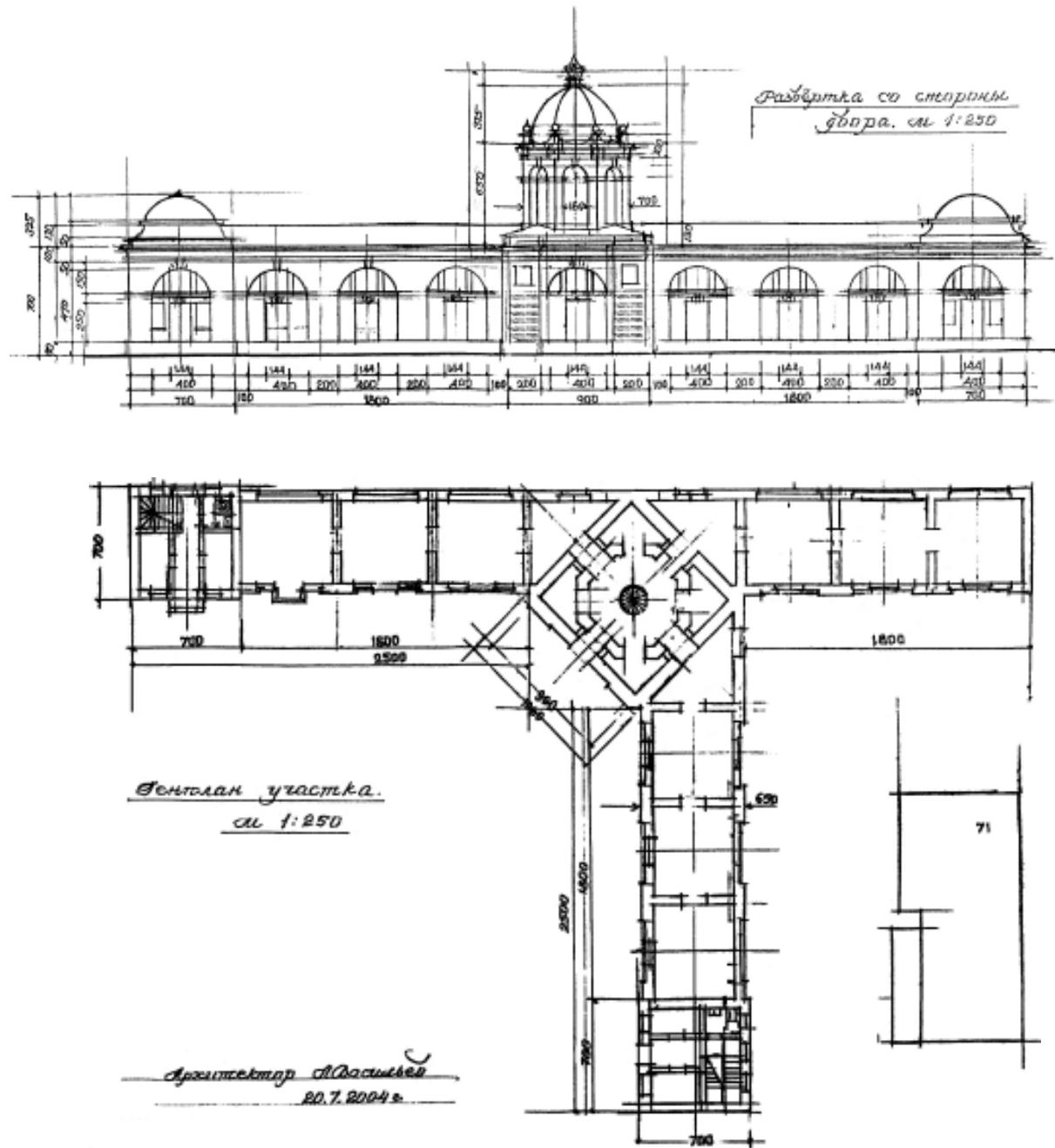

г. Кострома.
Проект Федоровской часовни
у Вечного огня.

Выполнена арх. А. Васильевым
Сентябрь 1994 г.

Часовню, названную в честь иконы Феодоровской Божьей матери, предполагалось воздвигнуть на старом кладбище у Вечного огня при мемориале павших воинов.

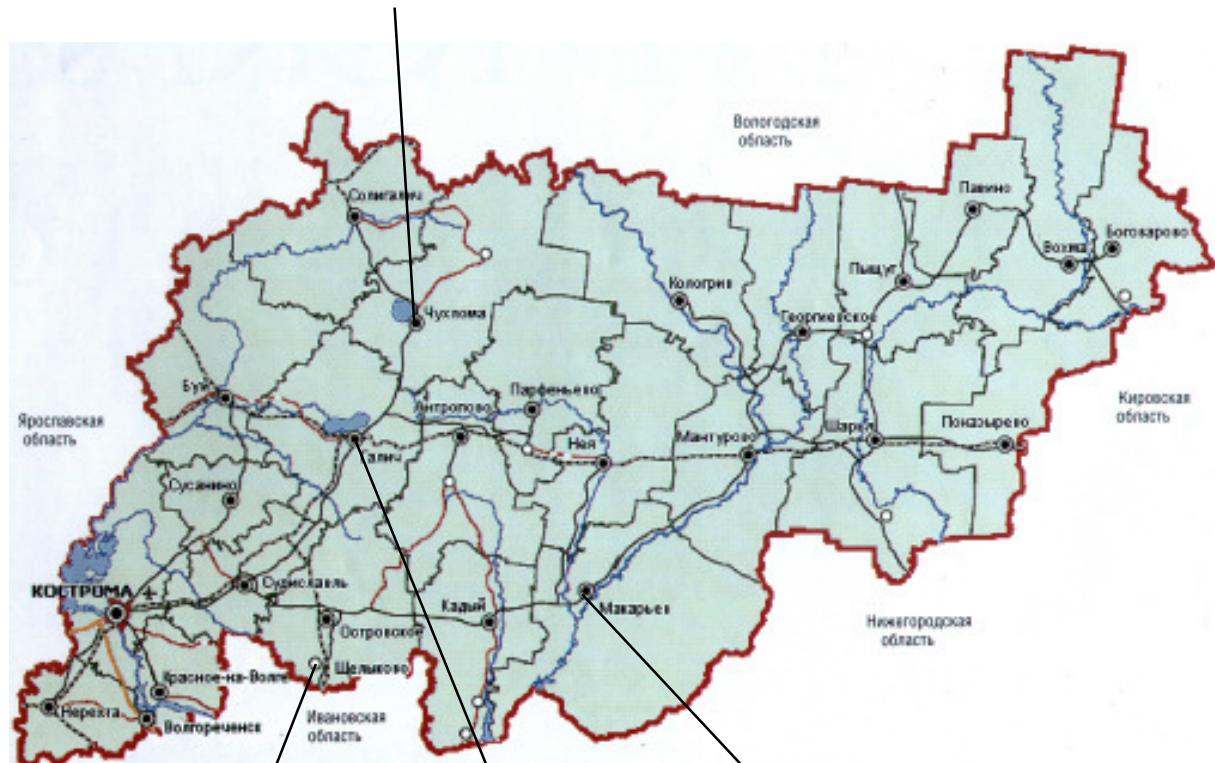
ТОРГОВЫЙ ЦЕНТР У ДОМА КОРСАКОВЫХ

Комплекс торго-выставочного центра предполагалось воздвигнуть во дворе Дома Корсаковых (ул. Советская, 67). Проект был разработан Л.С. Васильевым по просьбе владельца Дома Корсаковых Е.Шиховцева. Не осуществлён в связи с возникшими земельными спорами и последующей продажей Дома Корсако-

вых. Эскиз фасада и генплан были опубликованы в 2004 году на стр. 20-22 малотиражной брошюры «К 100-летию М.С.Колесова и 160-летию Дома Корсаковых в Костроме», составленной и изданной Е.Шиховцовым.

II. КОСТРОМСКАЯ ОБЛАСТЬ

УСПЕНСКАЯ ЦЕРКОВЬ МАКАРЬЕВО-УНЖЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ В Г. МАКАРЬЕВЕ

Успенская церковь Макарьево-Унженского монастыря расположена в северо-западном углу монастырского двора, в непосредственном соседстве с двухэтажным корпусом настоятельских келий. С северной и западной её стороны рельеф местности круто понижается, образуя глубокий овраг, переходящий в долину реки Унжи; южная и восточная стороны здания обращены на глубокий монастырский двор с главными культовыми постройками.

Успенская церковь служила больничной церковью и представляет собой вытянутый объём со следующим составом помещений (с запада на восток):

- 1) двухэтажная больничная палата (верхний этаж XIX в.) с сомкнутыми сводами;
- 2) одноэтажные сени, перекрытые цилиндрическим сводом;
- 3) одноэтажная трапезная с сомкнутым сводом;
- 4) четверик церкви, перекрытый сомкнутым сводом, над которым размещаются два убывающих в размерах восьмерика, увенчанных главой на кирпичном барабане;
- 5) однчастная апсида со сводом-конхой.

Успенская церковь – одна из поздних построек монастыря, её освящение произошло в 1732 г.*

Но в силу удалённости от общерусских центров она получила формы предшествовавшей архитектурной эпохи – по типу композиции, по приемам декора её, скорее, можно датировать рубежом XVI – XVIII вв. Фрагментарно сохранились росписи 1857 г.** в трапезной, четверике и апсиде церкви.

Пояснительная записка к проекту восстановления церкви. Текст датирован 1973 г. // Архив КСНРПМ. Публикуется впервые. (їðèì. ðåä.)

* ИАК, вып 31. СПБ., 1909, стр. 215. (Ҫääñü è ääëäå â Ҫàëëñêå – ïðèì. àâòðà.)

** ГАКО, ф. 1486, оп. 1, т. 1, ед. хр. 76, лл. 607-609, 611, 612.

В настоящее время больничная палата занята Макарьевским почтовым отделением, её нижние окна ещё в XIX в. переделаны в прямоугольные. Четверик с апсидой в основных частях сохранились, но уничтожена глава, практически исчезли кровли, растёсаны оконные четверти на южном фасаде и апсиде, растёсаны окно и дверь в четверике на северном фасаде; эта часть здания используется под сараи нынешними обитателями братских и настоятельских келий. Что касается трапезной и сеней – они пребывают в руинах. Почти совершенно разрушена южная стена, более чем наполовину обрушен свод трапезной, отсутствует свод над сенями (он был разобран ещё в XIX в. и тогда же заменён на плоское перекрытие – но не сохранилось и оно). В лучшем состоянии северная стена. Однако и здесь растёсаны оконные проёмы, пробито добавочное окно в трапезной, в сенях на месте дверей сделан огромный проём, наподобие ворот. Полы в этой части здания покрыты толстым слоем земли и кирпичного щебня. Обрушение сводов произошло в начале 60-х годов нашего века, после того как была разрушена кровля. Состояние Успенской церкви настолько катастрофично, что всякое дальнейшее промедление в её консервации может привести к её полной гибели. Между тем, её роль в ансамбле как объёмного компонента и высотного ориентира чрезвычайно велика, да и как индивидуальное творение русского зодчества она представляет большую ценность.

Учитывая это, Костромской специальной научно-реставрационной производственной мастерской в октябре 1972 г. были проведены детальные обмеры руинированных частей Успенской церкви и, параллельно с ними, натурные исследования здания, с целью определения форм утраченных элементов. Из-за отсутствия рабочих не удалось точно установить отметку полов в трапезной, сенях и собственно церкви; это

возможно сделать при закладке шурфов. Пока же удалось определить отметки порогов дверей из сеней в трапезную и из трапезной в четверик. Поэтому предлагаемый проект восстановления церкви неизбежно грешит некоторыми неточностями, которые могут быть исправлены в ходе строительных работ и параллельных им дополнительных исследований.

Из старых изображений Успенской церкви сохранилась единственная фотография 1908 г., фиксирующая её вид с южной стороны. Церковь на ней имеет железную кровлю, железом покрыты четверик и оба восьмерика, железом, в чешую, покрыта глава церкви. Хорошо видна южная, ныне исчезнувшая, стена трапезной с двумя разнотипными окнами и дверью между ними. Старые проёмы в южной стене сеней заложены, взамен их под самым карнизом устроено прямоугольное окно (очевидно, после удаления свода над сенями).

При обследовании западной стены четверика найдена борозда от примыкания железной кровли, коньком врезающаяся в венчающий карниз. Это обстоятельство, а также то соображение, что в начале XVIII в. церковь вряд ли могла иметь железную кровлю (крупнейший монастырь Костромского края – Ипатьевский, – и тот пребывал в это время в крайней бедности), позволяют предположить, что первоначальной кровлей Успенской церкви Макарьево-Унженского монастыря была деревянная; деревянной, лемеховой, могла быть и глава церкви, деревянным мог быть её крест.

На фотографии видна деформация южной стены трапезной, происшедшая, очевидно, из-за дефектов фундамента. Обмерами установлен значительный перепад в отметках венчающего южного стену карниза, с понижением в сторону больничной палаты. Между тем, последняя находится в удовлетворительном конструктивном состоянии. Поэтому при воссоздании южной стены (сеней и трапезной) карниз придётся искусственно наклонить, сохранив его крайние отметки.

При обследовании найдено устье дымовой трубы в виде небольшой арки, выложенное в толще северо-западного участка свода над трапезной. Это подтверждает существование в этом углу помещения печи. По аналогии с братским и настоятельским корпусами Ипатьевского монастыря и многими другими зданиями XVI - XVII вв. в смежной с печью стене, отделяющей трапезную от сеней, запроектирован сквозной арочный проём как устье печи (топка из сеней), на месте пробитого позже дворового проёма. Оконный

проём, устроенный в северной стене трапезной и располагающийся точно над отверстием в своде, лишён каких-либо следов существовавшего здесь раннего проёма; поэтому в проекте он закладывается. Все другие проёмы в трапезной восстанавливаются исходя из натурных остатков с привлечением данных фотографии и аналогов из соседних культовых построек монастыря (последнее относится к окнам в северной стене сеней, трапезной и четверика). Сравнительно хорошую сохранность имеет первоначальная дверь в стене между трапезной и сенями, с отпечатком дверной колоды (Д-3); здесь разрушены сводчатые перемычки, но пяты и начало перемычек существуют. Сохранился и западный откос двери трапезной, в её южной стене (Д-2); и здесь можно видеть след деревянной закладной коробки. Подобным образом была устроена дверь в северной стене четверика (Д-4).

Иным было устройство южной двери в сенях (Д-1). Сохранилась нижняя часть её откоса (восточного). Судя по ней, дверной проём не имел коробки, дверное полотно, открывавшееся внутрь помещения, крепилось на петлях – указание на то, что сени не отапливались. В северной стене сеней, в её западной части, сохранились остатки первоначального окна (0-3), восточный внутренний откос и часть окружавшего окно наличника в виде тесаного полуvala; оконная четверть не сохранилась, но, судя по следам, была глубиной в кирпич, т.е. в 30 см (размер кирпича, применённого во всем здании, 30 x 16 x 8 см). Такой же глубины были четверти в прочих окнах трапезной и сеней. К востоку от окна, как сказано выше, пробит большой дверной проём. Он настолько велик, что найти какие-либо следы предшествовавшего ему проёма, если он был, не представляется возможным. Таким же белым пятном является западный участок южной стены сеней (сейчас она отсутствует начисто), а фотография 1908 г. изображает её в уже переделанном виде (к тому же на снимке этот участок полуприкрыт листвой впереди стоящего дерева). Поэтому при составлении проекта мы были вынуждены пойти на докомпоновку, прибегнув к аналогу. Таким аналогом были избраны братские кельи Ипатьевского монастыря, точнее, его нижний этаж, датируемый серединой XVI в. Опасения насчёт внушительности временного интервала между этими постройками в какой-то степени смягчались учётом провинциальной консервативности строителей Успенской церкви, да и натурные следы невольно указывали на допустимость такой

общности. В сенях братских келий, имеющих такую же конфигурацию, так же ориентированных по странам света, имеющих то же перекрытие в виде цилиндрического свода, в двух противостоящих торцевых стенах имеется по двери, как и в Успенской церкви, сдвинутых к востоку. Одна из дверей ведёт на главный двор, вторая в засене, где, между прочим, хранились дрова. В Успенской церкви на месте вторых дверей зияет дыра позднего проёма. В братском корпусе в южной стене, рядом с дверью, размещается окно, во всём подобное окнам соседней кельи; в северной стене окна нет. В Успенской церкви, на южной стене, на месте предполагаемого окна, стена отсутствует вовсе, зато на северной сохранились его явственные следы. Нам представлялось невероятным, что строители, делая окно в северной стене сеней, могли не сделать того же и в южной, где условия освещённости несравненно лучше; кроме того, выбирая место для окон, старые мастера обычно предпочитали главный лицевой фасад, нежели фасад, обращённый в засене; и если на заднем фасаде окно всё же было сделано, то тем более оно должно было существовать на южном, обращённом на парадный двор монастыря. Поэтому в проекте сени имеют двое наружных дверей и два окна. Южное окно повторяет соседнее окно трапезной (0-1). Ширина и высота дверей в сени взята произвольно, исходя из средних габаритов дверей в зданиях XVII в. (Ипатьевский монастырь). Они будут уточнены при дополнительных исследованиях. Что касается свода над сенями, его следы хорошо просматриваются на внутренней поверхности их северной стены.

Окна и дверь в южной стене трапезной (0-1, 0-2, Д-2) запроектированы по данным фотографии и с учётом натурных следов. Окно в северной стене трапезной (0-4) однотипно с северными окнами сеней и четверика, но его высота откорректирована исходя из остатков внутренних частей. Северное окно четверика (0-5) определено в своей фасадной части, внутренняя часть окна пока не доступна к обследованию. Нуждается в уточнении ширина соседней с ним двери (Д-4). Все эти работы осуществимы после освобождения здания. Наиболее простым будет восстановление южных окон четверика и алтарной части – здесь нужно восстановить четверти и решётки. Решётки, кстати, должны быть во всех окнах здания. Не исследовано ещё основание срубленного барабана главы, её сечение в проекте дано условно.

Таким образом, проект не претендует на исчерпывающую аргументированность и в некоторых своих частях должен рассматриваться как эскизный. Он будет уточняться в ходе работы.

Восстановительные работы должны начаться с возведения южной стены трапезной и сеней. Но перед этим необходимо исследование фундамента под нею и его исправление. Для кладки вновь возводимых частей весьма желателен красный большемерный кирпич соответствующих размеров, но, даже допуская вынужденную замену материала в основных конструкциях (фасады идут под обмазку, внутренние поверхности покрываются тонкой штукатурной затиркой), непременным условием работ должно быть выполнение из большемерного кирпича всей цокольной части (с устройством горизонтальной гидроизоляции в её основании), всех оконных и дверных проёмов, включая наличники окон, венчающих карнизов. Из большемерного кирпича выполняется барабан главы над четвериком. Вокруг всего здания сниается грунт до первоначальной отметки и устраивается отмостка из асфальтовой плитки, с уклоном в сторону от здания, с устройством водопоглощающих колодцев и одернованных откосов. Кровли на здании запроектированы тесовые, с копьевидными окончаниями тесин покрывающего слоя. Как вариант над трапезной, сенями и апсидой допустима комбинированная кровля – из одного слоя тесин с резными окончаниями и покрывающего их кровельного железа, окрашенного в серый тон. Маковица главы, как сказано выше, покрывается осиновым лемехом по деревянным кружалам и обрешётке, крест делается из дерева. Возможен и другой вариант: крест и яблоко под ним сделать металлическими, золочёными – так, как сделано на восточных воротах Ризоположенского монастыря в Суздале (XVIII в.).

Внутри трапезной и по контуру её стен восстанавливаются железные связи. Заблаговременно заготавливаются и заделываются в кладку дверные колоды (там, где это нужно) с деревянными дверями на шпонках. Оконные переплёты, из теплотехнических соображений, должны иметь двойное остекление.

Вопрос с устройством внутренних полов до проведения исследований остаётся открытым. Однако в сенях и трапезной они, скорее всего, были деревянными, что и показано в проекте. Отопление в обоих названных помещениях печное. Предлагаемый дымник, его формы заимствованы из Ростовского кремля.

21. Макарьев. Успенская церковь Макарьево-Унженского монастыря

21. Макарьев. Успенская церковь Макарьево-Унженского монастыря

НИКОЛЬСКАЯ НАДВРАТНАЯ ЦЕРКОВЬ АВРААМИЕВО-ГОРОДЕЦКОГО МОНАСТЫРЯ

Первое доступное нам упоминание о Никольской церкви Авраамиево-Городецкого монастыря относится к 1650 г. и содержится в надписи на одном из двух Евангелий, хранившихся в монастырской ризнице: «159 (1650) года, сентября в 20 день, положил сию книгу Евангелие напрестольные вкладчик Марк, Никифоров сын, уставщик, в дом Пречистыя Богородицы Покрову и Чудотворцу Авраамию, в городецкий монастырь, и положил на престол Николе Чудотворцу в Новую церковь, что на Святых воротах, в каменную церковь, при келаре старце Авраамии Пименове»*.

Никольская церковь на святых воротах представляет из себя двухэтажное кирпичное здание, стоящее вдоль западного склона монастырского холма, имеет внизу два разновеликих арочных проезда и примыкающую к ним с юга келью; наверху – собственно помещение церкви, перекрытое сомкнутым сводом с распалубками (северная часть её со скосенными по углам стенами занималась алтарями), и небольшая трапезная под цилиндрическим сводом с распалубками, отделённая от неё стеной с тремя арочными дверями; трапезная располагается с юга от церкви, над кельей нижнего этажа, и имеет наружу, на восток, внутрь двора, хорошо сохранившийся арочный дверной проём со следами закладной коробки. Междуэтажное перекрытие над трапезнай с самого начала было плоским деревянным.

Церковь и трапезная были холодными; отапливалась лишь нижняя келья. Выложенный в ко-

ренной внутренней стене дымоход, вместе с его устьем, в виде арочной ниши, хорошо сохранился. Вторая печь, поздняя, была устроена в юго-восточном углу трапезной на двух диагональных железных связях, пропущенных в толще междуэтажного перекрытия; дымоход к ней прорублен в восточной стене трапезной.

Извне здание имеет цоколь, промежуточный и венчающий карнизы; два нижних – с поребриком, верхний имеет фриз из квадратных неполивных керамических плит с однотипным выпуклым орнаментом. По вертикали стены расчленены плоскими лопатками, крепущимися в карнизах. Наибольшую ширину они имеют в нижнем этаже; над арками проездов, в основании промежуточного карниза, их соединяют полки прямоугольного сечения высотою в два кирпича, на одной из лопаток, на западном фасаде, между проездными арками – прямоугольный киот в обрамлении полуводала. В верхнем этаже широкие лопатки отмечают углы и места примыкания внутренней капитальной стены; простенки между окнами и углы гранёной апсиды имеют пилястры меньшей ширины.

Окна второго этажа имеют внутренние откосы с рассветом, перекрытые коробовыми сводиками, закладные коробки (поздние, сложенные при разборке прежних четвертей) и наличники в виде прямоугольной рамы из двух профилей наружного полуводала и внутреннего четвертного (последний сохранился на двух алтарных окнах, с севера). Все окна церкви, помимо этого, имеют изнутри подоконные амбразуры.

В интерьер церкви выходили железные связи, в уровне пят распалубок; сейчас они вырезаны. Большой проём, пробитый в южной стене трапезной (причём частично обнажилась внутренняя железная связь), сделан на месте раннего, меньшего проёма; цилиндрический свод трапезы имеет в этом месте большую распалубку.

Пояснительная записка к проекту восстановления Никольской церкви Авраамиево-Городецкого монастыря. Текст датирован 9 января 1972 г. // Архив КСНРПМ. Публикуется впервые. (Іðèì. ðåä.)

* Прилуцкий Д.Ф. Историческое описание Городецкого Авраамиевого монастыря в Костромской губернии. СПб., 1861. (Çääñü è ääëää â Çäïëñéâ – ïðèì. àâòîðà.)

Три окна нижней кельи сохранили внутренние боковые откосы, но внутренние перемычки над ними и все наружные части в их первоначальном виде уничтожены в XIX в. – окна растёсаны до прямоугольных.

Сейчас здание заброшено, лишено кровли, оконных и дверных заполнений; в южной торцовой стене зияют провалы варварски сделанных проёмов, значительно утрачен венчающий карниз, утрачено завершение – двухъярусное кирпичное, в виде восьмерика на четверике, с кирпичной маковицей на гранёном барабане и кованым железным крестом на яблоке. Здание лишено присмотра и постепенно разбирается на кирпич местными жителями.

Возвращаясь к истории памятника, обратимся к самому раннему известному нам документу, касающемуся построек Авраамиево-Городецкого монастыря – «Галичские писцовые книги 1627 – 1635 гг., письма и меры князя Никофора Мещерского, Никиты Беклемишева и подьячего Бескиста Тихомирова», выписки из которых приведены в книге Д.Ф. Прилуцкого (см. прим. *): «<...> а на монастыре церковь каменная, Покров Пречистыя Богородицы, да в приделе Илия Пророк, да церковь Рождества Христова древяна, да на монастыре же келья игуменская, келья келарская, келья казенная, пять келий братских, келья хлебная, келья гостиная <...>». Опись не упоминает Никольской церкви. Следовательно, она могла появиться в интервале 1635 - 1650 гг., скорее, в конце 40-х годов XVII в., т. к. в вышеупомянутой надписи на Евангелии церковь Никольская названа новою.

С другой стороны, в «Книгах данных галицких» от 1628 г., приводимых в книге Г.В. Юдина «Материалы для истории г. Чухломы» (Красноярск, 1902, т.1, стр. 86) в связи с налогообложением Городецкого монастыря наряду с соборной церковью Покрова Богородицы названа церковь Николая Чудотворца.

Возможно, мы имеем здесь дело с деревянной, предшествующей каменной Никольской церкви.

Как явствуют следы на фасаде, на месте юго-западного окна церкви первоначально была дверь. Полустёсанное завершение её наличника, в виде фронттона, врезается в венчающий карниз. Южная граница наличника, в виде сквозного шва, опускается до промежуточного карниза – сделанное на этом месте окно не имеет никакого обрамления и могло, судя по формам, появиться в первой половине прошлого века.

В 1725 г. церковь освящена вновь*.

Чем это было вызвано, предшествовали ли этому переделки здания – сказать трудно. Некоторая разностильность верхнего и нижнего этажей позволяет предполагать, что церковь и трапезная могли быть в это время коренным образом переделаны. В 1804 - 1807 гг. церковь, как сказано в книге Д. Ф. Прилуцкого (см. примечание *), была «исправлена, перекрыта и украшена новым иконостасом». Какого рода были эти «исправления» – неизвестно. Возможно, были переделаны оконные четверти и сделаны внутренние штукатурные работы.

Состояние Никольской церкви в начале 30-х гг. XIX в. фиксирует план монастыря, хранящийся в Чухломском музее. Особенностью приведённого в нём плана 2 этажа является устройство входа не с востока, а с юга и отсутствие лестницы в ней.

Первое известное нам графическое изображение Никольской церкви приведено в журнале «Живописный сборник» (№№ 1, 2, СПб, 1858 г.) в статье С.В. Максимова «Авраамиев Городецкий монастырь в г. Чухломе». Это гравированный рисунок с натуры К.О. Красовского с видом монастыря с северо-запада, сделанный им в 1849 г. Стоящая на переднем плане Никольская церковь ещё не имеет пристройки с юга, её вид соответствует более поздним (1908 г.) фотографиям В. Кларка, за исключением арочных проёмов Святых ворот, заложенных на поздней фотографии, каменного 2-х этажного корпуса, примкнувшего к древнему зданию с юга, и конька кровли, продолжающегося на рисунке 1849 г. несколько к северу от венчающего церковь завершения и отсутствующего на фотографии (форма кровли изменена при расширении здания к югу, произошедшем, скорее всего, в 60-е гг. XIX в., в период больших реконструктивных работ в монастыре; тогда же кровля, взамен тёса, была покрыта железом).

Вот что сказано о той церкви в той же книге Д.Ф. Прилуцкого: «На западной стороне ограды, над Святыми воротами, каменный же 3-х этажный (очевидно, описка. – Ё.А.) храм во имя Николая Чудотворца с приделом Великомученицы Параскевы и трапезою, четырёхугольный, об одной главе, покрытый, кроме сей последней, тёсом. Пол в алтарях и церкви кирпичный, а в трапезе деревянный. Иконостас об одном ярусе столярной работы с резьбою, вызолоченной по гуль-

* ЦГАДА, ф. 235, оп. 1., ч. 1-я, ед. хр. 1016.

фарбе двойником, соединены между собою по прямой линии, царские врата столярные, вызолоченные. Стены алтарной и храма уbraneы лепною работою по штукатурке. Святые иконы письма не древнего. Внизу под сею церковью, кроме Святых ворот, устроены две кельи с коридором». (Очевидно, нижняя келья была перегорожена надвое коридором).

В 60-х годах XIX в.*, со строительством колокольни и устройства под нею нового главного въезда в монастырь, Святые ворота закладываются с обеих сторон и обращаются в добавочные помещения; с востока нижний этаж засыпают землём, в уровень с монастырским двором.

После упразднения Авраамиево-Городецкого монастыря в 1929 г. здание Никольской церкви использовалось частью под сельмаг, частью под столовую. Внутреннее убранство церкви было уничтожено, крест с маковицами сорван. Наконец, в пожар начала 60-х годов здание лишилось кровли и началось разрушение здания: разобрано кирпичное завершение, выломаны полы и заполнения проёмов, разобрана пристройка 60-х годов XIX в., разбираются стены самого древнего здания.

В сентябре 1970 г. Никольская церковь обмерена и обследована Костромской СНРПМ; вслед за этим составлен проект реставрации здания.

Настоящим проектом предусматривается возможно полное восстановление здания в его первоначальном виде: заделка поздних проёмов, восстановление оконных четвертей, вычинка стен и карнизов, восстановление вырезанных железных связей в церкви, восстановление кирпично-го завершения с маковицей и крестом, восстановление кровли и междуэтажного перекрытия в южной части здания. Восстанавливается выходящий на запад дверной проём из церкви и наличник вокруг него. Проект составлялся до проведения зондажей, а посему неизбежно должен носить в некоторых частях эскизный характер. Так, весьма приближённо показаны на проекте окна кельи нижнего этажа, в значительной степени по аналогии решены оконные четверти в церкви. Но совершенная необходимость скончавшего начала восстановительных работ и отсутствие пока там рабочих, способных делать зондаж, побуждает к немедленному составлению проекта. Все необходимые уточнения будут сде-

ланы параллельно с основными строительными работами.

К моменту обмеров венчающее здание ступенчатое завершение с главкой отсутствовало; проект его восстановления сделан по фотографиям В. Кларка. Корректировка его основных членений должна быть произведена на макете в центральную величину. Это осуществимо в ходе работ. Безусловно, необходимо удаление земляной насыпи, скрывающей восточный фасад нижнего этажа, и открытие Святых ворот.

В какой-то мере проблематично помещение в проекте окна во 2-м этаже на южном, торцевом фасаде здания, там, где сейчас зияет огромный арочный проём. Но наличие в восточной стене трапезной, несомненно, первоначального дверного проёма, небольшие размеры трапезной, делают труднодопустимым существование в ней второй наружной двери: скорее, здесь было окно. На несомненное же существование здесь какого-то проёма указывает распалубка, врезающаяся в цилиндрический свод над трапезной.

Естественная необходимость восстановления наружной деревянной лестницы для попадания (после удаления у восточного фасада земляной насыпи) в трапезную.

Не исследованы откосы трёх арочных проёмов в стене, отделяющей трапезную от церкви. Скорее всего, они имели кирпичные четверти. Нужные для установления истины исследования поневоле отодвигаются до начала общевосстановительных работ.

Предлагается восстановить первоначальную для здания тесовую кровлю, с воссозданием её формы по рисунка 1849 г. (как вариант допустима и железная кровля). В четвертях церковных окон и в окнах трапезной запроектированы железные решётки, такие же должны быть в окнах кельи привратника, в нижнем этаже.

Согласно свидетельству Д.Ф. Прилуцкого, в трапезной восстанавливается тесовый пол, а в церкви — кирпичный.

Стены изнутри и снаружи обмазываются известью, маковица, обитая железом, окрашивается медянкой, крест и растяжки к нему (из-за соображений экономии) золотистой охрой. Оконные переплёты и дверные заполнения предлагаются проморить и покрыть за два раза олифой.

* ?

22. Чухлома. Авраамиево-Городецкий монастырь

3. Билохинская икона. Иконостас.
Списан в 1903 году.

2. Никольская церковь. Вид с юго-запада.
Снимок 1908 года.

22. Чухлома. Авраамиево-Городецкий монастырь

ПОКРОВСКАЯ ЦЕРКОВЬ АВРААМИЕВО-ГОРОДЕЦКОГО ПОКРОВСКОГО МОНАСТЫРЯ

Как ни парадоксально, но композиция Авраамиевого Городецкого монастыря, рельеф места, на котором он стоит, невольно напоминает афинский Акрополь.

Монастырь построен на северо-восточном берегу огромного Чухломского озера, на природном холме, круто спадающем к воде и значительно поднятом над бескрайней равниной полей и лесов, окружающих озеро. Подобно Акрополю, вход в ансамбль зданий находится на западном склоне холма. Это Святые ворота с надвратной Никольской церковью. Как и в Акрополе, главное культовое здание, Покровский храм, находится на южной бровке холма, на его наиболее высокой отметке, и воспринимается при взгляде от ворот в три четверти. Подобно Парфенону, в основании его лежит искусственная насыпь, расширившая верхнюю площадку холма к югу и сделавшая его скат почти отвесным. Разумеется, это случайное совпадение, но положение храма в ансамбле, как он был задуман и столетиями существовал, было исключительно эффектным. С юга его белые стены венчает поросший вековыми елями склон холма, отвесной стеной встающий над озером – отсюда он кажется особенно неприступным; со стороны монастырского двора его силуэт рисуется на фоне безбрежной водной глади и по контрасту с её бесплотностью кажется скульптурно определённым и подчёркнуто материальным. Впрочем, с тех пор, как по соседству с ним в XIX в. появился новый храм, огромный по размерам и по безвкусице, древний Покровский собор сам, кажется, дематериализовался.

Пояснительная записка к проекту восстановления Покровской церкви Авраамиево-Городецкого монастыря. Текст датирован 16 января 1972 г. // Архив КСНРПМ. Публикуется впервые. (Іðèї. ðåä.)

Покровский собор Авраамиевого-Городецкого монастыря как каменное здание построен в 1606 – 1632 гг.*

Прежде здесь стоял деревянный одноимённый храм. Долгий срок строительства объяснялся, по-видимому, бедствиями польской интервенции и естественным обеднением монастыря. Задуманный, возможно, в белом камне и начатый в нём, он был завершён в кирпиче.

Композиционно это был завершённый пятиглавием четверик с трёхчастным делением фасадов, с покрытием по фальшивым закомарам!**

С востока к четверику примыкала трёхчастная апсида, с севера – Ильинский придел с небольшой папертью, увенчанной небольшой колокольней под восьмигранным шатром, с ходом к ней по внутренней лестнице в северной стене четверика; второй шатёр был над алтарной апсидой придела; под папертью находился полуподвальный подклет. Крыльцо к паперти было с северной стороны. Как показало натурное обследование 1970 г., собор был двустолпным, с предалтарной стеной, смешённой внутрь четверика примерно на одну треть его глубины. Предалтарная стена, облегчённая двухъярусной трёхпролётной

* Прилуцкий Д.Ф. Историческое описание Городецкого Адраамиевого монастыря в Костромской губернии. СПб., 1861. (Çääñü è ääëää â Çäïëñêä – iðèi. àâðîðà.)

** При обследовании внутренней, со стороны чердачка, поверхности закомар (ставших ложными и защищёнными с устройством сомкнутого свода над четвериком) рубленая поверхность отмечена на восточной закомаре. См. прилагаемую реконструкцию первоначального вида храма, составленную с учётом натурных следов и ближайшего аналога – Успенского собора Паисиева монастыря в г. Галиче, построенного вскоре после Покровского храма.

аркадой, двумя низкими арками, несущими восточную стену четверика, соединялась с внутренними стенами трёхчастной апсиды, отвечающими её входящим углам. Отрезки стен над этими арками, заключённые между восточной стеной четверика и предалтарной стеной, имели ещё один ярус сквозных арок, меньшего пролёта. По вертикали алтарная часть делилась на два яруса благодаря полатям по деревянным брусьям, устроенным в уровне основания второго яруса аркады в предалтарной стене. Сохранившиеся гнёзда от брусьев первоначального происхождения. Алтари перекрывались тремя конхами. Алтарное пространство четверика сообщалось с алтарём придела пологим арочным проёмом; но вскоре, благодаря закладке его со стороны четверика, он был обращён в аркосолий, здесь была установлена рака с мощами преподобного Авраамия. В паперть придела из четверика вёл портал. Второй портал с килевидным наличником находится напротив, в южной стене; третий, по-видимому, был в среднем прясле западного фасада. Алтарь освещался тремя узкими окнами, по одному в каждой из его трёх частей. В южной стене четверика, внизу, было два окна, подобных окнам алтаря – с двухсторонним рассветом, арочными перемычками, без наличников, по одному с каждой из сторон портала; окна второго света располагались на трёх сторонах четверика – три на южном, три на западном и одно на северном фасаде, в его крайнем к западу прясле. Эти окна двух типов – круглые по краям и повышенные, с арочной перемычкой, в центре фасадов и наличники в виде плоской широкой четырёхугольной рамки со стрельчатым фронтом. Над фронтонами и по сторонам их оснований размещались выпуклые ромбы, того же выноса, что и у наличников. Такие же ромбы украшают верхние части лопаток на фасадах четверика. В отличие от угловых лопаток, равнотироких по всей высоте, средние из них внизу сужаются посредством двух уступов с каждой из двух сторон. Карниз, раскрепованный под ними, довольно сложен, он включает в себя два яруса поребрика, разделённых гладкими поясами, и венчающую часть из ступенчатых кронштейнов, поддерживающих массивную полку из двух рядов кирпича. Закомары мягкого коробового очертания, близкие к полуокругу; средние закомары несколько шире угловых и имеют отличный от них профиль. Из пяти первоначальных глав сохранились две восточные. Они световые и обращены в алтарную часть четверика. Их круглые барабаны украшены плоскими аркатура-

ми со щелевидными окнами между пилasters. Карнизы напоминают карниз четверика, но на северо-восточной главе только один ряд поребрика. Аркатурой на ступенчатых кронштейнах обработана верхняя часть алтарных апсид, над нею располагается пояс таких же кронштейнов, поддерживающих венчающую полку, украшенную сухариками.

Входящие углы апсиды отмечены прямоугольного сечения массивными лопатками.

Здание имеет фундамент из средней величины валунов, уложенных насухо. Поверх их, но ниже земляной отметки, устроен выравнивающий слой из двух рядов грубо отёсанного белого камня на известковом растворе. Цоколь белокаменный, гладко отёсанный; состоит из нижнего ряда с круто наклоненной плоскостью и полуводла между двумя палатками. Поверх полуводла идёт один ряд белого камня, выше кладка кирпичная. Размер кирпича четверика и апсиды 29(30) x 14(15) x 8.

Архивные и прочие источники умалчивают о строителях Покровского храма. Однако сравнение его с известными атрибутированными постройками того времени, с какой-то степенью вероятности, позволяют назвать в качестве строителя его солигалического мастера В.Д. Зубова, построившего в 1642 г. Духовскую церковь в Рязани. Вскоре после Покровского собора, рядом с ним, была построена каменная трёхшатровая церковь, чрезвычайно близкая рязанской. Пристрастие к шатровым композициям (в Покровской соборе – шатры над Ильинским приделом), такие особенности, как применение кирпичных ромбов в декорировании фасадов может быть свидетельством общности авторского почерка, проявившегося в этих столь удалённых друг от друга постройках.

Как сказано выше, четверик первоначально был лишен трапезной, и его западная сторона оставалась открытой. Об этом свидетельствует совершенно *не тронутый* характер поверхности угловой, северной лопатки на западном фасаде, по всей её высоте. Впоследствии, когда трапезная была сделана, она была просто приложена к четверику без перевязки с её стенами. Стёска на внутреннем крае северной угловой лопатки западного фасада, в её нижней части, произведена именно в это время; остаток *стуковой* тяги наверху стёсанной части лопатки принадлежит к внутреннему карнизу трапезной.

В то же время северный край этой же лопатки, её нижняя часть, уширена влево и раньше непосредственно переходила в какой-то невысокий объём, стоявший у северо-западно-

го угла храма, сделанный одновременно с ним – по-видимому, в паперть Ильинского придела. Сейчас северная сторона угловой лопатки в этом месте стёсана.

Вот что говорится о Покровском соборе в «Материалах по истории Костромской епархии» (выпуск 1, 1895 г.): «1701 год ноября 4 в Авраамиеве Городецком монастыре соборная церковь во имя Покрова Пресвятая Богородицы каменная о 5 главах, средняя глава обита белым немецким железом, а 4 главы окожучены лемехами деревянными» (стр. 111); «у соборной церкви прикладен придел во имя св. пророка Илии каменной об одной главе шатровой» (стр. 112); «у соборной церкви и придела прикладена паперть каменная» (стр. 112); «у соборной церкви над папертю колокольня каменная шатровая об одной главе, на той колокольне 6 колоколов... а седьмой колокол взят к Москве на пушечной двор» (стр. 112). В 1765 г. собор выглядел несколько иначе: «<...> при ней придел по левую сторону с трапезою во имя Пророка Илии, под трапезою погреб каменной, а над трапезою колокольня <...>» (там же, стр. 117). Речь идёт, вероятно, о той одностолпной трапезнай, возникшей на месте старой паперти у северо-западного угла четверика и зафиксированной на монастырском плане 30-х годов XIX века и рисунке К.А. Красовского, выполненнном в 1849 г.*

Где-то во второй половине XVIII в. был перестроен шатёр над приделом, получивший после этого вид восьмигранной ротонды под барочно выгнутым куполом и главкой, и переделаны окна второго света в четверике. Они были расширены и приобрели вид арочных проёмов, утопленных в прямоугольную нишу. Остались нетронутыми лишь восточное окно на южном фасаде и западное – на северном. Вскоре у западной стены была приложена трапезная, её трёхскатная кровля закрыла основания окон верхнего света, и они были заложены. Окна алтарной апсиды четверика, судя по форме их, растёсаны позднее, в начале XIX в.

Но главное, что произошло с Покровским собором, было полное изменение его системы перекрытия, связанное с уничтожением двух внут-

* План Авраамиева Городецкого монастыря, хранящийся в краеведческом музее г. Чухломы.

Гравированный рисунок К.А. Красовского с видом монастыря с северо-запада содержится в статье С. В. Максимова «Авраамиев Городецкий монастырь в г. Чухломе», опубликованной в журнале «Живописный сборник», № 1-2, СПб., 1858 г., стр. 22-25.

ренних столбов, и замена системы крестовых сводов большим сомкнутым *.

Три древние главы – средняя и две западных, прежде выходящих в четверик, – были заменены новыми; новые западные главы, ставшие глухими, сместились к самой кромке четверика. Их декор, соответствующий новому времени, отличен от декора первоначальных глав. Внутри, в основании сомкнутого, оштукатуренного свода, был сделан штукатурный, с сухариками, карниз.

В начале второй половины того же века, взамен старого, по-видимому тяблового, устроен новый иконостас, в стиле барокко.

О дальнейшей судьбе храма говорится в работе Д.Ф. Прилуцкого «Историческое описание Авраамиева Городецкого монастыря в Костромской губернии» (СПб., 1861): «В 1814 г. перекрыт Покровский собор листовым железом, в 1816 г. вместо деревянного пола <...> сделан чугунный». Далее сообщается, что в 1848 г., «за ветхостью», сломана древняя каменная колокольня над приделом, а в 1857 г. и сам придел, а на его месте, по Высочайше утверждённому в 1851 г. плану, строится новый каменный трёхпрестольный храм во имя Умиления Божией Матери, преподобных Авраамия и Сергия Радонежского. Этот храм, нововский по духу, совершенно подавил древний Покровский собор, который с тех пор выглядит как скромный придел при нём.

Тогда же на четверике Покровского собора была повышена кровля, повторив в общем куполообразное очертание предшествовавшей. (Кружала этой ранней кровли сохранились под поздней, с северной стороны здания, обращённой к новому собору, откуда к ней был сделан скат).

После упразднения в 1929 г. монастыря храм постигла общая судьба церковных зданий. Была сломана трапезная, выломан иконостас, а в четверике устроено тракторное депо. Арки в нижней части западной стены, пробитые ещё в XVIII

* Время этой переделки неизвестно, но, скорее всего, это было начало второй половины XVIII в. И освобождение от столбов интерьера, расширение верхних окон, устройство пышного иконостаса представляются актом единой творческой воли. Другой версией в датировании существующего над четвериком свода и венчающих его трёх глав – средней и двух западных – может быть предположение о появлении их в 40-е годы XIX в., одновременно с постройкой монастырской гостиницы (в основном разобрана в 60-х годах XX в.). Бросается в глаза сходство в обрамлении крайних окон на продольном фасаде гостиницы и окон средней главы Покровского храма. Для проверки этой гипотезы необходимо сравнение кирпича и раствора в обоих зданиях, что возможно лишь при устройстве лесов у храма.

в., были растёсаны для увеличения ширины проезда. По стенам пошли трещины. Наконец, в начале 60-х годов была насильственно обрушена вся западная стена четверика; при этом упало западное прясло южной стены, часть сомкнутого свода и юго-западная глава. Разрушены конхи над апсидами, стены её в глубоких трещинах. Сквозная трещина прошла вверх по восточному пряслу южной стены четверика. Покровский храм накануне своей гибели.

Обмер и предварительное исследование памятника произведены в сентябре 1970 г. Костромской специальной научно-реставрационной производственной мастерской. Вслед за этим составлен проект неотложных консервационно-восстановительных работ.

В силу катастрофического характера разрушений, для поддержания сводов неизбежно приходится возводить заново всю западную и часть южной стены четверика. При воссоздании окон в этих стенах, стоя перед дилеммой, какого времени восстанавливать окна, мы естественно склоняемся к первоначальной эпохе, тем более что формы этих древних окон ясны. Таким образом, консервационные работы могут и должны, как нам кажется, сопровождаться реставрационными. Исходя из этих соображений, составлен предлагаемый проект.

Ввиду невозможности восстановить первоначальный вид четверика в его полном объёме и отрешиться от перекрытия и глав XVIII в., мы избрали компромиссный путь, попытавшись в проекте применить четверик в его первозданном виде, с завершением XVII - XVIII вв. (ибо две восточные главы всё же XVII в.). Правда, древние окна второго света были уничтожены при переделке верха и в предлагаемом проекте в сочетании никогда не существовали. Но нарушение исторической истины с лихвой окупается возрождением в первоначальном виде основных частей здания - четверика с его уникальными окнами.

Исходные данные для составления проекта в утраченных элементах фасада следующие.

Нижнее окно на южном фасаде, в его западном прясле, сделано на основе сохранившегося бокового откоса - по аналогии с целым окном, избегнувшим переделки, в восточном прясле. На западном фасаде нижних окон нет, функционально и композиционно они были бы лишними. Из верхних окон четверика нетронутым и доступным исследованию осталось одно - в восточном прясле южного фасада, с круглым отверстием и наличником в виде плоской пря-

моугольной рамки, её стрельчатым фронтоном, с ромбами по сторонам его основания и двумя ромбами над ним. В других местах окна растёсаны; но в западном прясле того же фасада сохранилась боковая часть такого же наличника и венчающие его ромбы; они позволяют утверждать, что боковые окна были одинаковы. От среднего окна, над южным порталом, сохранились венчающие и боковые ромбы, фиксирующие основание фронтона. В отличие от боковых окон последние несколько подняты; предполагая, что подоконники всех окон имели общий уровень, получаем арочный проём с наличником того же типа, но уменьшенной высотой фронтона. Такую же картину имеем на западном фасаде, ныне почти уничтоженном, но зафиксированном на фотографии 1949 г. - круглые боковые окна и арочное среднее.

Портал западного фасада сделан по аналогии с южным, ибо находился в одинаковых с ним условиях восприятия.

По аналогии с нижними окнами четверика запроектированы окна алтарной части.

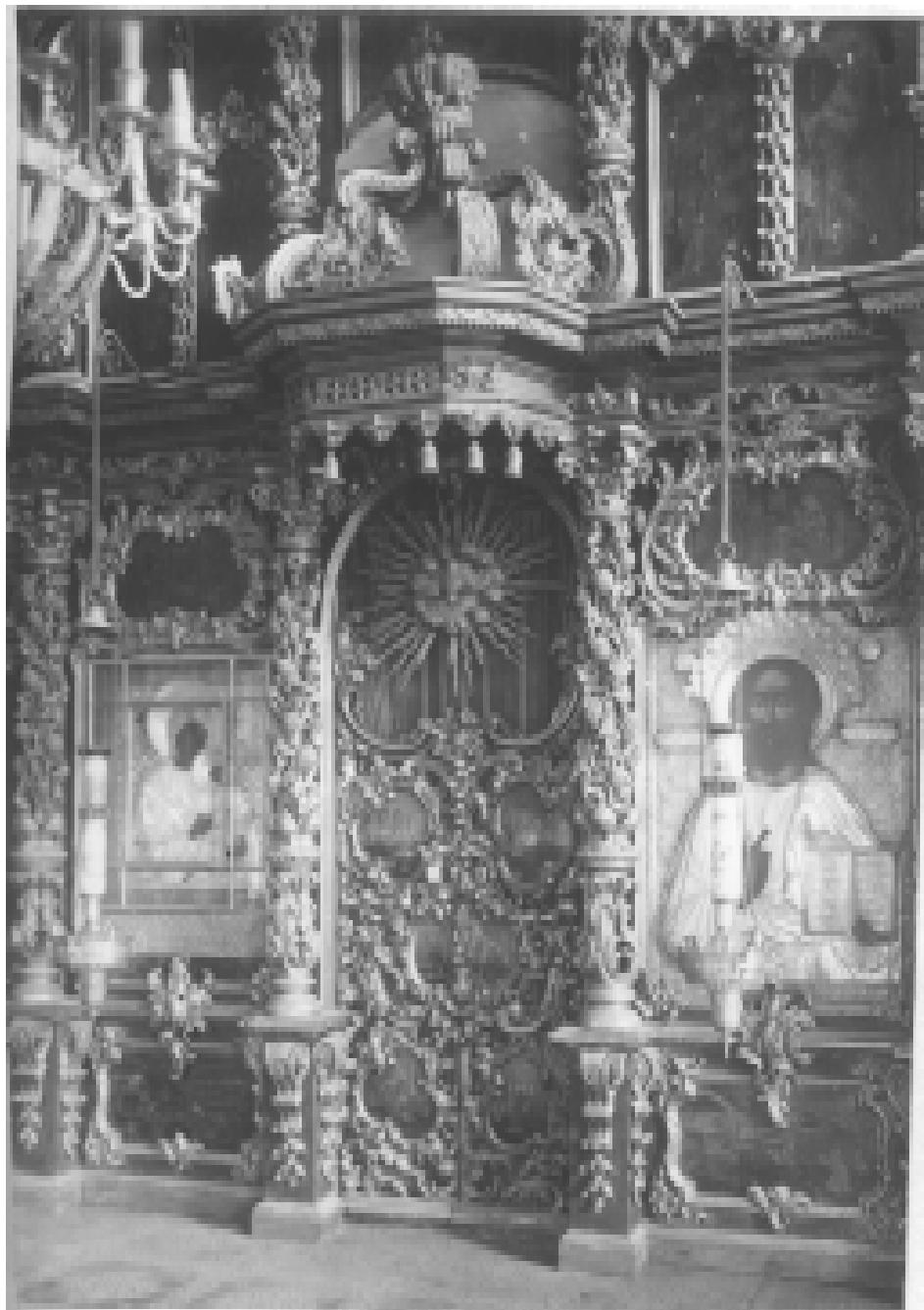
Проект представлен в двух вариантах: с кровлей на начало XIX в. - в виде купола и округлым покрытием апсид - и тесовой кровлей, над четвериком и алтарями. О том, что первоначально кровли, по крайней мере, над апсидами, были тесовыми, свидетельствуют гнёзда от брёвен в пазухах конх на восточном фасаде четверика.

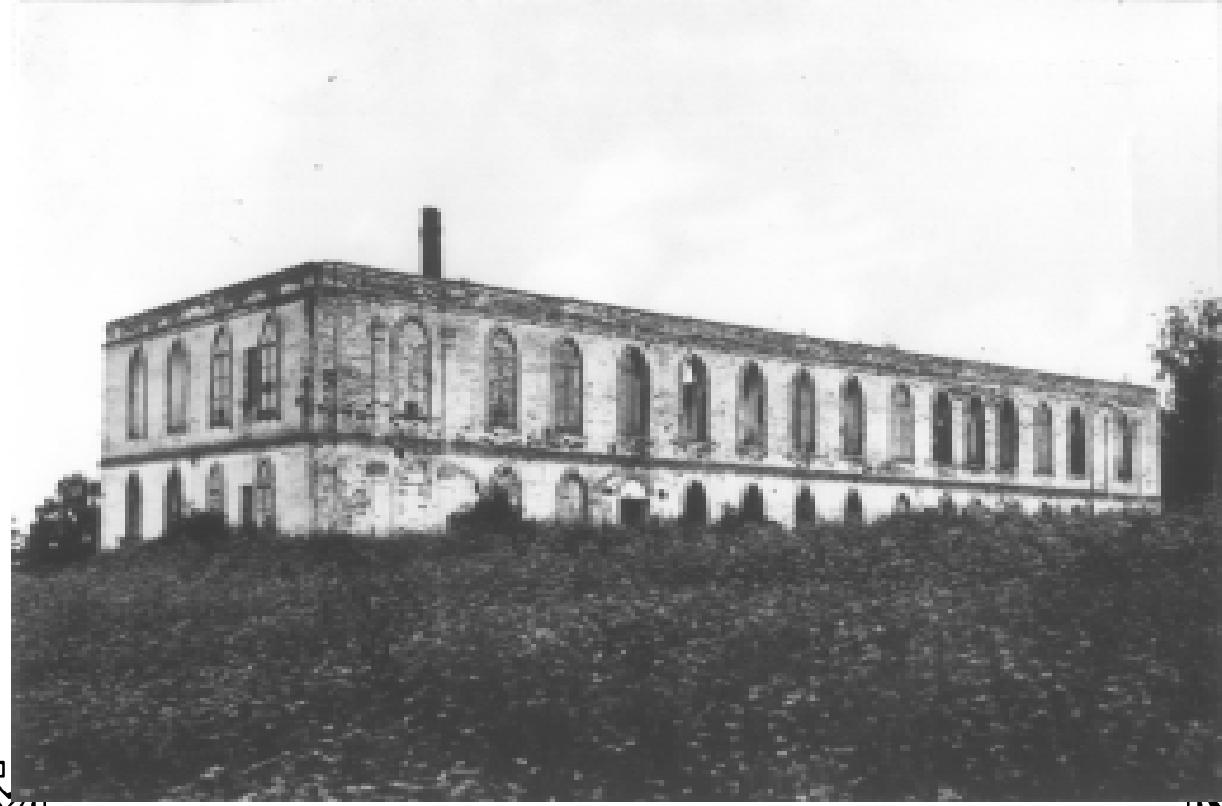
Утраченная юго-западная глава четверика воссоздается по аналогии с сохранившейся северо-западной, с привлечением фотографий; утраченные кресты - по аналогии с сохранившимся на юго-восточной главе. Формы маковиц, по-видимому не менявшиеся с XVIII в., предлагаем сохранить.

Внутри собора восстанавливается проём в начале внутристенной лестницы (пролом в соседнюю церковь заделывается), частично раскрывается заложенное окно над ним. Восстанавливается и заделывается арка в северной стене алтарной части, восстанавливаются арки, соединяющие между собой три части алтарного помещения, железные связи в оснований сомкнутого свода, конхи под алтарями, заделываются трещины в стенах с предварительным укреплением фундаментов под ними. Воссоздаются «полати» внутри алтарной части, со всходом по деревянной лестнице, штукатурка свода над четвериком и карниз в его основании. Полы запроектированы деревянные, исторически существовавшие. Предлагаем раскрыть двухъярусную аркаду предалтарной стены, предварительно сделав распа-

лубку над средней аркой в основании сомкнутого свода над четвериком. Восстановливается арочная перемычка в портале южной стены. Должны быть восстановлены подпорные стены у южного и восточного фасадов.

Готовые фасады белятся известью. Решётки окрашиваются свинцовыми суриком, железные кровли и маковицы глав – медянкой, кресты глав – золотистой охрой (в идеальном варианте кресты золотятся).

22. Чухлома. Авраамиево-Городецкий монастырь

АНСАМБЛЬ НИКОЛЬСКОГО СТАРОТОРЖСКОГО МОНАСТЫРЯ В ГАЛИЧЕ

Вот как пишется о местоположении и времени основания монастыря в одной из работ, изданных в начале XX в.: «Староторжский Николаевский женский монастырь расположен на северо-восточной окраине города Галича, вблизи так называемого «Городища» – участка городской земли, некогда занятого старым городом, земляные валы которого сохраняются до настоящего времени. «Староторжским» монастырь называется по своему местоположению, так как в старину здесь был торг, т.е. торговая площадь. Без сомнения, это было в то время, когда центром Галича было упоминаемое выше «Городище» с возвышающейся над этой местностью горой «Столбище» и Княжеским на этой горе дворцом. После сожжения древнего Галича (около половины XV в.) дворец, крепость и собор были перенесены на новое место. Вместе с этим перемещением главной части города переместился и торг, ближе к центру нового города, а старый торг стал уже окраиной города. Ею и воспользовался основатель монастыря для устроения на ней монастырских зданий.

Время основания монастыря, вероятно, относится ко второй половине XV столетия, когда устраивались в новосозидающем Галиче церкви и монастыри. Предположение это находит своё подтверждение в местном предании, считающем основателем монастыря преподобного Иакова, ученика, сродника и современника преподобного Паисия Галичского, умершего в конце XV в.*

Топографически Староторжский монастырь занимает трапециевидный в плане участок, се-

Пояснительная записка к проекту восстановления ансамбля Никольского Староторжского монастыря в Галиче. Текст датирован 2004 г. // Архив автора. Публикуется впервые. (*Іðèї. ðåä.*)

* Орлов В. Галичский Староторжский Николаевский женский монастырь. Москва, 1913, с. 8. (*Ҫääñü è äàëää â Çäïëñéâ – ïðèї. àâòîðà.*)

верной стороной обращённый к озеру, южной – к крутыму склону Балчуга, восточной – к пустующему ныне пространству Городища (месту древнейшего посада Галича). Далее, к востоку, идёт прибрежная Рыбная слобода, вдоль Пробойной улицы (современные улицы Лермонтова и Калинина). Отрезок Нагорной улицы, к югу от монастыря, отделяет монастырское (а в дальнейшем – общегородское) кладбище, поднимающееся ярусами по склону Балчуга. Внизу, по лицу Нагорной, некогда стояла купольная церковь Бориса и Глеба с гробницей преподобного Иакова, основателя обители.

Не вдаваясь в детальное описание монастырских построек периода XVII - XVIII вв., отметим лишь четыре храма, принадлежавшие ему во второй половине XVIII в.: 1) Никольский и при нём колокольня, 2) Святого апостола первомученика и архидиакона Стефана, 3) Святых мучеников Бориса и Глеба и 4) Богоявления Господня. Как и монастырская ограда, все они были деревянными. Деревянными были жилые и хозяйственные строения.

Перестройка монастыря в каменный была начата в 1824 г., когда на месте деревянной Борисоглебской церкви (месте погребения преподобного Иакова), разобранной ещё в 1770 г., был воздвигнут каменный купольный храм на высоком подклете. Скромный в размерах новый храм стал одним из лучших памятников Галича эпохи классицизма. Автор его неизвестен.

Каменная ограда монастыря, ограждающая его с южной, северной и западной сторон, сделана в 1820-х годах, как и все последующие каменные строения, из своего, монастырского кирпича, изготовленного монахинями на устроенном в эти годы кирпичном заводе. Архитектура её вполне оригинальна: восточная сторона фланкирована круглыми башенками; в южной ча-

сти, напротив Борисоглебской церкви, устроены ворота; северные ворота размещены в основании монастырской колокольни.

Весь фронт западного фасада монастыря занимает каменный двухэтажный корпус. Он построен в 1820-е годы и прежде, по фасаду, был украшен шестиколонным тосканским портиком с фронтоном. В советские годы, когда здесь разместили педагогическое училище, портик срубыли, фасады переделали – и величавое здание получило вид убогой казармы.

Троицкий собор. Строительство его начато было в 1838 г., к осени 1857 г. собор был вчerne завершён и в 1858 г. освящён. Внутренняя отделка храма не была богатой: стены окрашены простой клеевой краской, по колоннам развесены написанные на полотне картины. В 90-е гг. XIX в. интерьер храма окрасили масляною краскою и расписали; позднее и иконостасы заменили новыми, впоследствии вызолоченными.

О художественной ценности последних по времени иконостасов даёт представление фотография из исторического описания Староторжского монастыря начала XX в.* Это помпезная эклектическая продукция завершающей стадии русского церковного искусства. Она ни в малейшей степени не соответствует строгому величию классического интерьера.

Пятиглавый храм имеет крестообразную форму, высокий подклет. Его западный фасад с монументальным тосканским портиком в шесть колонн открывается широкой лестницей, ведущей в обширный притвор-вестибюль, откуда через три стеклянные двери попадали в огромный церковный зал. Четыре опорные объединённые арками пилона несут купольный световой барабан. Боковые сводчатые приделы освещаются высокими окнами. Храм имел тесовые крашеные полы и, вероятно, калориферное отопление.

После закрытия в 1920-е годы Староторжского монастыря, изгнания монахинь и нового заселения жилых корпусов настала очередь и собора. В нём устроили электростанцию. За снятием крестов с соборных глав последовал снос глав боковых. Внутреннее убранство, естественно, исчезло. В алтаре северного придела поселилась семья одного из представителей обслуживающего персонала. И, наконец, северный, обращённый к

озеру фасад был украшен железной дымовой трубой – храм Божий стал и котельной для соседних строений.

Первые, робкие попытки возрождение Троицкого собора были предприняты в начале 1990-х годов, когда по благословению архиепископа Костромского и Галичского Александра, попечением протоиерея о. Александра Шастина были восстановлены 4 боковые главы по углам центрального купола. Храм вернул свой силуэт, и это преобразило всю панораму Галича. Были восстановлены все пять маковок и венчающие их кресты. Проект выполнил городской архитектор Галича (увы, умерший) Сергей Николаевич Дровенков. Кладку глав, кровельные работы произвели И.М. Шастин и Г.М. Шастин.

Подготавливается проект поэтапного восстановления всего монастырского комплекса.

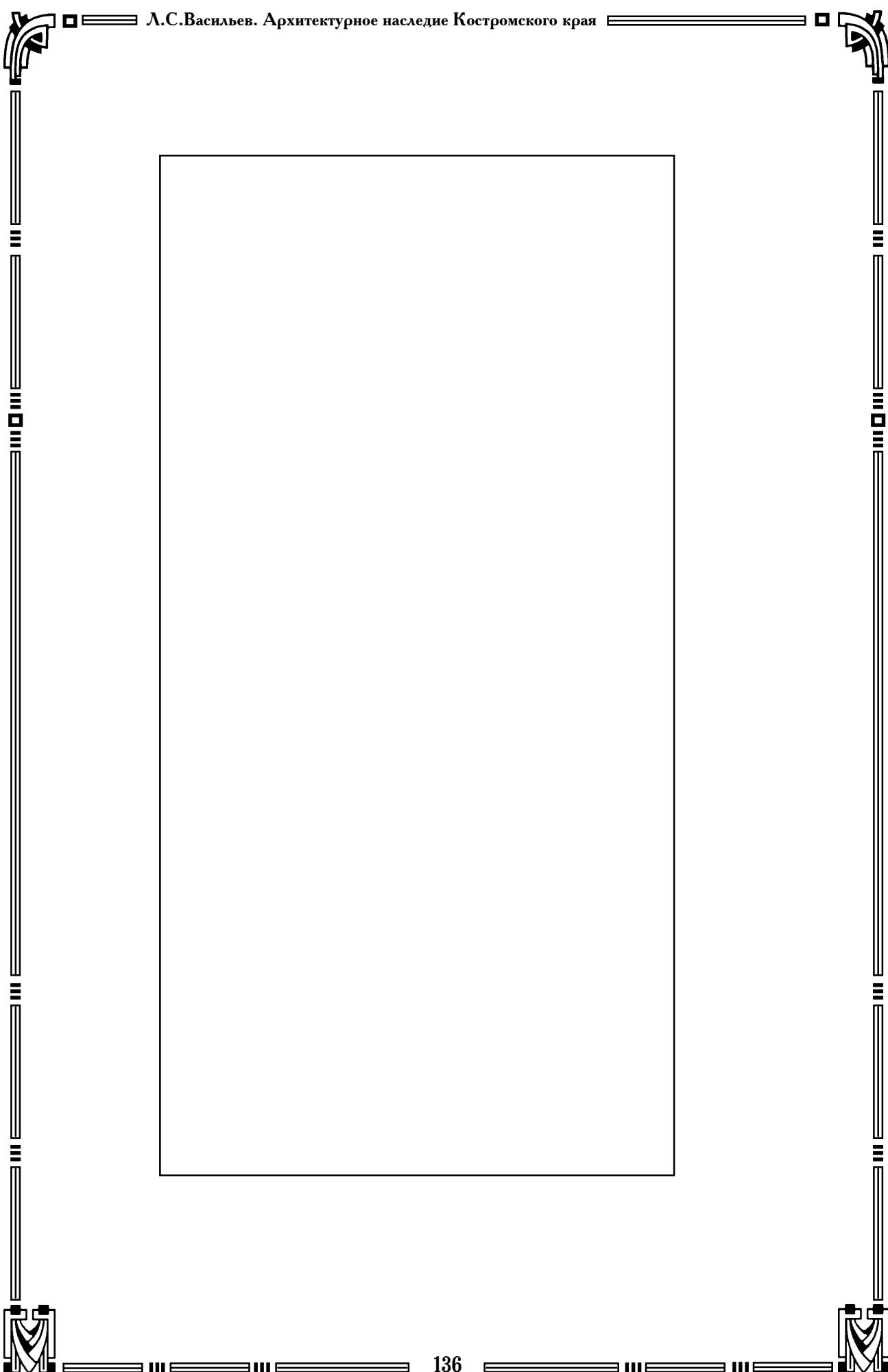
Колокольня. Монастырскую колокольню предполагалось возвести над восточными вратами ограды, напротив кладбища. Но слабость грунта не позволила этого сделать. Колокольня устроена в 1894 г. над воротами в северо-западной части ограды – по плану, приближённому к плану колокольни костромского Богоявленско-Анастасиина монастыря. При разорении монастыря в 1930-е годы она была разрушена, но сохранилось основание с воротами и ряд снимков начала XX в., позволяющих её реконструировать.

Оценивая колокольню, даже по фотографиям, наглядно убеждаешься в стремительном упадке русского церковного зодчества к концу XIX в. Нижний ярус колокольни с величавой аркой ворот, с парными апсидами со стороны монастырского двора хотя и не лишены налета эклектизма, но оригинальны и художественны. Напротив, венчающая здание восьмигранная шатровая колокольня выглядит курьёзным, беспомощным повторением костромского прототипа.

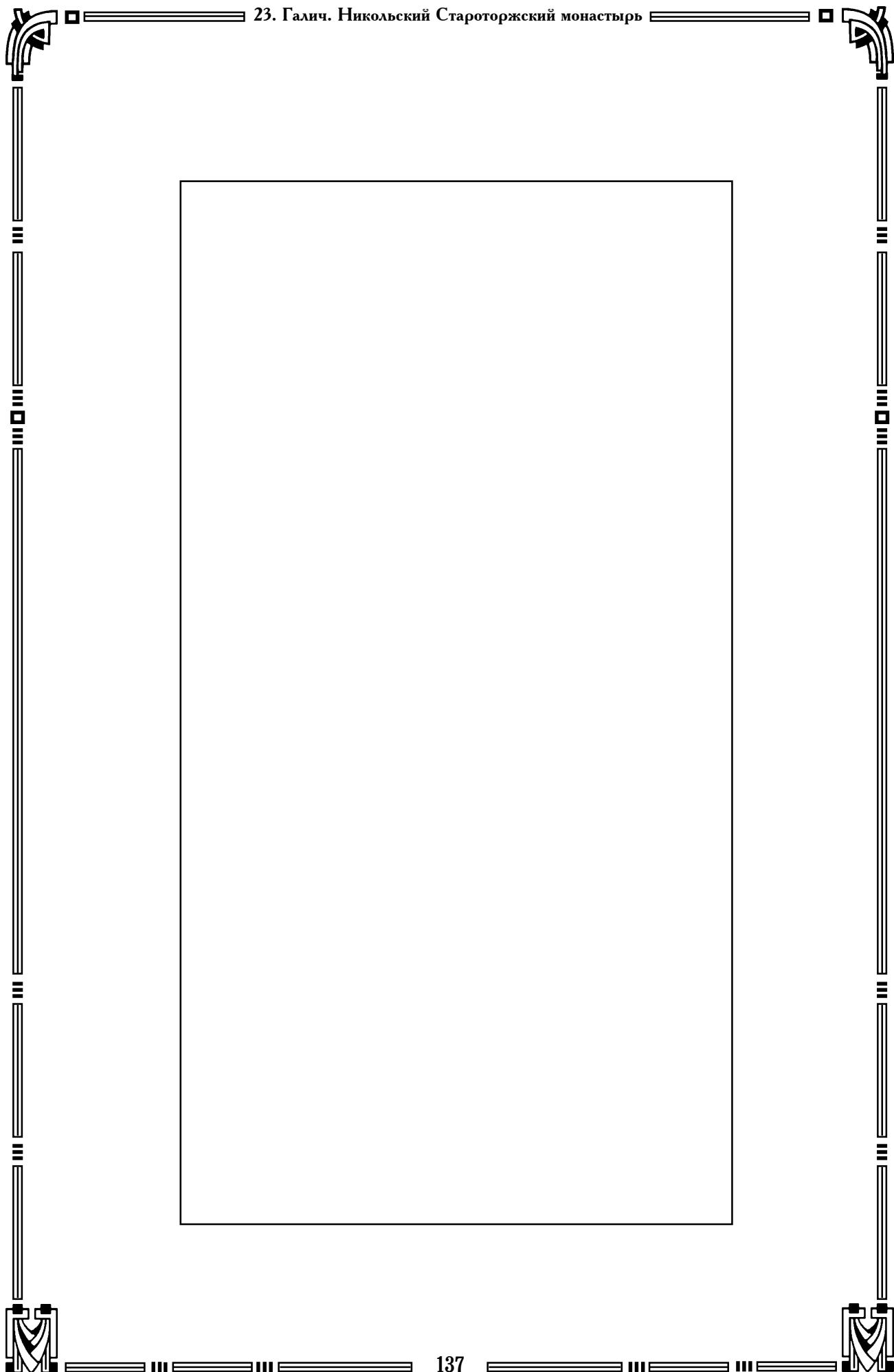
Впрочем, справедливость требует отметить, что и в это, отнюдь не благодатное для зодчества время некая преемственность ещё соблюдалась: высота колокольни равнялась двадцати саженьям (43 м) – как и колокольни церкви Василия Великого в Рыбной слободе, как и Богоявленской шатровой колокольни у Торговой площади (обе XVIII в.).

Проект восстановления колокольни Староторжского монастыря подготовлен.

* Указ соч.

23. Галич. Никольский Староторжский монастырь

НИКОЛЬСКАЯ ЧАСОВНЯ СТАРОТОРЖСКОГО МОНАСТЫРЯ НА ГЛАВНОЙ ПЛОЩАДИ ГАЛИЧА

Каменная купольная ротонда Никольской часовни, разрушенная в 30-е гг. XX в., являлась неотъемлемой частью торгового центра Галича. Документальных свидетельств об авторстве этого здания не сохранилось, но сопоставление ряда сведений позволяет предположить следующее.

Как известно, костромской губернский архитектор Николай Иванович Метлин, немало сделавший для Костромы (обстройка Молочной горы, Пряничные и Масляные ряды, здание Присутственных мест – образцовый проект Адриана Дмитриевича Захарова, реконструкция архиерейского дома в Ипатии), много строил и в уездных городах губернии.

В 1819 г. ему привелось строить Табачные ряды в Костроме по проекту петербургского зодчего В.П. Стасова, составленного ещё в 1812 г. Красота и необычность стасовского проекта произвела в те времена впечатление, и, получив заказ на постройку в Галиче Верхних торговых рядов, Н.И. Метлин воспользовался архитектурным приёмом Стасова и, составил соответствующий проект комплекса зданий (осуществлён не полностью).

В 1822 г. Н.И. Метлин умирает, не завершив начатое. Унаследовавший его должность, вновь назначенный губернский архитектор П.И. Фурсов (вскоре – автор каланчи и гауптвахты в Костроме) завершает строительство галичских рядов.

В 1825 г., после сноса ветхих деревянных рядов, стоявших к западу от каменных Верхних, от губернатора К.И. Баумгартина поступило разрешение на строительство на площади каменной Никольской часовни. Прежде стоявшая здесь де-

ревянная часовня, видом своим не соответствовавшая новой классической обстройке площади, была разобрана, уступив место монументальной купольной ротонде с двенадцатью тосканскими колоннами по фасаду. Стилистически увязанная с Верхними рядами, она органично завершила классический ансамбль главной площади древнего Галича.

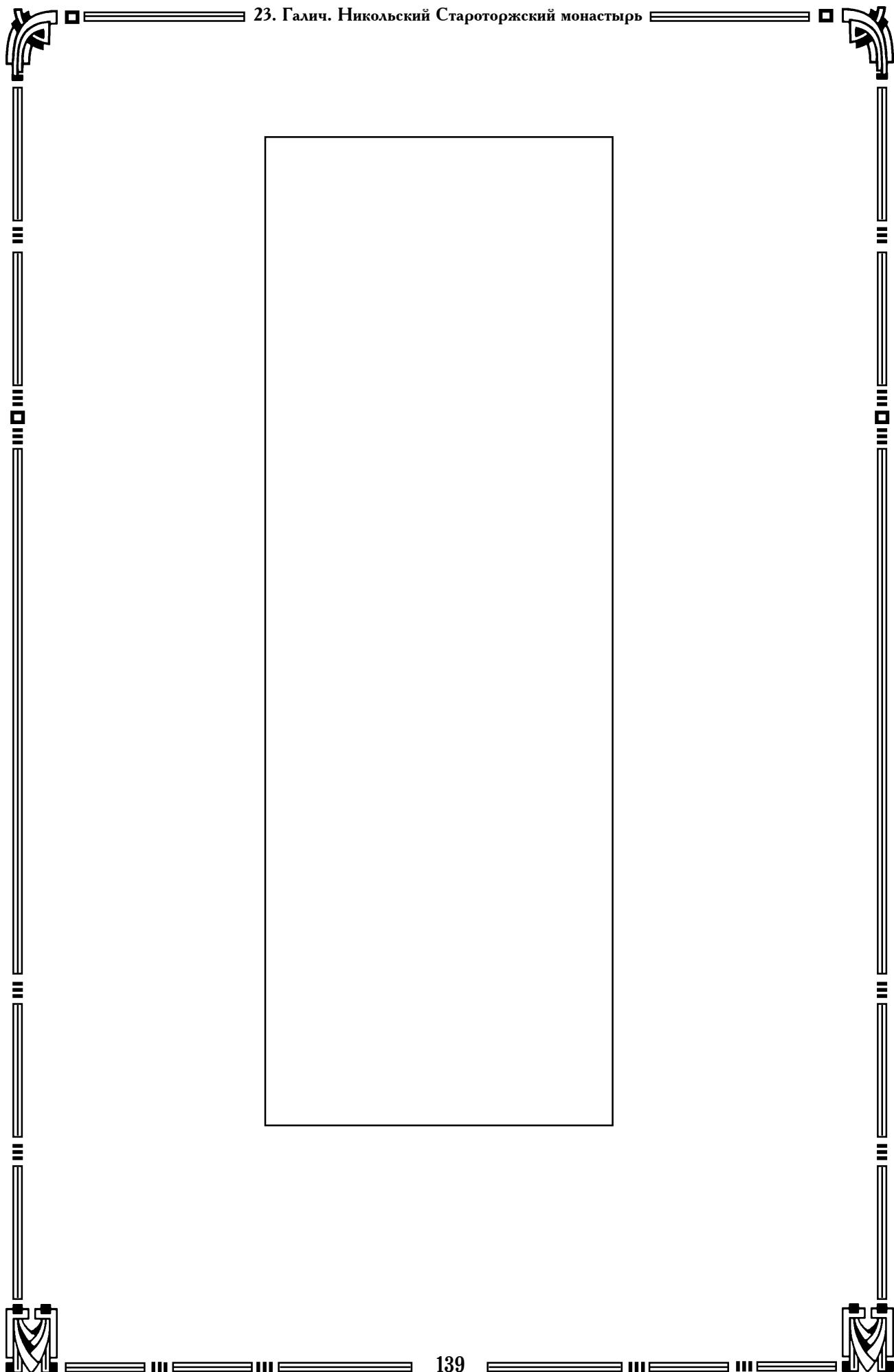
Кто мог быть автором этого уникального здания? Прикидывая варианты ответа, невольно останавливаешься на имени П.И. Фурсова, уже прославленного и пользовавшегося в те годы особым покровительством в высших сферах губернской власти. В то время он довершал строительство Верхних рядов, и принадлежность ему проекта часовни, стоящей рядом, вполне допустима.

Полагаем излишним распространяться о её художественном и идеальном значении в ансамбле галичского центра, об уроне, нанесённом городу её сносом. Восстановление Никольской часовни – вопрос чести древнего Галича, некогда одного из художественных центров Костромского края. В особенности, принимая во внимание грядущий 850-ти летний юбилей города.

Предлагаемый проект воссоздания Никольской часовни выполнен на основе анализа достаточно чётких фотографий начала XX в. Она стояла на правом берегу речки Кешмы – ниже заключённой в трубу, – неподалёку от гостиницы Гримова, примерно по оси современного кинотеатра. При составлении проекта последовательно применён метод использования старых русских мер, общепринятый в России XIX в.

Пояснительная записка к проекту восстановления Никольской часовни Староторжского монастыря на главной площади Галича. Текст датирован 2000 г.
// Архив автора. Публикуется впервые. (Ю.Ю. Ю.Ю.)

23. Галич. Никольский Староторжский монастырь

ЦЕРКОВЬ ВАСИЛИЯ ВЕЛИКОГО В РЫБНОЙ СЛОБОДЕ ГАЛИЧА

Из четырёх каменных храмов, некогда украшавших Рыбную слободу Галича (Богоотцовский, Параскевы Пятницы, Василия Великого и Введения во храм Пресвятой Богородицы) в относительной степени уцелели лишь два последних. Два первых храма бесследно исчезли и известны лишь по фотографиям.

Храмы Василия Великого и Введенский в прошлом входили в состав Васильевского монастыря, упразднённого, вероятно, в начале XVIII в. Не сохранилось ни монастырских построек, ни ограды, неизвестны границы его территории. Знаменательный факт: в отличие от всех галичских храмов, на начало XX в. оба храма не имели никакого ограждения, даже деревянного.

Прежде соборный, храм Василия Великого освящён в 1768 г. Построен по традиционной схеме: двусветный пятиглавый четверик с гранёной алтарной апсидой, трапезная с северным приделом и шатровая колокольня – поставленные на одной оси. Подобно многим храмам Галича второй половины XVIII в., он соединяет в себе архитектурные приёмы допетровской эпохи и последующих архитектурных течений, в частности, плоскостного барокко в наличниках окон второго яруса колокольни.

Необычна колокольня – с двухъярусным четвериком в основании, третьим восьмигранным глухим ярусом, переходящим в ярус звона и далее – в стройный шатёр и луковичную маковку с крестом. Её основание в плане не квадрат, но прямогольник, вытянутый в направлении восток – запад. Вследствие этого её боковой силуэт уши-

рен по отношению к фронтальному. Последний же, благодаря этому, получил необычайную стройность.

В 1930-е годы, во времена атеистических погромов, Васильевский храм был обезглавлен, до середины второго яруса была разрушена колокольня, высокий четверик железобетонным перекрытием разделён на два яруса. При этом погибло внутреннее убранство, включая величественный иконостас. Храм превратили в рыбокоптильный цех. К западу и к северу от колокольни, несколько позже добавили силикатную пристройку. Каменная пристройка с внутренней лестницей сделана была у северной стены четверика. Первый этаж разделённого четверика и трапезнaya были использованы как морозильные камеры, в алтаре стояли компрессорные установки.

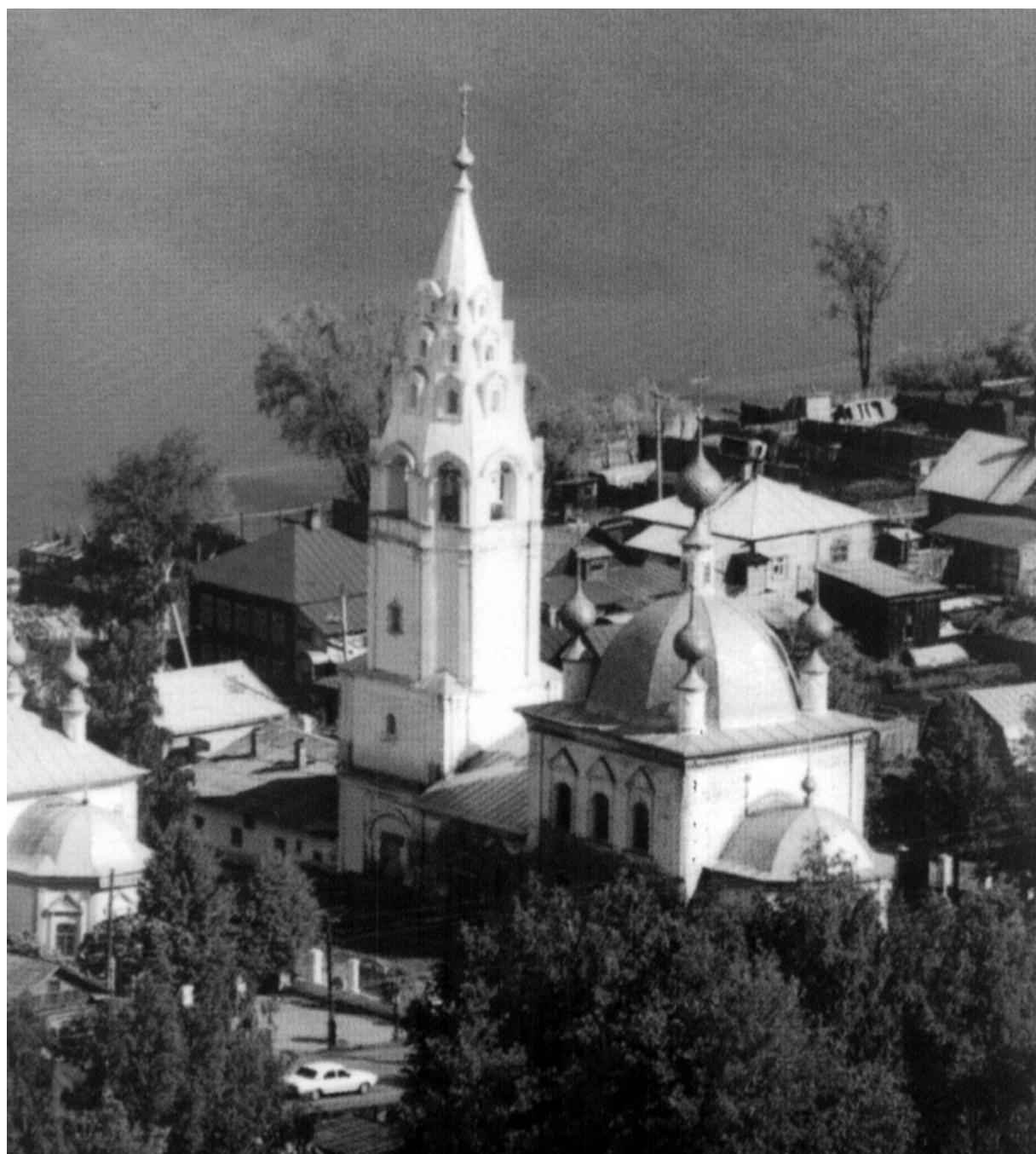
Работы по возрождению храма были начаты в 1990 г. В 1992 г. сделана ограда, в 1993 г. – восстановлено пятиглавие с кровлей четверика. В 1994 г. по благословению архиепископа Костромского и Галичского Александра попечением настоятеля протоиерея Александра Шастина и старосты храма Е.А. Барабановой по проекту автора этих строк* было начато восстановление колокольни. Каменные работы велись каменщиками А. Румянцевым, Е.А. Галибиным и И.М. Шастином. Завершены они были летом 1996 г.

Из двенадцати галичских колоколен, создававших силуэт города и начисто уничтоженных в советское время, колокольня церкви Василия Великого – первая, дождавшаяся восстановления.

Пояснительная записка к проекту восстановления церкви Василия Великого в Рыбной слободе Галича. Текст датирован 1995 г. // Архив автора. Публикуется впервые. (Їðèì. ðåä.)

* Проект выполнен 4-5 сентября 1995 г. (Їðèì. ðåä.)

24. Галич. Церковь Василия Великого в Рыбной слободе

БОГОЯВЛЕНСКАЯ И НИКОЛЬСКАЯ ЦЕРКВИ В ГАЛИЧЕ

К западу от второго корпуса Нижних торговых рядов галичского центра можно видеть то, что осталось от бывшего здесь некогда Богоявленского мужского монастыря. Время его основания неизвестно, и надо полагать, что изначально он был деревянным.

Дошедший до нас двухэтажный храм Богоявления, построенный в 1686-1689 гг., нынешний вид приобрёл в результате неоднократных переделок. Шатровая колокольня при нём, внешне напоминающая колокольню церкви Василия Великого в Рыбной слободе и имеющая ту же высоту (20 саженей), появилась позже, ориентированочно в 50 - 60 гг. XVIII в. – по времени, близкому строительству церкви Никольской, снесённой в числе других галичских храмов в конце 30-х гг. XX в.

Помимо храмовых зданий, в состав комплекса входила одноэтажная кирпичная богадельня (начало XIX в.), примыкавшие к ней монументальные арочные ворота и каменный одноэтажный служебный дом у северной границы церковного участка. Здание богадельни в 1930-е годы было расширено с одновременным сносом ворот, а затем надстроено вторым деревянным этажом; здесь разместились вначале горэлектросети, а в настоящее время – духовный центр епархии.

Храм Богоявления имеет два этажа. Первоначально в нижнем из них, состоящем из трапезной, четверика и пятигранной алтарной апсиды, размещалась собственно церковь. Второй этаж, имевший проёмы по всем четырем сторонам и самостоятельный вход с севера, использовался под ризницу. Впоследствии, очевидно еще в XVII в., к

Пояснительная записка к проекту восстановления Богоявленской и Никольской церквей в Галиче. Текст датирован 2004 г. // Архив автора. Публикуется впервые. (Іðèì. ðåä.)

востоку добавили алтарную апсиду, и верхний этаж был обращён в церковь. Оба этажа здания перекрыты сводами. Четверик второго яруса венчает компактное пятиглавие с луковичными маковицами.

Вход на ризницу – с северной стороны, по поздней деревянной лестнице. Первоначально она была каменной, со сводчатой галереей вдоль северного фасада трапезной.

К крупным переделкам Богоявленского храма надо отнести перекладку западной и северной стен трапезной, видимо, в первой половине XVIII в. При этом были ликвидированы северные окна трапезной и заложены два северных окна четверика. Несомненно, это совпало с надстройкой ризницы. Анализ старых фотографий приводит к заключению: в пределах четверика, ризницы (2-й этаж нынешнего четверика) существовал алтарь; таким же был алтарь в нижележащем храме. Существующая апсида добавлена позже. Храм был отапливаемым.

Таковы предварительные соображения по Богоявленскому храму. Они подлежат уточнению при последующих исследованиях.

Реставрация Богоявленского храма проводилась в начале 1980-х годов Костромской реставрационной мастерской (архитектор В.С. Шапошников). В ходе её были восстановлены пятиглавие и нижние окна, а также частично снят культурный слой.

Бессмысленной, вредной работой, проделанной в эти годы, следует признать устройство в нижнем этаже полов типа «брекчии» – из осколков мраморных плиток, уложенных по бетонной основе. Следствие этого – резкое повышение влажности стен.

Храм Никольский. Пожалуй, не меньше вопросов возникает при изучении храма Ни-

кольского – датируемого 1758 г., – до основания разрушенного в конце 30-х гг. XX в. Храм остался не обмеренным. Сохранилось несколько фрагментарных фотоснимков начала XX в. Они фиксируют его внешний вид и положение в ансамбле построек. Тем не менее, учитывая хорошо видимую порядовку кирпичной кладки, и общепринятые в те поры размеры кирпича, и, наконец, неизменную систему мер (аршины-сажени), удалось установить габариты исчезнувшего храма. Но прежде – о его композиции.

Неотапливаемый, предназначенный для служб в тёплое время года храм имел необычную композицию: его просторный, квадратный в плане двусветный четверик (1 x 1 сажени по внешнему контуру) не имел трапезной. С востока к нему примыкала обширная алтарная апсида, с запада – крыльцо-паперть. Перекрытый сводом с восьмигранным окном в шелыге четверик переходил в световой восьмерик (10 аршин по внешнему абрису), и выше шёл опять-таки световой восьмерик (4 аршина по силуэту). Далее над фигурной кровлей следовали восьмигранная шейка барабана, луковичная маковка и крест. Общая высота храма, вместе с крестом, равнялась 15 саженям или 32,4 м.

Стойности, изяществу его силуэта соответствует архитектурный декор. Всё говорит о высочайшей художественной культуре галичских мастеров – и зодчих, и исполнителей-каменщиков. Ошеломляющие роскошны фасады четверика. Изысканно-держанному оформлению нижнего яруса противостоит симфония карнизов, оконных наличников, фантастических пилasters, где традиционные спаренные ширинки на постаментах неожиданно переходят в своеобразные ликторские связки (фасции) времен Древнего Рима. Арки окон в обрамлении перспективных порталов с перебивающими профиля валиками фланкируются стройными полуколонками. И всё завершает резное очелье в духе Растрелли. Два четверика, венчаю-

щие храм, выполнены в стиле раннего екатерининского классицизма. Декор их прямоугольных окон строг и гармоничен.

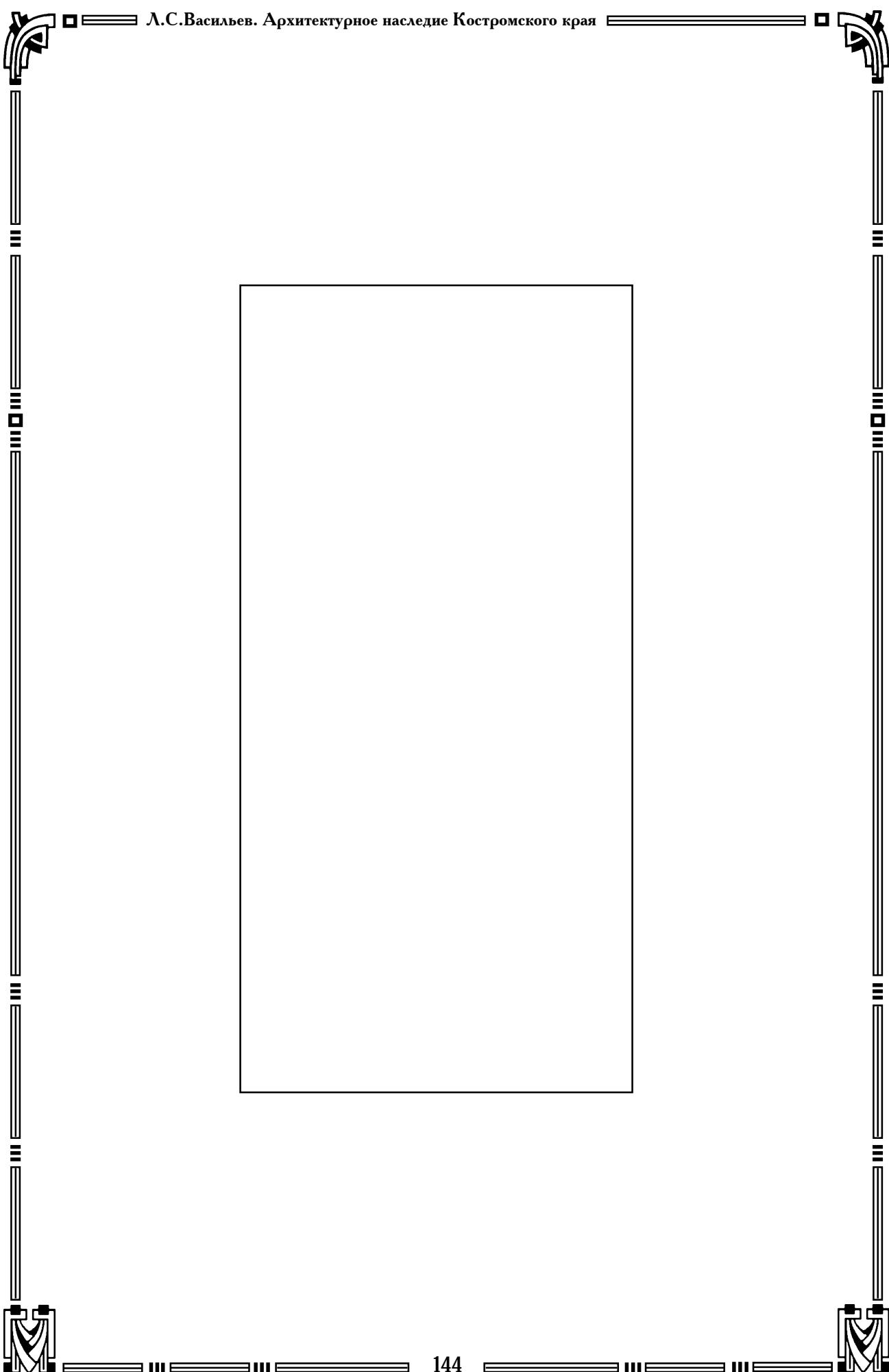
Давая общую оценку Никольскому храму, должно сказать: это был поистине уникальный памятник архитектурного искусства, и утрата его – потеря не только для Галича, но для всего русского искусства.

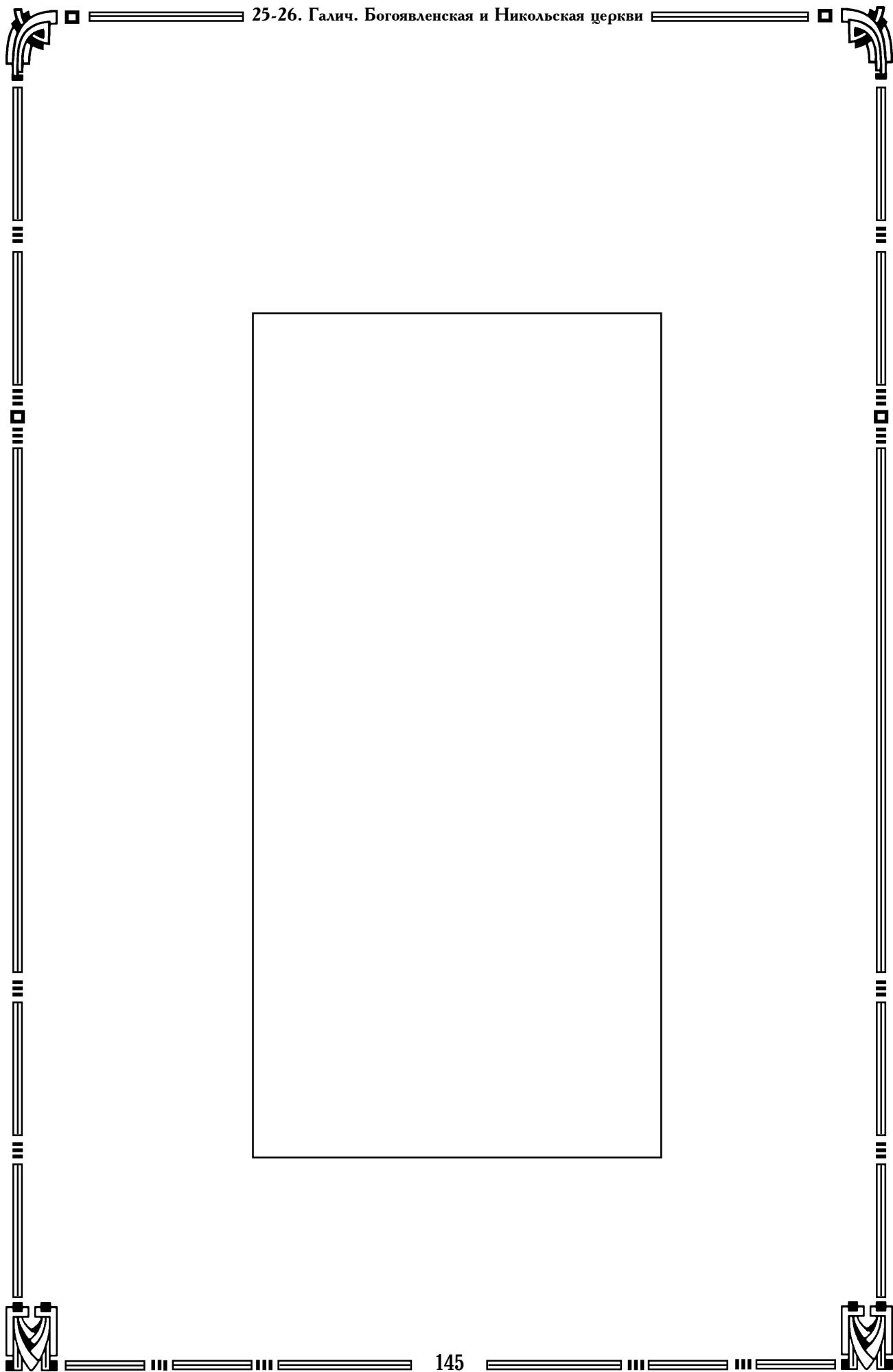
Колокольня. К западу от Богоявленского храма до 1941 г. стояла высокая шатровая колокольня – одна из доминант галичского центра. Равная по высоте (20 саженей) колокольне церкви Василия Великого, она была близка к ней общей композицией, набором вертикальных членений, характером силуэта. Колокольня не смыкалась с храмом и, будучи в плане равносторонней, не была прямоугольной. План её имел очертание ромба. Это выявилось при проведении в 2001 г. археологических раскопок*. К этому времени сохранилась кирпичная кладка основания (северо-западный угол был утрачен; на северо-восточном углу из глубины грунта поднимался гигантский гранитный валун, он предопределил высоту цоколя колокольни).

Итак, подобно колокольне церкви Василия Великого в Рыбной слободе, Богоявленская колокольня состояла из двухъярусного основания (но со скошенными углами), восьмигранного основания яруса звона (но равностороннего), яруса звона с равносторонними арками и стройного восьмигранного шатра с окнами слухов, расположенного в три яруса. Всё завершалась главкой с крестом.

При определении шкалы вертикальных отметок использовано соседство стоящего рядом Богоявленского храма, размеры которого известны, и чёткие фотографии галичского фотографа М. Смодора, выполненные в 1910 – 1920 гг. с разных точек и уровней (в том числе с колокольни не существующей ныне Вознесенской церкви, проект восстановления которой тоже подготовлен).

* Они велись под руководством московского археолога А.Г. Авдеева. (І ð è і. à â ò.)

МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК А.Н. ОСТРОВСКОГО «ЩЕЛЫКОВО»

Среди памятных мест России есть уголки, где оживают тени наших писателей. В их названиях, чисто русских по звучанию, мы находим нечто не отделимое от облика живших здесь людей.

Знакомясь с природой, с предметами, окружавшими их, мы глубже чувствуем их человеческое своеобразие, полнее проникаемся строем их мыслей. Таковы Михайловское А. С. Пушкина, Ясная Поляна Л. Н. Толстого, Спасское-Лутовиново И. С. Тургенева, таково Щелыково А.Н. Островского, 150-летие со дня рождения которого мы будем отмечать в 1973 г.

В Щелыкове жил и был похоронен отец Островского, Н.Ф. Островский, поэтому драматург всегда любил и дорожил этими местами. Ещё с юных лет пленило оно Островского своей природой – девственным лесом с тенистыми оврагами, вольным простором окрестных полей, небольшой речкой Куекшей, протекающей в глубокой долине. Щелыково было своеобразной отдушиной в хлопотливой и чрезвычайно напряженной жизни драматурга, насыщенной разного рода театральными и житейскими треволнениями. Ежегодно, начиная с 1868 г., А.Н. Островский проводил здесь летние месяцы. Здесь, в сельской глухи, появились его лучшие произведения: «Лес», «Беспряданница», «Последняя жертва», «Гроза». Щелыковом, бытом его крестьян, фольклорным материалом, собранным здесь, навеяна поэтичнейшая из русских пьес – «Снегурочка».

Достоверно известно, что прототипом Берендеевки было крохотное сельцо Бережки с Никольской церковью, расположенное в двух с половиной километрах к западу от усадьбы.

Печатается по тексту, опубликованному в сб. «Памятники Отечества». Кн. 1, М., 1972, с. 230–234. (Їðєї. аää.)

Около этой церкви, рядом с могилой отца, похоронен и А.Н. Островский.

История Щелыковской усадьбы начинается с конца XVIII в. Именно тогда Ф.М. Кутузовым был построен существующий и поныне усадебный двухэтажный деревянный дом, разбит парк, построена в 1792 г. каменная церковь в селе Бережки, с каменной оградой вокруг неё. В заросшем, одичавшем парке до сих пор сохранились остатки кирпичных колонн и парковых беседок.

В 1847 г. имение было куплено отцом драматурга Н.Ф. Островским. После его смерти Щелыково, оставленное по завещанию писателя, было выкуплено двумя братьями – А.Н. Островским и М.Н. Островским. Михаил Николаевич постоянно жил в Петербурге. Он был крупным правительственным чиновником и материально и морально поддерживал своего брата. В летние месяцы он гостили в Щелыкове, для него, по соседству со старым, был построен в 1871 г. новый одноэтажный с мезонином деревянный дом, получивший название дома Михаила Николаевича, или «гостевого»: в нём обычно останавливались многочисленные гости драматурга, здесь бывали Ф.А. Бурдин, Н.И. Музиль, М.П. Садовский, И.Ф. Горбунов и другие.

В одном из помещений «гостевого» дома были столярная мастерская и библиотека Александра Николаевича. После смерти писателя, в 1900 г., дом был сломан, его материал был использован для нового, так называемого «голубого дома», построенного в другой части парка для дочери Александра Николаевича – Марии Александровны Островской (в замужестве Шателен). Дом строился по её рисункам и существует поныне.

Нам известно о существовании в прошлом, но не дошедшем до нас, хозяйственных каменных служб, с двух сторон окружавших па-

радный двор перед главным домом, деревянной беседки «Тихий уголок», часто служившей писателю рабочим кабинетом, водяной мельницы на реке Куекше, надкладезной часовни в «Ярилиной долине», где исстари окрестные жители водили хороводы. Но, лишённые настоящего присмотра, они обветшали и развалились. В усадебном доме А.Н. Островского были выломаны изразцовые лежанки, исчезли фаянсовые вазы перед южным фасадом, разобраны на кирпич хозяйствственные постройки.

К счастью, в 1948 г. дом был передан Все-российскому театральному обществу и превращён в музей. В 1953 г. постановлением Совета Министров СССР был создан мемориальный Щелыковский заповедник. Помимо самой усадьбы, в него вошли смежные с Щелыковом деревня Лодыгино, село Бережки и часть окрестных лесов вдоль реки Куекши. С этого времени началось возрождение Щелыкова как огромного историко-литературного комплекса.

С 1963 г. Костромская специальная научно-реставрационная производственная мастерская приступила к работам по реставрации дома А.Н. Островского. Ещё при жизни вдовы писателя, в 1892 г., были переделаны его фасады, изменена их окраска. Реставраторам удалось воссоздать с помощью старых снимков утраченные формы наличников и крылец, восстановить первоначальный светло-серый цвет окраски фасадов, о котором говорится в воспоминаниях современников А.Н. Островского. В процессе реставрации были сменены повреждённые нижние венцы сруба, восстановлены исчезнувшие изразцовые лежанки. Работники Щелыковского музея разыскали образцы бывших бумажных обоев, собрали подлинную мебель дома Островского.

Подготовлен проект воссоздания «гостевого» дома. Предусматривается точное восстановление его внешнего вида.

На очереди – восстановление беседки «Тихий уголок» и мельницы на реке Куекше, хозяйственных служб перед усадебным домом*.

Одной из достопримечательностей села Бережки считается дом И.В. Соболева, столяра-краснодеревщика, выполнившего некоторые работы для писателя. Островский был с ним в приятельских

отношениях и часто навещал его, учил его детей грамоте. Впоследствии Соболев и его сын были похоронены рядом с Островским. Костромская СНПРМ, считая дом Соболева местом, связанным с памятью А.Н. Островского, решила восстановить его. Предполагается, что реставрация дома будет завершена в 1972 г. В нём разместится филиал Щелыковского музея.

Ведутся реставрационные работы в Никольской церкви. Интересно, что композиция её четверика – типична для Костромского края, но формы его выполнены в духе позднего римского барокко.

По преданиям, бытующим среди местных жителей, этот факт объясняется тем, что строивший церковь Ф.М. Кутузов приглашал для её отделки мастеров-итальянцев. И действительно, иконы иконостаса и остатки масляной живописи на стенах и сводах верхней церкви говорят о том, что они выполнены иностранными художниками. К сожалению, настенная живопись плохо сохранилась и сейчас забелена. В ближайшее время будет проведена полная реставрация всей церкви – фасадов и интерьеров. Современная церкви кирпичная ограда содержит черты той же переходной поры от барокко к классицизму. Интересны её ворота, особенно восточные, обращённые к сельцу Бережки. В последние годы ограда сильно обветшала, некоторые её части исчезли совсем. В 1971 г. по проекту, составленному Костромской специальной научно-реставрационной производственной мастерской, силами студенческого строительного отряда философского факультета МГУ ограда восстанавливается.

Крайне важно и восстановление тех высотных ориентиров, без которых невозможно представить окрестности Щелыкова времён А.Н. Островского. Это церкви в селе Угольском и в селе Покровском. Они стоят у самого въезда в усадьбу и в своем современном, обезображенном виде служат укором нам всем*.

Их следует незамедлительно взять на охрану, изыскать средства для приведения в порядок хотя бы их внешнего вида. Ведь помимо исторической, они обладают непреходящей художественной ценностью. Право, стоит гордиться этими памятниками народного искусства и сохранить их для последующих поколений.

* Мельница и хозяйственные службы до сих пор не восстановлены. (Іðèї. ðäää.)

* До сих пор не восстановлены. (Іðèї. ðäää.)

ДОМ А.Н.ОСТРОВСКОГО В УСАДЬБЕ ЩЕЛЫКОВО

Ремонтно-восстановительные работы, проводимые по главному зданию усадьбы Щелыково, вызваны двумя причинами – необходимостью восстановить нижние поражённые грибком венцы сруба, а также дощатые полы нижнего этажа и сделать его отапливаемым. Сохранившиеся старые печи, ввиду противопожарных требований, чинить и использовать нецелесообразно. По предварительным планам, они будут использованы для размещения каналов калориферной системы; котельная должна быть устроена во вновь строящемся кирпичном здании на достаточном удалении от мемориального дома.

Главный дом усадьбы Щелыково, построенный, по-видимому, в первых десятилетиях XIX в., неоднократно переделывался; к счастью, это не отразилось на его общей композиционной структуре – это типичный дом помещика средней руки, построенный в глухой провинции местными мастерами. Отдалённое знакомство строителей с классическими образцами в соединении с чисто крестьянскими мотивами декора и строгой конструктивностью в трактовке ордера определяют его своеобразие.

В ходе обмерных и исследовательских работ, проведённых Костромской реставрационной мастерской, получены некоторые данные, позволяющие реконструировать (пусть с известной степенью вероятности) первоначальный вид здания. Данные эти следующие:

1) При удалении дощатой обшивки над дверью, ведущей из гостиной на южную террасу, обнаружен заделанный впоследствии полуциркульный проём (см. соответствующий зондаж); то об-

стоятельство, что проём разрезает нижнюю часть внутреннего штукатурного карниза (вполне классического по профилю), как будто свидетельствует о том, что заделка проёма над дверью произошла не позже 30-х – 40-х гг. XIX в.*, т.е. значительно раньше, чем А.Н. Островский приобрёл Щелыково; впрочем, ввиду отдалённости усадьбы от культурных центров того времени, это могло произойти и позже.

2) Реконструкция южной двери в её первоначальном виде допускает единственный вариант – дверь с полуциркульным завершением с двумя полуокнами по сторонам, окружённую простейшим наличником в виде деревянной обкладки (с профилем или без него), лишённого сандриков, кронштейнов и иных элементов декора. Вероятней всего, наличник вовсе не имел профиля: это противоречило бы довольно сильной пластике обшитых «в пилу» фасадов и общей простоте композиции. Такими же должны были быть наличники окон по южному, западному и восточному фасадам, а возможно, и по северному. Позднее происхождение существующих наличников несомненно. Появились они, по-видимому, в одно время с перестройкой южной террасы, по крайней мере, одновременно с устройством над нею дощатого навеса, видного на снимке 1890-х гг. (тот же деревянный подзор с фестонами).

3) Северная терраса в своём начертании в плане как будто не менялась, её внешние контуры определяются массивными угловыми столбами из красного кирпича на извести, выложенными в той же технике, что и цоколь под зданием; само местоположение, между двух крылец-тамбуров, перед кабинетом допускало существование ограждённой перилами террасы; северная терраса имеет срав-

Пояснительная записка к проекту реставрации дома А. Н. Островского в усадьбе Щелыково. Текст датирован февралем 1965 г. // Архив КСНРПМ. Публикуется впервые. (Їðèì. ðåä.)

* ?

нительно небольшую глубину; судя по старому снимку, В.А. Маслиха, она не была зашита снизу досками (так что кирпичные угловые столбы террасы выходили на фасад); всё это, несмотря на северную ориентацию, делало её достаточно долговечной и, следовательно, целесообразной в глазах владельцев дома. Следует учесть ещё одно обстоятельство: дом стоит на пологом спуске перед крутым скатом в долину речки Куекши. Спуск идёт в направлении север-юг. Благодаря этому северная и южная террасы имеют различную относительно уровня земли высоту. Северная терраса имеет высоту 1,15 м.; высота продухов под неё такова, что при приближении к северному фасаду горизонт зрения человека всегда выше уровня пола террасы; функциональное требование максимально открыть конструкции пола для проветривания здесь не противоречило требованиям архитектурной эстетики.

Южная терраса сильно поднята над площадкой под ней, придвинута к самому спуску в долину и, по необходимости, должна была иметь обшитый досками цоколь. В противоположность северной, южная терраса в своём основании совсем не имеет кирпичных столбов, которые определяли бы внешние контуры плана. Две кирпичные стенки, выходящие к югу из цоколя, судя по всему, первоначальны. Они служат основанием под массивные бревенчатые балки, на которые

опираются колонны южного портика. Стены эти выступают вперёд на сажень (около 2,15 м.) и располагаются под крайними колоннами. Никаких следов других каменных столбов под нею не найдено. Даже беглый взгляд на южную террасу в современном виде (повторена в 1955 г. в соответствии со снимком 1890-х гг.) убеждает в её позднем происхождении. Для наблюдателя, находящегося внизу, она закрывает не менее половины главного фасада. Чтобы предохранить эту террасу от гниения (делать продухи в обшивке цоколя не позволяют требования эстетики), необходим навес (который когда-то и был), но навес окончательно губит фасад, затемняет южную дверь и превращает парадную (синью) гостиную в совершенно тёмное помещение.

Нелогичность южной террасы в её теперешнем виде не подлежит сомнению. Недопустимость открытого сквозного цоколя и одновременно насущная необходимость сделать пространство под террасой проветриваемым требуют изменения её формы. Несомненно, поздними и чуждыми по стилю являются перила обеих террас.

Предварительными расчистками красочных слоёв на стенах жилых комнат здания установлено, что все они были окрашены kleевыми красками по известково- песчаной штукатурке. Обследование сделано по обоим этажам. Следов оклейки стен обоями не найдено.

27. Щелыково. Музей-заповедник А.Н. Островского

Северный фасад со стороны балкона.

Головной фасад с колоннами и балконом.

ГОСТЕВОЙ ДОМ В УСАДЬБЕ ЩЕЛЫКОВО

Дом брата А.Н. Островского, Михаила Николаевича Островского, или «гостевой», как его ещё и называют, был построен в 1875 г. Дом стоял в парке, к востоку от главного усадебного дома, на бровке спуска в долину реки Куекши, и был обращён к ней главным, южным фасадом. Дом был деревянным, одноэтажным, с мезонином и обшит тесом. К его южному фасаду примыкал деревянный балкон на столбах, с северной, обращённой к парку стороны мезонин переходил в застеклённую веранду, как и нижестоящая часть первого этажа, добавленную позже. Здание имело печное отопление, железные кровли с водосточными трубами, стояло на кирпичном цоколе.

В гостевом доме, помимо комнат Михаила Николаевича, размещалась библиотека, столярная мастерская драматурга и комнаты для гостей.

В архитектурной отношении это типичный продукт 70-х гг. XIX в., эклектически соединяющий в себе последние отголоски провинциального ампира с первыми веяниями псевдорусского, ропетовского стиля.

Гостевой дом существовал до 1900 г. В этом году он был разобран, сруб его перевезён в противоположную часть парка и в надстроенном виде послужил основанием для дома дочери драматурга М.А. Островской-Шателен (так называемый «голубой дом» существующий и поныне).

Исходным материалом для составления проекта послужили две фотографии дома 90-х гг. XIX в., сделанные с юго-запада, карандашный схематический план нижнего этажа, приписываемый Сергею Александровичу Островскому (хранятся в

Пояснительная записка к проекту восстановления гостевого дома усадьбы Щелыково. Текст датирован 1974 г. // Архив КСНРПМ. Публикуется впервые. (Іð ё і. ðää.)

фондах музея), и данные натурных раскопок остатков фундамента. Помимо этого, использовались обмеры первого этажа «голубого дома», сделанного из сруба «гостевого». При выполнении деталей интерьера пришлось обратиться к соответствующим аналогам.

С другой стороны, требования будущего использования восстанавливаемого дома как экспозиционного помещения внизу и библиотеки в мезонине, а также условия противопожарной безопасности обусловили значительные отступления от первоначальной внутренней планировки: в частности, лестницу в мезонин пришлось из центрального зала перенести в западную часть дома и заключить в глухие стены, в северной половине нижнего этажа взамен четырёх небольших комнат запроектированы две и два смежных с ними отсека, предназначенных под гардероб и связанных с прихожей широкими проёмами. Веранда в мезонине получила двойное остекление, ради возможности эксплуатации её в зимнее время. В связи с требованиями замены печного отопления на центральное и максимального использования площади под экспозицию, пришлось отказаться от воссоздания печей, даже в их имитационном варианте; наружные печные трубы, видимые на старых снимках, должны, конечно, быть восстановлены. В восточном торце коридора первого этажа проектом предусмотрен санузел с умывальником.

Наконец, в отступление от исторической правды, по настоятельной просьбе заказчика, под зданием устраивается несгораемый подвал с отдельным входом снаружи. Подвал предназначен под фондохранение. Из требований противопожарной безопасности в цоколе, ограждающем подвал, установлены два больших окна в кирпичных приямках, в обычное время закрытых деревянными крышками. Стены подвала от подошвы фундамента

до уровня земли запроектированы из бетонных блоков, выше уровня земли – из красного кирпича М-100 на растворе М-50. Перекрытие над подвалом – несгораемое из монолитного железобетона и в виде кирпичных сводов по стальным балкам. Полы в подвалах из метлахской плитки.

Междуетажное и чердачные перекрытия в гостевом доме запроектированы деревянные, с чисто строганной поверхностью потолка. Поверхности наката и балок, соприкасающиеся с утеплителем, необходимо проантисептировать. Перекрытия должны выполняться из воздушно сухой сосны с влажностью не более 25 %. На чердаке основной части здания предусмотрены две двери. На чердаке мезонина устраивается слуховое окно во фронтоне южного фасада. Проектом предусмотрена огнезащита стропильной системы здания.

Судя по воспоминаниям старожилов, гостевой дом имел внутри гладко обтёсанные рубленые стены и тесовые полы. Соответственно этому составлен проект по части интерьеров. Были ли полы крашенными, установить не удалось; из условий удобства эксплуатации здания полы предлагаются покрасить. Полы в санузлах – метлахс-

кие. Все столярные изделия – оконные и дверные коробки, подоконники, наличники и заполнения проёмов – должны быть окрашены масляными белилами. Снаружи здание окрашивается масляной светло-серой краской (за исключением заполнений проёмов), цоколь – кирпичной мукой на казеине. Особое значение должно быть уделено скобяным изделиям. По старым образцам, заблаговременно, должны быть заказаны оконные и дверные шпингалеты, оконные и дверные крючки и ручки. Использование современной скобяники абсолютно недопустимо.

Гостевой дом имел частично цветное остекление. Цвет стёкол установить не удалось, предлагается использовать красное стекло. Кровли и водосточные трубы окрашиваются медянкой, дымовые трубы белятся. Вокруг здания устраивается булыжная отмостка по мяты глине.

Инженерное оборудование гостевого дома (электроснабжение, отопление, вентиляция, водоснабжение и канализация) должны решаться специальными проектами, которые будут разрабатываться после утверждения проекта воссоздания гостевого дома.

Гостевой дом. Фото с арх.-записи. Окна с филенками

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РСФСР
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСКУССТВО-ИСЛАМСКИЙ
ПРОМЫШЛЕННЫЙ МУЗЕЙ

Эскиз

Проект здания гостиного дома в музее-заповеднике
имени А.Н. Островского "Щелыково"

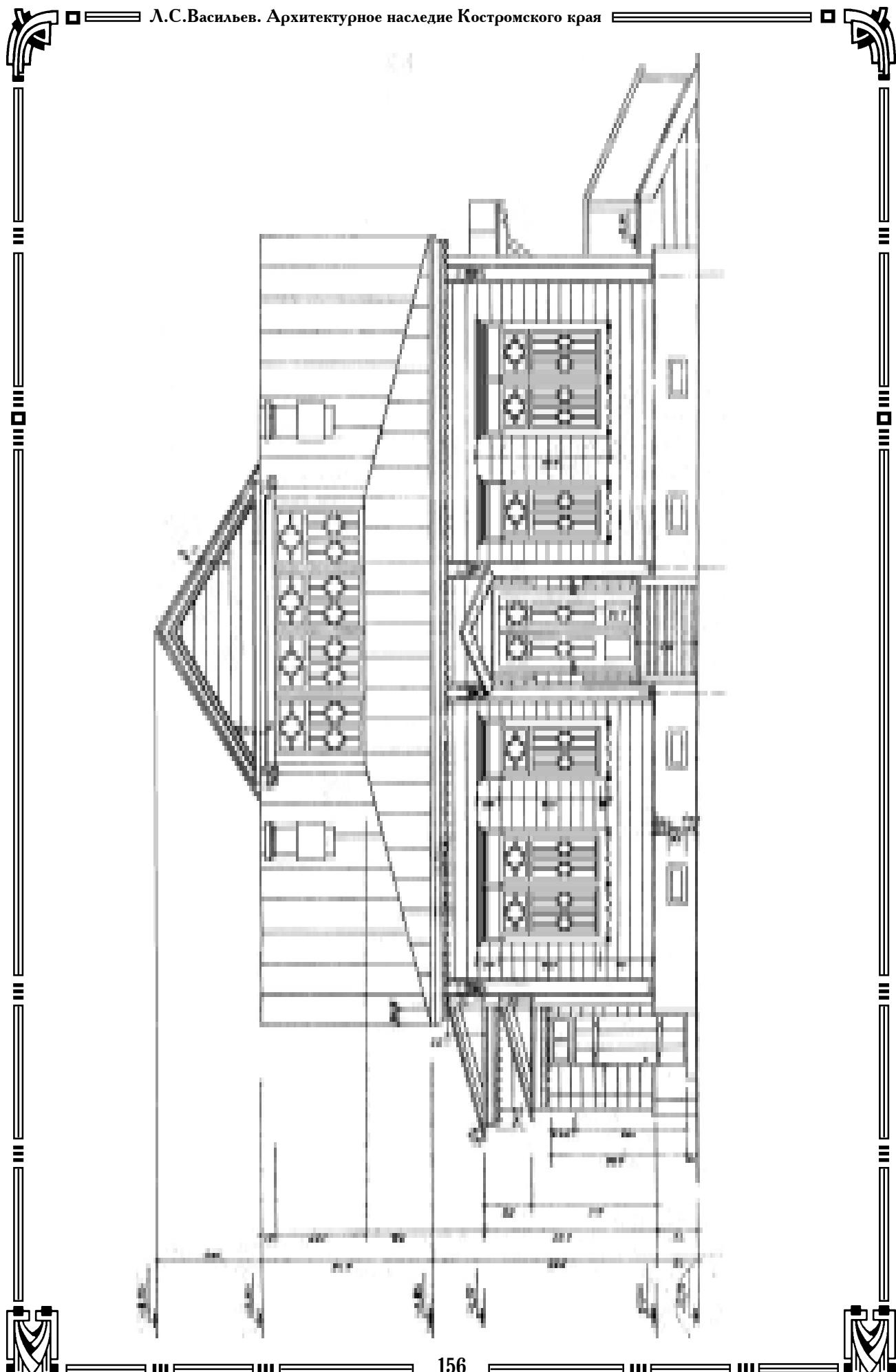
том 1-2

Директор института
Гр. архитектор-
автор проекта

Л.Панас/
Л.Торен /

Министерство культуры РСФСР
Государственный исламский
промышленный музей им. А.Н. Островского
СОГЛАСОВОДО
д/р. № 11-62
учет в музее-заповеднике
и
Государственный
исламский музей им. А.Н. Островского
имеет право на экспозицию в музее-заповеднике

«ГОЛУБОЙ ДОМ» УСАДЬБЫ ЩЕЛЫКОВО

Двухэтажное деревянное здание «голубого дома», построенное по проекту дочери драматурга А. Н. Островского М.А. Шателен в начале XX в., имеет в своей основе сруб бывшего «гостевого дома», стоявшего с 1874 г. неподалеку от дома Александра Николаевича, к востоку от него, и переданного ей при разделе имущества.

Дом был поставлен на краю окружённой лесом поляны и являлся центром новой самостоятельной усадьбы. Из её разнообразных по назначению служебных одноэтажных построек до наших дней сохранился лишь «охотничий домик», должный, несомненно, рассматриваться как часть мемориального комплекса.

Печать яркой художественной одарённости Марии Александровны, выступившей здесь как архитектор, ясно ощущается в свежести необычной трактовки веранд на северном и южном фасадах, в изящном кружеве карнизов подзоров и наличников окон, в рисунке перильных ограждений. Окрашенные в белый цвет, детали декора ярко выделяются на фоне голубой дощатой обшивки фасадов.

Дом поставлен на достаточно высокий кирпичный цоколь, имеет деревянные перекрытия и тесовые крашеные полы.

Его планировка существенно изменена. Постановкой перегородки к западу от коридора при северном входе (являвшемся главным) превращена в дополнительную комнату часть вестибюля, где должна размещаться гардеробная. Основные изменения произошли в верхнем этаже, где, по-видимому, существовала гостиная, аналогичная нижней и располагавшаяся непосредственно над

Пояснительная записка к эскизному проекту реставрации «Голубого дома» усадьбы Щелыково. Текст датирован 1989 г. // Архив КСНРПМ. Публикуется впервые. (Іðèì. ðåä.)

нею. Благодаря устройству новых перегородок, из неё выделены южная комната и тёмное помещение с огибающим её узким коленчатым коридором. Здесь ныне размещена кладовая. Свидетельством позднего её происхождения служит широкий, сейчас заделанный дверной проём в её западной стене, смежной с одной из комнат.

Изменения в интерьере, с тех пор как здание было передано для летнего проживания артистов Малого театра (т.е. с конца 1920-х годов), свелись к следующему: рубленые поверхности стен и чистые строганные потолки комнат были обшиты картоном на каркасе и окрашены масляной краской; из изразцовых голландской печи и камина, украшавших гостиную нижнего этажа, сохранился лишь камин. Но и он был переставлен к противоположной стене. Исчезли первоначальная мебель и осветительные приборы. В послевоенные годы в «Голубом доме» устроено водяное отопление.

На каком-то этапе существования голубого дома к его западному фасаду добавлен прируб, также обшитый тесом и получивший аналогичное зданию декоративное оформление.

В двух этажах его размещены санузлы и умывальные комнаты. Из коридора верхнего этажа здесь устроена крутая двухмаршевая лестница на чердак. В 1970-х годах на месте южного окна отсюда устроен запасной выход с деревянной наружной лестницей вдоль западного фасада дома. Вторая лестница, внизу, размещается на западном фасаде пристройки, перед дверью в коридор нижнего этажа.

Существенно изменился и внешний вид «голубого дома». До 1940-х годов веранда в центре его северного фасада была одноэтажной, и верхний балкон не имел кровли. Её устройство вызвало появление наверху нового фронтона с окном в центре. Не имела кровли и вос-

точная половина южной террасы. Лестница на неё прежде была с восточной стороны. Не имела средних, разделительных перил лестница на северном фасаде *.

Впрочем, следует заметить такт и стилистическую преемственность во всех происшедших изменениях фасадов.

К 1987 г. техническое состояние «голубого дома» резко ухудшилось. Проведённое контрольное обследование здания, выполненное в июне этого года, выявило угрожающее состояние нижних венцов сруба в разных частях и перекрытия над подвалом. Они поражены гнилью, потеряли прочность и требуют замены. Совершенно неудовлетворительно состояние сруба и перекрытий пристройки, где размещаются туалеты. Здесь явно видны деформации и отклонения от вертикали несущих стен.

Необходимо дополнительное детальное изучение состояния конструкций здания; это потребует его полного освобождения. Очевидна необходимость его капитального ремонта и осуществления мер для его дальнейшей сохранности.

В соответствии с проектным заданием, реконструктивные работы по «голубому дому» должны сопровождаться реставрацией его интерьеров. Они должны сводиться к воссозданию исторического облика нижней гостиной и четырёх смежных комнат. Это потребует восстановления изразцовой голландской печи, удаления в этих по-

мещениях поздней обшивки и возвращения стенам и потолкам первоначального вида.

Согласно намерению создать здесь артистическую гостиную, предлагается в тонких попечерных перегородках пробить новые двери (по образцу старых), соединив по принципу анфилады боковые комнаты. По сохранившимся старым снимкам должны быть подобраны стильная мебель, осветительная арматура, шторы, картины и пр. Необходимо восстановить цветные вставки в остеклении окон и наружных дверей там, где они утрачены.

Верхний этаж здания, рассматриваемый как часть мемориала, должен получить изначальную планировку и соответствующее решение интерьеров. Вопрос о месте и формах печей будет решён дополнительно, после натурных и архивных изысканий. В связи с этим решится вопрос отопления. Как вариант его, может быть предложено размещение спиральных электронагревателей внутри воссоздаваемых печей.

Совершенно очевидно, что всем работам по перепланировке должны предшествовать детальное изучение конструкций здания, смена сгнивших элементов, антисептика подвалов и обеспечение условий его вентилирования. Полной переборке подлежит западный пристрой, как обветшавший. Пожарную лестницу на его южном фасаде предлагается заменить на несгораемую и более компактную металлическую.

* Это подтверждает свидетельство артиста Малого театра П.П. Садовского. (Іðèї. аâò.)

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ЦВЕТОЧНЫХ ВАЗ ДОМА-МУЗЕЯ А.Н. ОСТРОВСКОГО В ЩЕЛЫКОВЕ

У южного фасада мемориального дома А.Н. Островского в Щелыкове на верхней площадке каменной лестницы, идущей в долину реки Куекши, по бокам её, стоят две цветочные вазы с кирпичными тумбами в основании. Вазы и их основания поставлены в 50-е годы нашего века на месте существовавших в пору жизни драматурга. Если существующие основания близки подлинным, то вазы – типичный продукт 40-50-х годов, имеющий массу двойников во многих городах Поволжья – ни на какую бы то ни было мемориальность претендовать не могут.

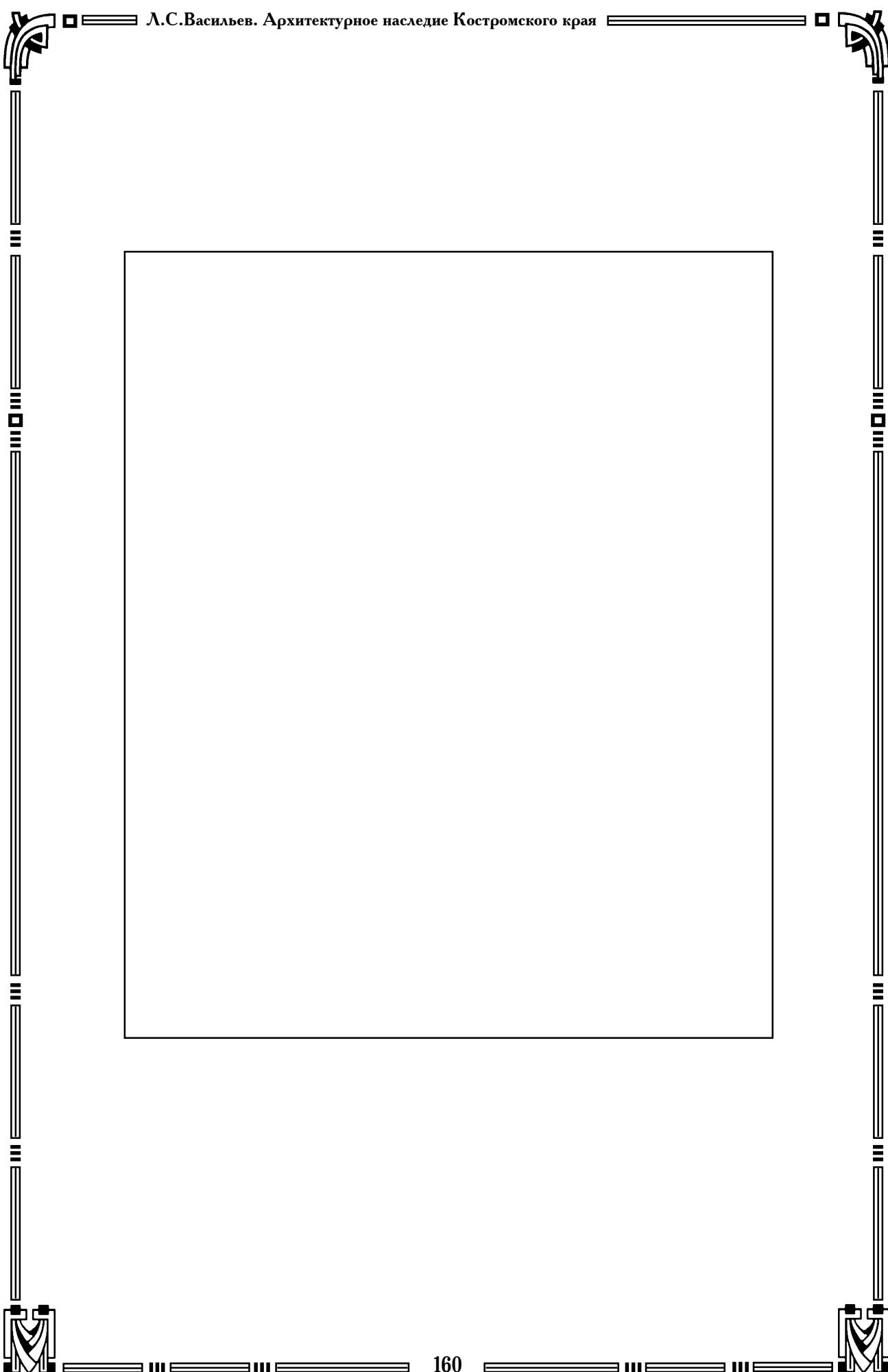
Между тем, существует графический материал по подлинным вазам, вполне достаточный для их воссоздания. Предлагаемый проект составлен на основе изучения акварели XIX в., находящейся в спальне Марии Васильевны Островской и, главным образом, натурных фотографий рубежа XIX-XX вв., хранящихся в архиве мемориального дома. Как видно из фотографий и рисунка, вазы располагались у южного фасада здания на верхней площадке каменной лестницы, по бокам её. Имея в общем форму античных кратеров, они имели особенность – древовидные ручки, в верхней своей части соединённые с телом ваз и рельефно продолжающиеся по ним в виде ветвей с крупными цветами.

Косвенное указание на материал ваз даёт фотография начала XX в. (вид дома с юго-запада). Одна из ваз к этому времени лишилась ручки, и тёмный излом отчётливо выделяется на её белёной поверхности. Это сразу снимает предположение о гипсе как материале (малопригодном как ёмкость для земли с цветами и недолговечном). Из остающихся вариантов – обожжённая глина и бетон – последний для XIX в., даже для конца его, представляется маловероятным. Итак, мы склонны считать, что вазы были сделаны из красной обожжённой глины; снаружи они были глазурованы или побелены; поскольку в них были цветы, а следовательно, влажная земля, стенки внутренней полости должны были быть покрыты глазурью. Мы предлагаем повторить этот материал.

Постаменты под вазы, в виде квадратных в плане кирпичных столбов с несложными цоколями и карнизами, в общих чертах близки к существующим в настоящее время, но несколько выше их и имеют отличие в деталях. Предлагается переложить и их, согласно фотографиям. Постаменты, судя по всему, имели известковую обмазку.

Примечание: Необходимо установить практический доступный для изготовления вариант ваз и, исходя из этого, задать толщину стенок, решить вопрос с дренажом.

Пояснительная записка к проекту восстановления цветочных ваз дома-музея А.Н.Островского в Щелыкове.
Без даты (ориентировочно – конец 1970-х гг.). //
Архив КСИРПМ. Публикуется впервые. (Ю.Ю. Ю.Ю.)

ДОМ КРЕСТЬЯНИНА И.В. СОБОЛЕВА В СЕЛЬЦЕ НИКОЛО-БЕРЕЖКИ

Дом крестьянина И.В. Соболева в сельце Бережки находится неподалёку от Никольской церкви и от кладбища с могилой А.Н. Островского. Располагаясь на краю села при спуске в глубокую лесистую долину с пешеходным мостиком через неё, он первый встречает посетителя этих мест, эффектно начиная перспективу короткой улицы с вековыми берёзами и белой церковью в глубине. Потемневший от времени дом, с крутой двускатной крышей, с белыми резными наличниками небольших окон, естественно сливается с пейзажем – окружением могилы драматурга.

Помимо исторического интереса (И.В. Соболев, столяр, был близким знакомым А.Н. Островского, здесь бывал Островский), дом представляет определённый интерес как пример деревянной избы середины XIX в. Композиционно он состоит из трех частей: зимней избы с русской печкой и лежанкой, сеней и летней задней избы. Приусадебных построек, несомненно бывших когда-то, не сохранилось, не известны места их расположения. С восточной стороны к дому примыкает узкий дощатый пристрой, в дальнем конце которого была уборная и выход на задний двор. В крыше над летней избой есть прямоугольное отверстие от трубы, здесь, следовательно, была печь. Но печь эта поздняя. По свидетельству священника Никольской церкви, она была сложена в начале XX в. после того, как сын столяра, продал сельник под жильё.

Конструктивно дом типичен для крестьянской избы: два сруба зимней и летней половин, разделённых сенями, торцовые стены которых образованы выпуском брёвен сруба задней избы.

Пояснительная записка к проекту восстановления дома крестьянина И.В. Соболева в сельце Николо-Бережки. Текст датирован маеm 1968 г. // Архив КСНРПМ. Публикуется впервые. (Іðèї. ðåä.)

Задняя изба имеет подклеть, разделённую на две части, одна из которых из-за наличия одного входа (с западной стороны) – проходная. Пол этой части дома выше уровня пола в зимней избе и сенях, из сеней в неё ведёт лестница. Полы двухслойные по прогонам, вделанным в сруб – нижний слой из пластин в четверть промазан глиной, по нему в поперечном к пластинам направлении положены половицы. Потолок из пластин, соединённых в четверть, опёртых на прогон и стены. Засыпка – земляная по глиняной обмазке. Кровля общая – двускатная, с высоким подъёмом щипца. Покрытие гонтовое. С переднего торца щипец защищён тёсом, отделён от нижележащего сруба дощатым карнизом, устроенным по консолям, выпущенным из верхних венцов сруба. Во фронтоне – довольно большое слуховое окно. Торцевая стена, задняя, имеет самцовое завершение, т.е. щипец (фронтон) выполнен также срубом.

Окна обеих половин дома имеют резные наличники. По форме наличники задней избы, навеянные образцами городского деревянного ампира, сохранившие двуцветную клеевую покраску (сочетание красной охры и белого), выглядят старше наличников передней половины дома (с завершением и основанием в виде строенной скобки). Это вступает в странное противоречие с возрастом срубов обеих частей – со сравнительно неплохой сохранностью задней избы и полной изношенностью передней половины дома. Несомненно одно – дом был составлен из двух разновременно сделанных срубов.

В 1966 – 1968 гг. сделан обмер дома. В виду катастрофически плохого состояния передней избы (обрушение чердачного перекрытия, выпучивание сгнивших стен) в обмере не отражены некоторые моменты – устройство пола зимней избы, уровень пристроенных лавок, не-

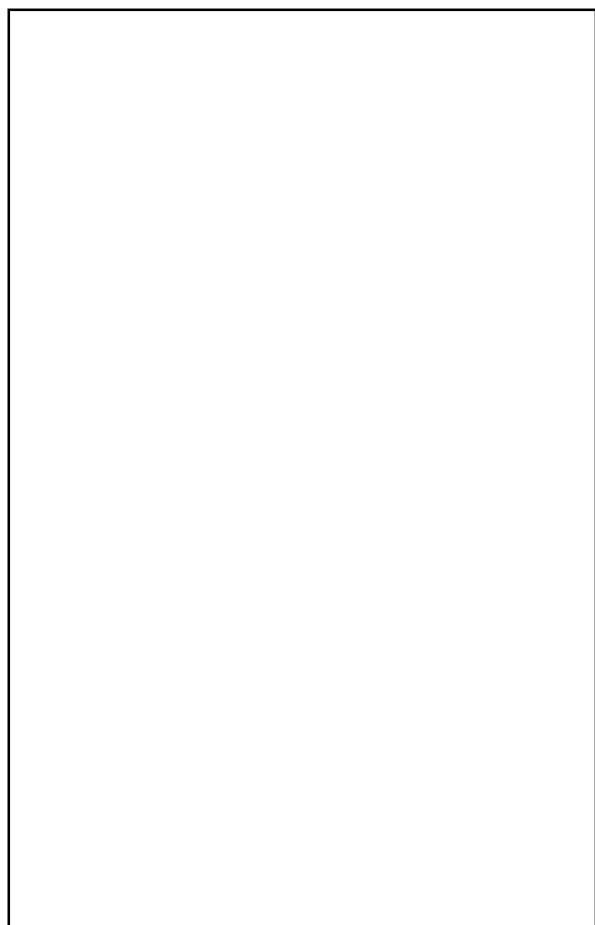
сомненно существовавших когда-то (в сенях найден фрагмент лавки).

В проекте реставрации предусматривается полное восстановление здания в первоначальном виде с сохранением всех особенностей конструктивного устройства и внутренней планировки, лавок, печи с лежанкой, утраченных дверных потолен с соответствующими поковками, гонтовой кровли. Восстанавливается декоративная обработка фасада: наличники с раскраской по образцу подлинников; ветровые доски фронтонов, подшивные карнизы. Восстанавливается крыльцо и пристрой – на заднем продольном фасаде.

Непременным условием работ должно быть максимально полное использование сохранившихся частей старого здания – брёвен сруба и стропил, наката перекрытий, дверных и оконных блоков с внутренними и внешними наличниками, дверных полотен, оконных рам и пр.

Для замены сгнивших брёвен сруба предлагаются использовать брёвна от разборки достаточно старой, но крепкой бревенчатой постройки, соблюдая, разумеется, равенство их диаметров.

Конструкция фундаментов будет разработана дополнительно с учётом соблюдения типичных приёмов для народных жилых построек XIX в.

ЦЕРКОВНАЯ ОГРАДА И ВОРОТА В СЕЛЬЦЕ НИКОЛО-БЕРЕЖКИ

Никольская церковь в сельце Николо-Бережки бывшего Кинешемского уезда Костромской губернии (ныне – Островского района Костромской области), построенная в 1792 г., вместе с окружающей ее каменной оградой, относящейся, по-видимому, к тому же времени, представляют собой образец русского провинциального классицизма костромского толка. Как и в других костромских церквях той поры, общая величавость композиции, крупный масштаб ордерных членений как-то естественно увязываются с ландшафтом. Достигается это своеобразной, упрощённой трактовкой ордерных форм, следованием прихотливому рельефу местности, выбором для наиболее крупных сооружений возвышенных, выигрышных в смысле восприятия мест. Всё это делает каждое сооружение неповторимым.

Ограда Никольской церкви имеет в плане форму неправильного четырёхугольника, с двумя воротами – в восточной и западной сторонах – и двумя башнями в северо-восточном и северо-западном углах. Северо-западная башня и примыкающие к ней с двух сторон куски ограды разобраны при устройстве деревянной сторожки. Прочие части ограды и обои ворота сильно обветшили, утрачены заполнения ворот.

Проектом предусматривается восстановление уничтоженных участков ограды, включая перекладку двух прясел в южной стене ворот и вычинка кладки существующих частей. Восстанавливаются:

- 1) Уничтоженная кирпичная башня в северо-восточном углу ограды;
- 2) Завершение северо-западной башни;
- 3) Разрушенные отливы и столбы в верхних частях стен;
- 4) Контрфорсы у южной стены;
- 5) Уничтоженный северо-восточный угол ограды (на месте поздней сторожки);
- 6) Западные и восточные ворота, включая калитку;
- 7) Железные вскрытия ворот, ограды и столбов, железные кресты над воротами и калитками;
- 8) Деревянные заполнения ворот и калиток;
- 9) Лампады на восточных воротах.

Необходимо удалить земляную насыпь у западных ворот, южнее их. Кирпичные поверхности ограды и ворот обмазываются известью, железные покрытия и кресты окрасить медянкой. Деревянные заполнения ворот и калиток покрыть олифой с добавлением умбры натуральной и сажи.

Пояснительная записка к проекту восстановления церковной ограды и ворот в с. Николо-Бережки. Текст датирован июлем 1970 г. // Архив КСНРПМ. Публикуется впервые. (Їðèì. ðåä.)

Дом на ул. ул. Рыбаков, 20

29. Николо-Бережки. Погост Никольской церкви

29. Николо-Бережки. Погост Никольской церкви

29. Николо-Бережки. Погост Никольской церкви

Одна из ворот села Никола-Богданово, now demolished

29. Николо-Бережки. Погост Никольской церкви

ПРОЕКТ НАДГРОБИЯ Е.В. ЧЕСТНЯКОВУ

В соответствии с характером творчества известного русского народного художника Е.В. Честнякова, предлагаемый проект надгробия выполнен с использованием традиций русской народной архитектуры, по мотивам надгробий с погостов Русского Севера, а именно – Архангельской и Вологодской областей. Уместность подобной трактовки надгробия определяется общностью исконной художественной культуры Костромского края с северными русскими областями и всем миром художественных образов Е.В. Честнякова.

Ныне над могилой стоит крест, выполненный из круглого стального прутка, весьма заурядный по формам; участок могилы обнесён столь же малохудожественной металлической оградой, как и крест, окрашенной алюминиевой краской. Банальность нынешнего оформления могилы художника ни в коей мере не соответствует его значению в русской художественной культуре.

В соответствии с проектом, над могильным холмом предлагается установить небольшой прямоугольный сруб под двускатной тесовой кровлей, с киотом на коньке. Под основание сруба, по его периметру, должны быть положены булыжники. Это делается для укрепления могильного холма и предохранения нижнего венца от намокания, что обеспечит достаточную долговечность надгробия.

Конструкция сруба и кровли типична для упомянутых прототипов; она включает слеги, коньковое бревно, охлупень, стамики, лобовые доски, верхний тёс кровли с окончаниями в виде копий. На кровле, в основании киота, устанавливаются деревянные гребни, композиционно создающие к нему переход. В торцовых стенах сруба устраиваются прямоугольные проёмы продухов, имею-

Пояснительная записка к проекту надгробия Е.В. Честнякову. Текст датирован марта 1987 г. // Архив автора. Публикуется впервые. (Їðèì. ðäää.)

щие и особое назначение: по установившейся традиции, местные почитатели Е.В. Честнякова касаются рукой земли могильного холма.

Киот опирается на столбик, пропущенный сквозь коньковое бревно, и состоит из профилированного под пятника, двух боковых стоек и резного вершины, служащих вместе обрамлением для прямоугольной доски, предназначеннной для посвятительных надписей. Завершение киота – в виде крутой двускатной крыши из досок, прикрепленных к торцам вершины. На верхней площадке вершины предлагается поставить деревянную скульптурную фигурку сидящей крестьянской девочки – образ многих картин художника.

Русской деревянной архитектуре, в особенности предметам прикладного искусства, была не чужда полихромия. В известных границах уместна она и при оформлении могилы художника. Поэтому, оставляя сруб надгробия серым, мы предлагаем – в соответствии с народными традициями – окрасить красной земляной охрой: кровлю, охлупень, стамики, боковые гребни, под пятник и кровлю киота. Боковые обкладки и вершина киота окрашиваются светлой охрой. На них, в соответствии с эскизом, красной охрой наносится травяной орнамент. Внутренняя доска киота с обеих сторон окрашивается светлым голубцом, по которому красной охрой будут нанесены посвятительные надписи. Окраска фигурки девочки должна имитировать крестьянскую одежду: платье белого полотна, лапти и т.д. Окончательное цветовое решение фигурки должно быть согласовано с автором проекта. Предлагаемый состав красок: краситель на масляной основе с добавкой парафина, растворённого в бензине (для снятия блеска).

Проектом предлагается расширить участок могилы за счет включения с двух сторон свободного пространства, устройства скамьи из осиновой плахи и устройства низкой жердевой

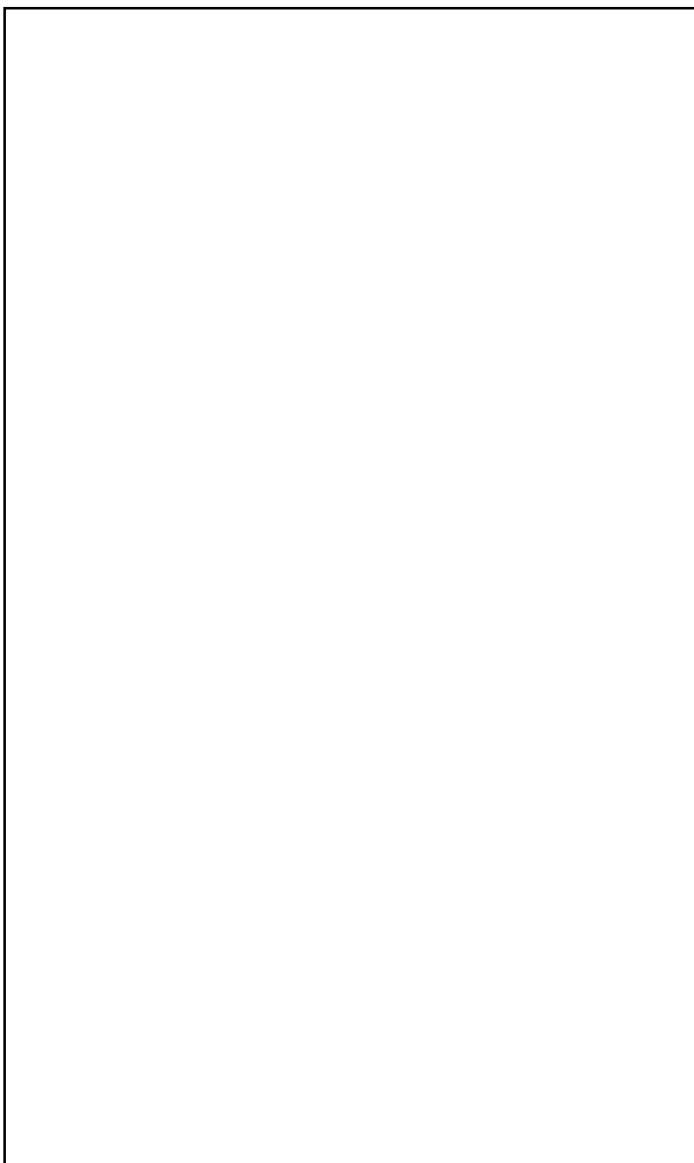
30. Шаблово. Проект надгробия Е.В. Честнякову

ограды на деревянных столбах. Существующая металлическая ограда снимается. Калитка переносится на противоположную, западную сторону участка, со стороны аллеи.

Все элементы надгробия, ограды и скамьи предлагается изготовить на базе реставрационной мастерской и в разобранном виде доставить на место установки.

Текст посвятительных надписей в киоте:
лицевая сторона –
«Ефим Васильевич Честняков

1875 – 1961»,
оборотная сторона –
«Художник сказочных чудес».

III. ПРИЛОЖЕНИЯ

L.S. Vasilev

ПИСЬМО В ЗАЩИТУ ЩЕЛЫКОВА

Неповторимый по красоте уголок Костромского края, Щелыково, не отделимый от имени великого русского драматурга А.Н. Островского, под угрозой. Волей безответственных чиновников из Госплана, министерств и ведомств ему уготована судьба Ясной Поляны, Карабихи, которые задыхаются в ядовитых выделениях построенных вблизи них химических комбинатов, о чём пишут центральные газеты, что стало нравственной болью общества.

Что значит Щелыково для костромичей, для русских, советских людей вообще? Это реликтовый по нетронутости и чистоте уголок русской земли, где среди девственных лесов, на берегу тихой речки, в старом деревянном доме провёл наиболее плодотворные годы и где умер Александр Николаевич Островский. Неподалёку от усадебного дома, на погосте Бережки, в ограде стаинной церкви лежит его прах. И дом, и могила драматурга – место постоянного, всё увеличивающегося паломничества ценителей его творчества. Да и где, кроме Щелыкова, поймёшь душой родословную Снегурочки, увидишь лесную чащу, овраги и ручейки, Берендеевку – как не в этом заповедном kraю. «Лес», «Волки и овцы» и другие шедевры Островского возникли на щелыковском материале, и здесь они были написаны.

С давних пор воображение и благодарная память людей населила здешние леса и поляны образами весенней сказки А.Н. Островского «Снегурочка». Здесь можно побродить по Ярилиной долине, постоять у колодца с бьющим со dna ключом – его называют «сердце Снегурочки».

Глубоким уважением и любовью к священному имени великого драматурга двигала рука костромских реставраторов, восстановивших в 1965 – 1970 гг. усадебный дом, ограды, дом приятеля Островского – крестьянина И.В. Соболева, где создан музей крестьянского быта. Восстановлена каменная ограда церкви в Бережках, отремонтированы фасады церкви, внутри её воссоздана настенная живопись, отреставрирован иконостас и иконы.

А какой труд вложен в восстановление интерьеров усадебного дома! Исторически точно воссозданы уникальные по рисунку обои,

мебель, портьеры, посуда, светильники. Благодаря бескорыстному труду сотрудников щелыковского музея, благодаря вниманию и постоянной помощи Всероссийского театрального общества в дом вдохнули душу.

И всё это – и усадьба драматурга, его могила, и леса и речки – всё, что составляет понятие «Щелыково» и входит в Государственный музей-заповедник, под угрозой осквернения и, в конечном счёте, уничтожения. О масштабе и последствиях замышляемого в Министерстве химической промышленности нам известно из полных гражданской тревоги статей в «Правде» от 19 июля 1986 и 29 марта текущего года.

Полностью разделяя тревогу за судьбу Щелыкова как литературного и природного заповедника, высказанную в этих статьях, мы требуем раз и навсегда отказаться от мысли строить вблизи национальных святынь, в данном случае – вблизи от Щелыкова, объекты химической промышленности. Последствия подобных экспериментов общеизвестны, и они неотвратимы, что бы ни говорили о средствах защиты в виде газоочистительных фильтров и прочем.

Невольно возникает вопрос: почему гиганты химии ставят рядом с мемориальными комплексами? Что это – плод недомыслия или акт преступной сознательной воли, направленной на уничтожение нашего национального наследия? Кому это выгодно? Или это обусловлено требованиями роста экономики страны? Но Россия велика, и помимо Ясной Поляны и Щелыкова в ней найдутся места для химических комбинатов. Разве не показателен пример соседства Щёкинского химического комбината и Ясной Поляны и не ощущимы его миллионные потери, на которые он пошёл из-за вынужденного закрытия части наиболее вредных цехов?

Долг перед памятью А.Н. Островского, перед русской культурой, долг перед Родиной – сохранить Щелыково как цельный, неповторимый мемориальный и природный комплекс, оградив его от поползновений временщиков всех рангов.

Апрель-май 1987 г.

ПИСЬМО ГЛАВЕ САМОУПРАВЛЕНИЯ Г. КОСТРОМЫ Б. К. КОРОБОВУ

Уважаемый Борис Константинович!

Всех нас беспокоит судьба архитектурно-художественного наследия Костромы. А оно в плачевном состоянии. И это тем более печально, что город наш готовится отметить своё 850-летие.

Долгие годы исследованием, восстановлением и реставрацией памятников архитектуры в Костроме и области занималась Костромская специальная научно-реставрационная производственная мастерская. Она располагала штатом архитекторов-реставраторов, техников, инженеров, искусствоведов. Здесь работали опытные каменщики, плотники, кузнецы, позолотчики. Широкую известность приобрели наши художники-реставраторы. Организатором всего этого была незабвенная К.Г. Тороп. И, надо сказать, сделано было немало – и в Костроме, и в области.

Финансирование реставрационных работ производило в то время Областное управление культуры при облисполкому. Проводящей инстанцией финансирования служила небольшая Производственная группа (из 5 – 6 человек) при Управлении культуры и ей подчинённая. В соответствии с планом работ она распределяла средства, вела контроль за их использованием, следила за качеством работ и, наконец, принимала их. Источником средств служил республиканский бюджет и арендная плата за пользование памятниками архитектуры. Научный контроль за проектной документацией прежде осуществляла специальная комиссия при Министерстве культуры, которая состояла из авторитетных специалистов.

Так было. Было – до начала 1990-х годов, когда, по чьей-то недоброй воле, Министерство культуры резко изменило курс, превратив скромные (но работавшие, тем не менее) производственные группы в самостоятельные, наделён-

ные широчайшими полномочиями организации. К тому же не подвластные контролю городских и областных администраций – но исключительно Министерству культуры. Названы они были «Научно-производственные центры по охране, использованию и реставрации памятников архитектуры» (НПЦ). Последствия не замедлили сказаться. Финансирование реставрационных работ, проводившихся Костромской реставрационной мастерской, сначала сократилось, затем фактически прекратилось. С начала 90-х годов ни в Костроме, ни в области не сдано ни одного реставрационного объекта. Начатое – брошено, сделанное – разрушается. На спасение памятников архитектуры не находится денег. Они оседают в недрах НПЦ.

Лишённый контроля городской и областной администрации, НПЦ неизбежно превратился в объединение коррумпированных элементов, менее всего заинтересованных в существе своего дела. Готовящийся судебный процесс над его руководителями наглядно свидетельствует об этом. Миллионы и миллионы рублей, предназначавшихся для спасения культурного наследия, осели в карманах дельцов от культуры. В то время как часть этих денег могла – и должна была! – пополнить бюджеты города и области. НПЦ стал главным тормозом реставрационному делу Костромы, губителем некогда славной Костромской реставрационной мастерской. Как можно скорее следует восстановить Костромскую реставрационную мастерскую, помочь встать ей на ноги, а НПЦ – поставить под жесткий контроль городской и областной администраций. Этого требуют интересы Костромы. 850-летие города – не за горами. Хоть что-то надо успеть сделать.

Л.С. Васильев, архитектор Костромской реставрационной мастерской с 1958 г.,
Заслуженный работник культуры России,
архитектор Костромской епархии.

Письмо датируется концом 1998 – началом 1999
гг. (Їðèì. ðää.)

О ПРОЕКТЕ РЕКОНСТРУКЦИИ ПРИСУТСТВЕННЫХ МЕСТ В КОСТРОМЕ

Исполнительный комитет Костромского областного Совета
народных депутатов
ОТДЕЛ ПО ДЕЛАМ СТРОИТЕЛЬСТВА И АРХИТЕКТУРЫ

Начальнику Костромской СНРПМ
А.Д. Ляпину

Отдел рассмотрел предложения по реконструкции угла квартала между улицами Советской и Свердлова и считает необходимым поддержать идею развития здания бывших Присутственных мест (горисполком), внесённую архитектором Л.С. Васильевым.

Вместе с тем, учитывая важность и значимость реконструкции в исторически сложившем-

ся архитектурном ансамбле городской площади, полагали бы целесообразным не ограничиваться единственным предложением, а привлечь архитектурную общественность города, для чего провести открытый конкурс на проект-идею реконструкции угла квартала, ограниченного улицами Советской и Свердлова.

1 октября 1986 г.

Заведующий отделом

В.Г. Смирнов.

Р С Ф С Р
ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ КОСТРОМСКОГО ГОРОДСКОГО СОВЕТА НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ
ОТДЕЛ ПО ДЕЛАМ СТРОИТЕЛЬСТВА И АРХИТЕКТУРЫ
156000, г. Кострома, Советская площадь, 1. Телефон 7-54-07.

На № б/н от 13. 09. 1986 г.

Директору Костромской специальной
научно-реставрационной мастерской
тov. Ляпину А.Д.

Предложения архитектора Л.С. Васильева по возведению пристройки к зданию Присутственных мест со стороны площади Революции – ул. Свердлова рассмотрены на градостроительном Совете 03.10.1986 г.

Большинство членов Совета высказались в поддержку внесённого предложения.

Решили вернуться к данному вопросу после рассмотрения проекта упорядочения и сохранения застройки центрального исторического ядра Костромы в Министерстве культуры РСФСР.

Главный архитектор города

В. И. Кириленко

СУДЬБА АРХИТЕКТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ЙОШКАР-ОЛЫ

Царевококшайск, или Царев город на Кокшаге, возник как опорный пункт Московского царства в присоединённых к нему марийских землях, следовательно, должен рассматриваться как памятник преимущественно русской градостроительной традиции. Это было поселение, огороженное оборонительными стенами, с башнями, проездными воротами и положенным набором строений, включая непременный православный храм. Всё было выполнено в дереве – благо край был лесной.

Крепость поставили на правом, возвышенном берегу Малой Кокшаги. Противоположный берег переходил в обширные пойменные луга. Впоследствии, видимо, в XVIII в., здесь возникли слободы, из которых самая крупная, поставленная вдоль дороги в Сернур, получила наименование Красноармейской.

Топография выбранного места определила истинные границы города. С востока он примыкал к Кокшаге, с севера и юга был ограничен глубокими оврагами, которые строители крепости использовали как рвы перед стенами. Северный овраг начинался по трассе нынешней Красноармейской улицы, южный, частично сохранивший-

ся, сейчас рассекает квартал между улицами Гоголя и Чернышевского, Советской и К. Маркса. Западная городская граница в точности не установлена и вряд ли проходила дальше современной улицы Волкова. Со временем за крепостными стенами возник посад. Он развивался преимущественно в северную сторону и частично на запад.

С принятием в 1835 г. нового генерального плана Царевококшайск получил прямоугольную сетку улиц, более или менее ориентированных на существовавшие к тому времени крупные каменные здания – храмы и несколько жилых домов. Из храмов следует назвать кафедральный Воскресенский собор, обращённый входом на единственную в городе торговую площадь, стоявшую к югу от него церковь Троицы, Входоиерусалимскую церковь (у южной границы города), ставшую в 1888 г. собором вновь организованного женского монастыря; и крупнейший, наиболее величественный храм Царевококшайска – церковь Вознесения, на территории бывшего посада, у северной границы крепости. Место упокоения жителей города освящала небольшая по размерам кладбищенская Тихвинская церковь. Кладбище находилось на западной окраине города.

Именно храмы, высотные доминанты Царевококшайска, создавали городской силуэт, т.к. большая часть жилой застройки не превыша-

Публикуется по тексту, опубликованному в журнале «Марий Эл: вчера, сегодня, завтра». Йошкар-Ола, 1994, № 2, с. 46-56. (Йөә! Ӧää.)

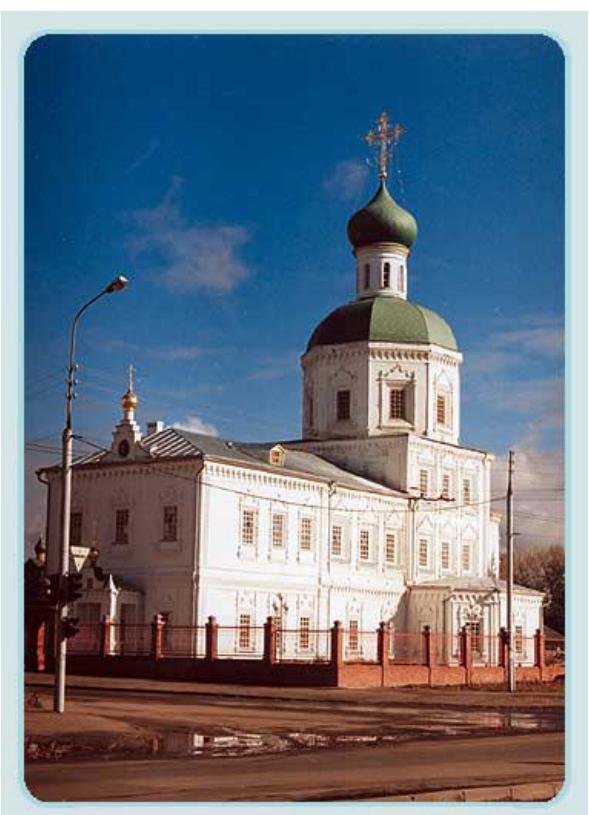

Ниаид Аинеодаанайе юоденойа.

ла одного этажа. Все они построены в пределах второй половины XVIII в. и стилистически восходят к архитектурной школе «нарышкинского барокко», приёмы которого оказались популярными во многих областях Казанского и Вятского краёв.

Каменных гражданских зданий, дошедших до нас из Царевококшайска XVIII – конца XIX вв., – три. Это известный дом Пчелина на нынешней улице К. Маркса, дом Карелина на набережной Кокшаги (впоследствии в нем жил С.Г. Чавайн). Оба здания середины XVIII в., двухэтажные, по существу не исследованы и хранят в себе немало загадок. К концу XIX в. (судя по внешнему облику) относится здание бывшей уездной управы, двухэтажное, в стиле классицизма, но до неизвестности обезображенное в 1930 году надстройкой 3-го этажа. В 1970-е годы при реконструкции улицы Красноармейской к его торцу примкнули новый, весьма безликий корпус.

Едоийеёе ѿдаи аидиа -
Ниаид Аичианайе юанниаи.

Юадеиаю юеоаеиине єеийи
Аиаюае яаодаде.

Ансисимовская церковь

Бывшее здание Починокской школы

Стены и башни Царевококшайской крепости снесены с утратой их оборонительных функций. Произошло это, скорее всего, не позже середины XVIII в. Именно в это время в связи со стабилизацией политической обстановки и укреплением экономического положения многие российские города лишились былых оборонительных укреплений, ставших уже не нужными и стеснявших их естественное развитие.

Развиваясь в пределах схемы генерального плана 1835 г., Царевококшайск, превратившийся в один из уездных городов Казанской губернии, к началу XX в. достиг границ, очерченных с юга улицей Гоголя, с севера – улицей Льва Толстого, с запада – нынешней улицей Комсомольской, примыкавшей к городскому кладбищу.

Ансисимовская церковь

Узкой лентой от неё по трассе улицы Кирпичной (ныне Коммунистической) отходила на запад слобода, имевшая название Починок. Она продолжалась до нынешнего здания пединститута.

Неким контрастом прямоугольной сетке улиц города было начертание прибрежной улицы, получившей в советское время название Ансисимовской. Она огибала с востока Троицкую церковь. Неотъемлемой частью панорамы старого города была Заречная слобода с вековыми деревьями вдоль берега, впоследствии названная Красноармейской.

Центром общественной жизни Царевококшайска была Базарная площадь. Она имела прямоугольное очертание и застроена деревянными рядами с галереями по главным фасадам. Площадь располагалась между улицей Вознесенской (К. Маркса) и Покровской (Советской), прямо на-

Äñi ×öëëîâà

против Воскресенского собора. По оси её в попечном к реке направлении на запад уходила Кирпичная (Коммунистическая). Она, а также улицы Покровская и Вознесенская имели наиболее представительную застройку. Здесь стояли дома состоятельных горожан, имевшие один - два этажа, часто с мезонином вверху, с богатым резным декором. Все они, в основном, были деревянными. Впрочем, иногда, например, в домах Наумова (ул. Советская, 104), Дружинина на Базарной площади или в доме Чернова на улице Кирпичной (находившейся ранее рядом с кинотеатром «Октябрь»), нижние этажи выполнялись из кирпича. В них размещались торговые лавки. Чисто кирпичными были двухэтажные дома Корепова и Чулкова на Вознесенской улице (не говорим о построенных ранее домах Пчелина на Вознесенской и Карелина на Анисимовской), а также дом Булыгина – представительное двухэтажное здание с мезонином и полуколоннами (Советская, 102). На рубеже XIX - XX вв. был построен ещё один дом Пчелиных на улице Набережной, напротив бывшего стадиона «Динамо».

Достопримечательностью Царевококшайска был дом с мезонином Келлера-Таланцева, стоявший у пересечения улиц Покровской и Садовой (Красноармейской). Яркий образец русского деревянного ампира, он был украшен стройным четырёхколонным портиком. Он был особенно эффектен благодаря соседству с Городским садом, который был устроен в низине оврага, между Покровской и Вознесенской улицами (отсюда ста- рое название улицы Красноармейской – ули-

ца Садовая). К сожалению, в 30-е годы нашего века овраг был засыпан, а сад ликвидирован. В 70-е годы сломан был и «Дом с колоннами», уступив место безликой силикатной коробке.

В городе было много зелени. Помимо деревьев и кустарников, у жилых домов и упомянутого Городского сада был большой липовый парк при женской гимназии, двухэтажном кирпичном здании на ул. Покровской, построенном в 1912 г. Место этого парка занимает сейчас стадион «Медик». Старые деревья украшали и женский Богородице-Троицкий монастырь с лентой белых пяты по периметру и великолепным Входоиерусалимским храмом внутри.

Достопримечательностью Царевококшайска был большой деревянный мост, построенный в начале XX в., пересекавший Кокшагу в створе улицы Садовой, у Вознесенской церкви. Наряду с соседним Городским садом он был излюбленным местом прогулок горожан, преимущественно молодежи.

Нельзя не упомянуть и каменный комплекс городской тюрьмы с церковью; он выходил на Покровскую улицу, подле Базарной площади. Другим тюремным заведением был двухэтажный, также кирпичный Арестный дом. Он был поставлен в начале XX в. у въезда в город с юга, на Покровской улице. Позже это здание было переоборудовано под мужскую гимназию, а затем – краеведческий музей. В 1960-е годы оно расширено и надстроено третьим этажом.

Неотъемлемая часть городского пейзажа – река – была местом притяжения его жителей. Отсюда открывался наиболее прелестный

вид на город с его садами и белыми храмами. Прекрасны были и пойменные луга левого берега, с синеющими вдали лесами и великолепной Сосновой рощей справа. Чуть ниже Вознесенского моста стояла водяная мельница с плотиной.

Ни в коей мере не претендую на исключительность внешнего облика, уездный Царевококшайск тем не менее имел своё лицо, и лицо неординарное. Это был памятник той эпохи, когда люди просто не умели строить некрасиво: чувство гармонии, связи с природой было у них врождённым.

Вопреки расхожему утверждению о косности и дикой невежественности былой российской провинции, малые провинциальные города предреволюционной поры обладали достаточно влиятельной интеллигенцией. Не был в этом отношении исключением и Царевококшайск. Уже в начале XX в. в числе улиц города значились улицы Пушкина, Гоголя, Чехова. И это при численности населения чуть более двух тысяч.

Революция 1917 г., антироссийская по существу, разрушила естественную последовательность экономического и культурного развития государства. Оборвана была связь времён, традиций, поколений. Катастрофические последствия большевистского «эксперимента» именно сейчас предстают в своей чудовищной значимости.

В Царевококшайске, поначалу переименованном в Краснококшайск, а затем ставшим Йошкар-Олой, это выразилось сначала в закрытии, а затем в последовательном разрушении большинства церквей, в уничтожении Богородице-Троицкого монастыря. Относительно уцелели здания Вознесенской и Тихвинской церквей, но и они лишились колоколен и завершений. Троицкая церковь, поначалу утратившая колокольню, накануне Великой Отечественной войны была разрушена вплоть до нижнего яруса, превращённого затем в гараж. Соборная Воскресенская церковь, ставшая сначала кинотеатром, потом заводом, лишенная колокольного завершения, в 1945 г. по воле властей неожиданно становится действующим храмом. Однако «ренессанс» был недолгим. В 1959 г. в разгар «хрущёвской оттепели» церковь окончательно разрушили, оставив, правда, под землёй подвальные помещения.

Излишне говорить, что с утратой храмов силует города, как таковой, исчез, а внутригородские пространства лишились высотных ориентиров.

Впрочем, жизнь неоднозначна. И как ни старались новоявленные идеологи перекроить душу народную, традиционное понимание искусства, тяга к нему все же пробивалась сквозь

кору новых идеино-эстетических догм. Примечательно, что в Йошкар-Оле, не говоря о более мелких населенных пунктах республики, так и не привился модный в 20 - 30 годы конструктивизм – воплощение ненационального космополитизма. Зато здесь неожиданно расцвёл, оставив несколько ярких образцов, своеобразный стиль деревянного модерна, сплавленного с исконными традициями местного деревянного зодчества. Автором наиболее известного из них – здания бывшего Русского драмтеатра на улице К. Маркса – был Гвоздецкий, самобытный архитектор-художник. Он же был автором интересного особняка-терема, стоящего и поныне на углу улиц Пушкина и К. Маркса.

Событием в жизни города стало появление в 1920 годах на углу улиц Пушкина и К. Маркса двухэтажного с угловыми башнями, рубленного из дерева здания бывшего горисполкома. Впоследствии оно было продолжено по улице Пушкина. Как и здание театра, оно построено санчурскими плотниками и несёт на себе все признаки их почерка.

Поисками новых композиционных решений при сохранении традиционных связей с местной художественной школой отмечен ряд деревянных зданий, построенных в городе в 30-е годы. Все они двухэтажные и имеют симметричные фасады. Например, бывший Дом пионеров на улице Советской, три жилых дома на углу квартала напротив аптеки № 1 (ул. Советская и Красноармейская), жилой дом на улице Чехова (угол улицы Волкова). Как правило, они имеют резные балконы с навесами над ними.

С приобретением статуса столицы республики в Йошкар-Олу переводятся Поволжский лесотехнический институт, ещё ранее, в 1925 г., организуется педагогический институт. Построенные для них каменные здания в стиле раннего советского классицизма интересны по архитектуре и представительны. К сожалению, здание пединститута впоследствии было испорчено неудачной пристройкой, а Лесотехнического института – вообще разрушено и заменено другим.

Со второй половины 30-х годов постепенно развертывается каменное строительство. Предпринимаются первые попытки создать целостные архитектурные комплексы. Местом нового строительства избирается южная и отчасти западная часть города. Крупнейшим из созданных в эти годы зданием был Дом Советов, поставленный на тогдашней городской окраине. Спроектированный московским архитектором А. Гринбергом по схеме конструктивизма, в натуре он был решительно

изменён, получив внешний декор в стиле входившего в моду раннего сталинского классицизма.

Несомненной удачей следует признать новую застройку улицы Советской в районе улиц Пушкина и Гоголя. Речь идет о комплексе так называемых «правительственных» домов на восточной стороне улицы и зданиях фельдшерско-акушерской школы и почтамта.

Красивое здание универмага, ресторан «Онар» с портиком главного входа, трёхэтажное общежитие пединститута, построенные в те годы на улице Советской, превращали её, несомненно, в наиболее престижную улицу. В то же время здесь в неприкосновенности сохранялись многочисленные деревянные особняки старого Царевококшайска – и чисто жилые, и с магазинами внизу. Преображаясь и благоустраиваясь, Йошкар-Ола не теряла своего лица.

Значительными по архитектуре стали построенные в те годы здания 9-й, 10-й, 11-й школ. Особый интерес вызывает архитектура здания республиканской библиотеки с её прекрасным читальным залом, а также старого здания министерства внутренних дел. Два последних здания построены местным талантливым архитектором К.

Семёновым, к сожалению, мало известным и не оценённым у себя на родине.

Впрочем, ничего не скажут нынешнему обычному имени Янцевинова, Сурикова, Самсонова, Калинина, Самойлова – талантливых архитекторов, создававших город, его площади, ансамбли зданий. Грустно, но история ничему не учит нас, и нравственный прогресс общества более чем сомнителен.

Оценивая развитие города Йошкар-Ола после 1917 г., нельзя не заметить, что вплоть до 1960-х годов, реконструируя и расширяя город, проектировщики действовали в русле градостроительных принципов, заложенных еще генпланом Царевококшайска от 1835 г., вольно или невольно придерживаясь приемов русского классицизма. Этот стиль, весьма гибкий в конкретном применении, отличает стройность архитектурных и градостроительных решений, их предсказуемость и внутренняя логика.

Блистательное подтверждение этого – ансамбль площади В.И. Ленина, созданный в Йошкар-Оле в 1950 – 60-е годы, застройка Пушкинской улицы, а также бульвар Чавайна, стрелой расходящий город от парка культуры и отдыха до

Іошкәр-Ола

Заречной части и уходящий далее на восток.

При всей величавости эти ансамбли человечны, ибо соразмерны человеку. В том, что они стали нашим культурным достоянием и подлежат охране, нет сомнения.

Общеизвестно, что архитектор (если он таким является), получив задание что-то построить, обязан, прежде всего, ознакомиться с местом строительства, учесть особенности, масштаб, высотность существующих рядом зданий и строить новое, сообразуясь с окружением. Если это – элементарное правило, и профессиональное, и нравственно-этическое, то нигилизм – символ распада и художественно бесплоден.

1970 – 80-е годы – время нарастающей демуманизации общества – совпали со сменой поколений творческой интеллигенции. Для Йошкар-Олы это выразилось и в том, что ушли из жизни старые архитекторы, кровно связанные с городом. К несчастью, новое поколение архитекторов оказалось практически неспособным оценить ни художественное своеобразие города, ни его традиций. Результат налицо. Именно в последние годы уничтожено большинство исторических кварталов вдоль улиц Советской, Волкова, Горького, Чехова, Анисимовской и Чернышевского. Дом Таланцева, деревянное здание Русского театра, масса уникальных особняков – всё, чем определялось историческое лицо города, исчезли. А между тем, в разгар этого погрома Йошкар-Ола получает статус исторического города Российской Федерации, акт благодетельный, но, увы, запоздалый.

Итак, что такое нынешняя Йошкар-Ола, каков удельный вес её исторической части и каково его состояние? Какой путь избрать для сохранения и восстановления того ценного художественного и исторического, что ещё осталось? Вот те мучительные вопросы, что неизбежно придётся решать нам.

Ни по занимаемой площади, ни по объёму населения нынешний город Йошкар-Ола не сопоставим с прежним Царевококшайском.

В настоящее время снесена большая часть исторических кварталов. Некоторые из них застроены художественно полноценными зданиями 30-50-х годов нашего века, эпохи своеобразного советского «ренессанса». Часть квартала, как правило, с нарушением исторически заданных красных линий, занята громоздкими, абсолютно не увязанными с исторической средой домами-монстрами. Это здание АТС на улице Советской и дома по улице К. Маркса (у бульвара Чавайна и Вознесенской церкви). Называем наи-

более вопиющие примеры. Все они детища нынешних йошкар-олинских градостроителей.

Но остались два-три участка старого города, где прежняя застройка снесена, но пока нет новой. Именно на них следует обратить особое внимание. Речь идёт, прежде всего, о квартале № 4, ограниченном улицами Советской, Красноармейской, К. Маркса, площадью Революции. Здесь уцелел ряд первоначальных зданий с южной и частично с восточной стороны. Соседство этого квартала с Вознесенской церковью, Воскресенским собором и Троицкой церковью (хотя здания последних двух пребывают в жалких остатках) говорит само за себя. Здесь место древней крепости, отсюда начинался город, и оно должно оставаться заповедным.

Здесь недопустима многоэтажная каменная застройка с её унифицированной безликостью. По существу, этот участок представляет единственный шанс, где можно воссоздать исторический квартал во всем его характерном (хотя бы внешне) своеобразии. И шанс этот нельзя не использовать.

При реализации застройки 4-го квартала возможны два варианта. Первый – буквальное повторение всех стоявших в последние годы зданий и существующих малых форм: заборов, ворот, скамеек, тротуаров. Второй – при сохранении оставшихся строений заполнить пустующие места копиями наиболее художественно ценных зданий из числа уничтоженных за последние десятилетия. В этом случае было бы возможным восстановление дома Таланцева с соответствующей усадьбой, а также создание мемориала жертв сталинских репрессий.

Сохранились, к счастью, ещё два уголка старого города, где всё дышит былой живописной Россией. Это цепочка кварталов по правому берегу Кокшаги, начиная от бывшего Вараксина (ныне ул. Чапаева) и кончая Вознесенским мостом. Здесь сохранилось всё или почти всё от старой застройки и старого ландшафта. Это район Набережной улицы.

Через реку прямо напротив стоит старинная слобода (Красноармейская). В 1920-е годы на берегу, рядом с ней, были открыты первый в городе стадион «Динамо» и водная станция. Районы Набережной и Слободки очень живописны, полны зелени, но страдают, увы, извечной бедой: дома, составляющие их застройку, особенно «жэковские», крайне изношены и лишены элементарных удобств. Это относится, прежде всего, к Слободе. Для обеспечения этих рай-

онов условиями современного комфорта нужны средства, и немалые. Сложность задачи и в том, что, обеспечивая жителей этих районов отоплением, водопроводом, канализацией, необходимо сохранить одновременно внешний облик наиболее ценных построек, ибо места эти заповедные.

Тем не менее, выход существует. Дома, совершенно аварийные и относящиеся к так называемой «фоновой» застройке, вполне правомерно заменить равновеликими им особняками, выполненными по индивидуальным проектам с учётом колорита места. Эти дома должны иметь весь комплекс необходимых удобств.

Дома особой значимости при реконструкции могут быть модернизированы путём добавления каменных пристроев с тыльной стороны – для размещения ванн, кухонь, санузлов. Следует отметить, что канализация в подобных случаях вовсе не обязательно должна иметь выход в общегородскую сеть: вполне допустимы индивидуальные отстойники, тем более что при каждом доме здесь имеются огороды.

И всё же, при любого рода работах на Набережной и Слободе, должны соблюдаться главные условия – сохранение колорита старого города, его ландшафтного характера.

Особого внимания требует проблема сохранения и реставрации культовых зданий (в дальнейшем воссоздания утраченных церквей и колоколен, столь важных в облике исторического

города). Все они являются памятниками архитектуры и, как таковые, не допускают никаких искажений, нарушения изначального вида, какими бы функциональными нуждами это ни вызывалось. Таков закон, принятый в цивилизованном мире. Прекрасно знают об этом в Министерстве культуры республики, работники Ульяновской реставрационной мастерской, курирующие работы на Вознесенском храме Йошкар-Олы. Тем не менее, восстановление этого храма ведётся с грубейшими искажениями первоначального облика. Произвол, игнорирование законодательства давно стали нормой в нашем, увы, не богоспасаемом городе.

И ещё об одном следует сказать. С течением времени невольно меняются оценки тех или иных явлений. В нашем случае получило объективную оценку построенное в г. Йошкар-Оле за советские годы. И при всех скидках на ностальгические чувства нельзя не признать, что построено было немало оригинальных красивых зданий. Жаль, что не оцененные последующими поколениями некоторые из них были сломаны. Тем более следует хранить то, что есть осталось от эпохи 20 – 50-х годов. В зданиях тех лет, в ансамблях, перспективах улиц и площадей запечатлены идеалы ушедших поколений, их святые, пусть и несбывающиеся, надежды на конечную победу добра.

АВТОБИОГРАФИЯ

Происхожу из фамилии потомственных земских учителей. Известно, что прадед мой, Дмитрий Васильевич Васильев, был сельским земским учителем в Казанской губернии. Земскими учителями служили и оба его сына, окончившие в начале века Казанскую учительскую семинарию, и бабушка моя. Учителем, а затем преподавателем в институтах Йошкар-Олы стала моя мать, по окончании в 1936 г. Московского педагогического института им. К. Либкнехта (на Разгуляе). Там, в Москве, 14 июня 1934 г. родился и я. Отец мой, окончивший московскую Тимирязевскую академию по кафедре гидротехники, в 1936 г. был арестован, в 1938 г. расстрелян (по 58 статье), в 1957 г. реабилитирован. Фактически не зная его, я воспитывался одной матерью, сопровождая её по местам её службы. Это были – Ульяновск, Калинин, поселок Черногубово. С 1938 по 1952 год жил в Йошкар-Оле, окончил там среднюю школу № 11 с золотой медалью.

Актом провидения стал для меня временный переезд меня и мамы летом 1945 г. в Ленинград. Там я впервые увидел подлинную, великую архитектуру, и те впечатления, поначалу не осознанные, определили впоследствии выбор профессии, саму службу.

В 1952 – 1958 гг. учился в Московском архитектурном институте, уже тогда педагогически бесплодном. Вышедшее в те времена правительственные постановление о пресловутых «архитектурных излишествах» и последовавшее за этим изменение педагогических установок окончательно дезориентировали учащуюся молодежь. Единственно ценным, что могло дать это учебное заведение, – было основательное знакомство с историей мировой архитектуры, градостроительства, изобразительного искусства вообще. Этому способствовала уникальная научная библиотека института.

15 сентября 1958 г., по распределению, был зачислен в Костромскую специальную научно-реставрационную производственную мастерскую, фактически, в силу своего авторитета, руко-

водимую тогда и впоследствии – Калерией Густавовной Тороп, главным архитектором мастерской. Блестящий организатор реставрационного дела, глубоко болеющая за судьбу памятников искусства, она была воспитателем целой группы молодых архитекторов и художников – и не только в узкопрофессиональном отношении. Заботясь о расширении их кругозора, она организовывала ознакомительные поездки по многим культурным центрам России.

Итак, с осени 1958 г. я работал в Костромской реставрационной мастерской. В круг моих обязанностей входили обмеры, исследования, составление проектов реставрации, их практическое осуществление – культовых и гражданских зданий Костромы. Они значатся в реестре памятников архитектуры. Не буду перечислять их здесь. Они указаны в прилагаемом общем списке. Укажу лишь на разнообразие объектов. Здесь были и храмы (каменные и деревянные), монастырские здания разной степени сложности (в основном каменные), монастырские стены, ворота к ним, иконостасы, паникадила, часовни, разнообразная мебель в старые здания. Из гражданских зданий – жилые дома (деревянные и каменные), костромская каланча, торговые ряды, крестьянские деревянные усадьбы, мемориальный комплекс усадьбы «Щёлыково».

Попутно, числясь в КСНРПМ, пришлось работать в с. Шушенском Красноярского края, при создании мемориального Ленинского комплекса. Был командирован туда Министерством культуры СССР в январе 1969 г. Командировку продолжили и в начале 1970 г. В 1969 г. участвовал в создании Ленинской мемориальной усадьбы в г. Минусинске.

За проделанную в Шушенском работу в 1970 г. утверждён участником ВДНХ СССР, удостоен звания Заслуженного работника культуры РСФСР (указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 9 апреля 1971 г.).

В 1974 – 1975 гг., по ходатайству Министерства культуры РСФСР, был командирован в г. Иркутск для участия в работе по созданию мемориала «Сибирская ссылка декабристов».

Архив автора. Публикуется впервые. (Іð ё і. ðää.)

Обмерил, провёл натурные исследования, составил проект реставрации дома княгини М.Н. Волконской. Работал над усадебными постройками.

Вкусив прелесть странствий (может, подчас и сомнительную), весною 1976 г., почти неожиданно для себя, я поддался на настойчивые приглашения из Рязанской реставрационной мастерской и перешёл к ним. Оглядываясь в прошлое и признавая все минусы сделанного тогда шага, всё же должен сказать: ни о чём не жалею. В Рязани, точнее – в Солотчинском монастыре, мне привелось работать на первоклассном памятнике архитектуры, школы нарышкинского барокко, – церкви Сошествия Святого Духа.

К сожалению, срок моего жительства там был недолгим. У меня не было жилья.

В конце декабря 1977 г., по приглашению Ярославский реставрационной мастерской, я оказался в Ярославле. Здесь проработал по март 1986 г. Семь лет из этого срока был главным архитектором мастерской. Среди работ этой поры – памятники архитектуры Ярославля, Ростова Великого, Тутаева. Наряду с этим выполнял немало других работ (среди них две беседки-ротонды на Волжской набережной Ярославля).

В марте 1986 г., закончив круг странствий, возвратился в Костромскую реставрационную мастерскую, в то время ещё дееспособную. Из реставрационных объектов последних лет, с которыми работал, можно упомянуть церковь Ильи Пророка на Городище, церковь Ильи Пророка на Русиной улице, церковь Вознесения на Дебре. Главной же работой этой поры стало составление проекта полного восстановления соборного ансамбля Костромского кремля. Мне выпала честь работать

над главным зданием ансамбля – кафедральным Богоявленским собором, с его 65-метровой колокольней. Сделан проект стоявшей неподалеку Царской беседки.

Кремлевский ансамбль г. Костромы включая в себя Богоявленский и Успенский соборы, ограду с несколькими воротами, в том числе – Святыми. На все из них сделаны рабочие чертежи. Что касается двух соборных домов, входивших в комплекс, они, к счастью, сохранились.

Выпавшая на мою долю, в последние годы, болезнь обоих глаз, операции на них надолго вывели меня из строя. Работать приходилось с трудом, урывками. Затем стала болеть моя мать, жившая в г. Йошкар-Оле. Последние три года, большей частью, я провел там, подле неё.

И там я работал на памятниках архитектуры, в основном на культовых зданиях. Проектировал, вёл практические работы на общественных началах. Сотрудничал с местным отделением Общества охраны памятников, выступал в местной печати с защитой архитектурного наследия.

Через неполных 10 лет по возвращении в Кострому я удостоверился в окончательном развале реставрационной мастерской, некогда славной по всей России. С 15 июля 1995 г., по приглашению епископа Костромского и Галичского Александра, перешёл на службу в Костромскую епархию, на должность епархиального архитектора.

Я вижу в этом последнюю возможность быть полезным, помочь в восстановлении памятников русского зодчества. А их так много гибнет вокруг.

15 октября 1995 г.

ПЕРЕЧЕНЬ ОСНОВНЫХ ПРОЕКТНЫХ И НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ РАБОТ, ВЫПОЛНЕННЫХ Л. С. ВАСИЛЬЕВЫМ В 1958 – 2005 ГГ.

КОСТРОМА:

Реставрация с приспособлением под магазины торговых рядов:

- 1) Красные ряды,
- 2) Большие Мучные,
- 3) Квасные,
- 4) Пряничные с Никольской часовней,
- 5) Табачные,
- 6) 5-й корпус Рыбных рядов.

Костромской кремль:

- 7) Кафедральный Богоявленский собор (не осуществлен),
- 8) Царская беседка (не осуществлен).

ИПАТЬЕВСКИЙ МОНАСТЫРЬ:

- 9) Троицкий собор,
- 10) Архиерейский корпус (осуществлен),
- 11) Братский корпус, 2-й этаж,
- 12) Ограда: стены и ворота.

МОНАСТЫРИ, ЦЕРКВИ, ЧАСОВНИ:

- 13) Церковь Иоанна Предтечи (не осуществлен),
- 14) Церковь Воскресения на площадке (не осуществлен),
- 15) Церковь Иоанна Богослова в Ипатьевской слободе (осуществлен),
- 16) Церковь Воскресения на Дебре,
- 17) Церковь Вознесения на Дебре (осуществлен частично),
- 18) Церковь Ильи Пророка на Русиной улице (не осуществлен),

- 19) Знаменская церковь на Дебре,
- 20) Церковь Спаса в рядах с колокольней (осуществлен),
- 21) Ильинская церковь за Волгой (осуществлен),
- 22) Спасская церковь за Волгой (осуществлен),
- 23) Феодоровская часовня на Святом озере (осуществлен),
- 24) Часовня Богоявленского монастыря,
- 25) Мемориальный комплекс с часовней и видовой площадкой на Городище за Волгой (не осуществлен),
- 26) Часовня Феодора Стратилата у Вечного огня (осуществлен),
- 27) Главные ворота и западная стена Богоявленского монастыря (осуществлен),
- 28) Сестринский корпус Знаменского монастыря (осуществлен).

ГРАЖДАНСКИЕ ЗДАНИЯ:

- 29) Дом училища слепых (осуществлен),
- 30) Дом Акатова на Русиной улице,
- 31) Дом № 19 на Русиной улице,
- 32) Дом № 21 на Русиной улице,
- 33) Новый корпус культпросветучилища в Банковском переулке,
- 34) Церковный дом на углу Лавровской и Сенной (не осуществлен),
- 35) Присутственные места (не осуществлен),
- 36) Магазин «Цветы»,
- 37) Дом № 31 на ул. Комсомольской,
- 38) Служебное здание в ограде Ильинской церкви за Волгой (осуществлен).

КОСТРОМСКАЯ ОБЛАСТЬ:**МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК
А.Н.ОСТРОВСКОГО
«ЩЕЛЫКОВО»:**

- 39) Мемориальный дом,
 40) Гостевой дом (не осуществлен),
 41) Голубой дом (осуществлен),
 42) Усадьба Соболева (осуществлен),
 43) Никольская церковь с оградой в Николо-Бережках (осуществлен).

**МАКАРИЕВО-УНЖЕНСКИЙ
МОНАСТЫРЬ:**

- 44) Часовня,
 45) Успенская церковь,
 46) Макариевская церковь.

**АВРААМИЕВО-ГОРОДЕЦКИЙ
МОНАСТЫРЬ:**

- 47) Покровская церковь,
 48) Никольская церковь (осуществлен).

**МАКАРИЕВО-ПИСЕМСКИЙ
МОНАСТЫРЬ:**

- 49) Сестринский корпус (осуществлен).

ГАЛИЧ:

- 50) Колокольня церкви Василия Великого в г. Галиче (осуществлен).
 51) Корпус 2? торговых рядов в Галиче.

**КРАСНОЯРСКИЙ КРАЙ
И ИРКУТСК:**

- Проекты мемориалов сибирской ссылки В.И. Ленина и сибирской ссылки декабристов:
 52) Волостная управа с острогом (Шушенское),
 53) Дом Лаузера (там же),
 54) Дом Черкашина (там же) и др. – всего 19 построек,
 55) Дом княгини М. Н. Волконской с надворными постройками в г. Иркутске (осуществлен),
 56) Мемориал В.И. Ленина в Минусинске (осуществлен).

РЯЗАНЬ:

- 57) Дом Рюмина,
 58) Дом по ул. Щедрина,
 59) Духовская церковь Солотчинского монастыря.

ЯРОСЛАВЛЬ:

- 60) Церковь Дмитрия Солунского в Ярославле,
 61) Церковь Иоанна Предтечи в Толчкове,
 62) Церковь Ильи Пророка,
 63) Часовня Александра Невского,
 64) Церковь Ярославских чудотворцев Спасского монастыря,
 65) Звонница (там же),
 66) Ризница (там же),
 67) Усадьба губернатора,
 68) Видовая беседка на Волжской набережной,
 69) Видовая беседка на набережной р. Которосли,
 70) Памятник 1000-летию Ярославля на Стрелке,
 71) Музей-усадьба Некрасова в Карабихе.

РОСТОВ ВЕЛИКИЙ:

- 72) Церковь Бориса и Глеба,
 73) Часовня,
 74) Звонница,
 75) Иераршие палаты,
 76) Спасо-Яковлевский монастырь,
 77) Богословский монастырь,
 78) Торговые ряды.

**ЙОШКАР-ОЛА
И РЕСПУБЛИКА МАРИЙ ЭЛ:**

- 79) Троицкая церковь в г. Йошкар-Оле.
 80) Тихвинская церковь в г. Йошкар-Оле.
 81) Вознесенский собор в г. Йошкар-Оле.
 82) Дом Пчелина в г. Йошкар-Оле.
 83) Соборный комплекс Ежово-Мироносицкого монастыря.
 84) Казанская церковь, с. Нурма.

ФРАНЦИЯ. СИЛЬВАНЭЗ

- 85). Церковь Троицы (осуществлен).

Ñåðääé Äðèäïðüääè÷ Bãiääöîâ.
Êðàñíîëîëøàéñê, 1926 ä.

Äëåíà Ñåì, ííáíà Äàñèëüääà.
1928 ä.

Ë, íå÷éà Äàñèëüää (âòîðíé ñëåâà) à êðóääó áëëçêèô.
Êîøéàð-Íéà, 13 èþíÿ 1939 ä.

Н.А. Зонтиков

РЕСТАВРАТОР. ПОДВИЖНИК. ЗОДЧИЙ

Данная книга представляет собой собрание работ выдающегося костромского архитектора-реставратора Л.С. Васильева, посвящённых реставрации памятников архитектуры Костромы и Костромской области за почти пятидесятилетний период, начиная от конца 50-х годов XX в.

Леонид Сергеевич Васильев родился 14 июня 1934 г. в Москве. Его отец – Сергей Григорьевич Ягодаров (1908 – 1938 гг.), его мать – Елена Семёновна Васильева (1910 – 1995 гг.). Все предки Л.С. Васильева по отцовской линии были крестьянами Казанской губернии. По материнской линии он принадлежал к старому учительскому роду. Его прадед, Дмитрий Васильевич Васильев (+ 1928 г.), был сельским земским учителем в Царевококшайском уезде Казанской губернии. Учителями служили и оба его сына, в том числе и дед Леонида Сергеевича, Семён Дмитриевич Васильев (1886 – 1978 гг.). Всю жизнь проработала учительницей и его мать Елена Семёновна, окончившая в 1928 г. педагогическое училище в Йошкар-Оле и в 1936 г. – Московский пединститут им. Карла Либкнехта (на Разгуляе).

Вскоре после рождения Леонида его родители разошлись, однако это нерадостное для любой семьи событие в обстановке того времени обернулось благом и для матери Леонида Сергеевича и для него самого. В 1936 г. С. Г. Ягодаров, молодой инженер-гидротехник Марбумстрой, работавший тогда в посёлке Водостроя в Марийской АССР, был арестован и обвинен во вредительстве. 10 мая 1938 г. Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила его к расстрелу. Приговор был приведён в исполнение в Казани*.

* 3 августа 1957 г. определением Военной коллегии Верховного суда СССР приговор от 10 мая 1938 г. в отношении С.Г. Ягодарова был отменён и дело прекращено за отсутствием состава преступления.

Кто знает, как сложилась бы судьба Елены Семёновны и маленького Леонида, если бы С.Г. Ягодаров не ушёл из семьи.

С 1938 г. Леонид жил с матерью в Йошкар-Оле. Бывший уездный город Казанской губернии Царевококшайск, в советское время превратившийся в столицу автономной Марийской Советской Социалистической Республики и дважды после революции сменивший своё название**, по сути, стал его родным городом***.

Значительная часть детства Леонида Сергеевича пришлась на годы Великой Отечественной войны. В самом начале Сталинградской битвы, 1 сентября 1942 г., он пошёл в первый класс.

Øeîëà, ãäå ó÷eëñü Ë. Åàñèëüâ.
1940-å - 1950-å ãä.

[Прокуратура республики Марий Эл. Справка о реабилитации С.Г. Ягодарова от 9.02.1994 г. // Архив Л.С. Васильева]

** В 1919 г. Царевококшайск был переименован в Краснококшайск, а в 1927 г. – в Йошкар-Ола (по-марийски – красный город).

*** Впоследствии по проектам Л.С. Васильева в Марийской АССР (республике Марий-Эл) был восстановлен ряд важнейших памятников архитектуры, архитектурному наследию старого Царевококшайска он посвятил одну из своих статей (см. стр. 000-000 наст. изд.).

Åëåíà Ñâì, ííåíà Åàñèëüåâà.
1930-å - 1940-å åä.

Л.С. Васильев рано определился со своим профессиональным выбором. Позднее он вспоминал об обстоятельствах, повлиявших на это. Летом 1945 г. он с матерью впервые побывал в Ленинграде, что позднее назвал «актом провидения». «Там, — писал Л.С. Васильев, — я впервые увидел подлинную, великую архитектуру, и те впечатления, понапачку не осознанные, определили впоследствии выбор профессии <...>»*.

Летом 1952 г. Л.С. Васильев с золотой медалью окончил в Йошкар-Оле среднюю школу № 11 и тем же летом поступил в Московский архитектурный институт. В этом институте, находившемся в историческом дворце графа И.И. Воронцова на старомосковской Рождественке, незадолго до этого переименованной в улицу Жданова, Л.С. Васильев проучился шесть лет. Об институте того времени у Леонида Сергеевича осталось впечатление, что как вуз он был тогда «педагогически бесплодным». «Вышедшее в те времена правительственные постановление о пресловутых “архитектурных излишествах”, — писал Л.С. Василь-

**** Васильев Л.С. Автобиография (см. стр. 000-000 наст. изд.).

Ë. Åàñèëüåâ (ñëåâà) íà äðóæåñêîé åå÷äðèíêå.
1950-å åä.

Ё. Ааңеёйә â ïàïîé.
1950-â ãã.

ев, – и последовавшее за этим изменение педагогических установок окончательно дезориентировали учащуюся молодежь. Единственное ценным, что могло дать это учебное заведение, – было основательное знакомство с историей мировой архитектуры, градостроительства, изобразительного искусства вообще. Этому способствовала уникальная научная библиотека института»*.

По завершению в 1958 г. института Л.С. Васильев получил распределение в Кострому – на должность архитектора Костромской реставрационной мастерской. С этого времени Кострома и Костромской край навсегда вошли в его жизнь.

Первым памятником в Костроме, реставрированном по проекту Л.С. Васильева, стала церковь Иоанна Богослова в Ипатьевской (в то время – Трудовой) слободе**. Этот храм, возведённый в конце XVII в., вблизи от стен Ипатьевского монастыря, был сильно перестроен в начале XX в. На рубеже 50 и 60-х годов церкви в основном удалось возвратить первоначальный облик.

В 60-е годы Л.С. Васильев много работал в Ипатьевском монастыре, где по его проектам проведена реставрация стен и ворот, Троицкого собора, Архиерейского и Братского корпусов.

* Васильев Л.С. Автобиография (см. стр. 000-000 наст. изд.).

** См. стр. 000-000 наст. изд.

Ё.Н. Ааңеёйә â Ùåëëûêîâi.
1966 â.

Ё.Н. Аанеёоаа.
1960-å å.ä.

А Найяо о
Øøåíñéïäî.
Èþëü 1969 å.

*Іоцәе-çәїләәәиә «Øоøаіñеїа».
Ñеаâа - іәеі еç ääðââаіñеёö ääїїа,
пїðââа - äї ेðâñðўїеїа А. Ä. Çûðүїїа,
ä ेїðїїи ә іäðâүе әїа пїүеёе әеёе А. E. Еаїеї.*

По проектам архитектора восстановлено множество памятников и за пределами Костромской области – в Москве, Ярославле, Рязани, Ростове Великом, Йошкар-Оле и других местах. Особая страница в его жизни связана с Сибирью. В январе 1969 г., накануне 100-летия со дня рождения В.И. Ленина, Леонид Сергеевич был командирован в Красноярский край, в место ленинской ссылки – в мемориальное Шушенское. В этом историческом сибирском селе по его про-

ектам восстановлено 19 различных объектов. К сожалению, не удалось заново возвести разрушенную в 30-е годы церковь, в которой во время ссылки обвенчались В.И. Ленин и Н.К. Крупская: стоящий перед церковным аналоем вождь революции плохо вязался с официальным пропагандистским каноном и разрешения на восстановления данного «объекта» добиться не удалось. Именно за работу в Шушенском, занимающую в творческой биографии Л.С. Васильева достаточно скромное место, указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 9 апреля 1971 г. ему было присвоено звание Заслуженного работника культуры РСФСР. Продолжением работы в Шушенском стала командировка Леонида Сергеевича в 1974–1975 гг. в Иркутск, где по его проекту прошла реставрация дома княгини М.Н. Волконской, в котором разместился «Музей сибирской ссылки декабристов». Весной 1976 г. Л.С. Васильев был приглашён в Рязань, в Рязанскую реставрационную ма-

*Äї ेї. N.Ä.Äiёеїñеїї (їїñòðїїа ә 1838 ә һ пїаёа
Øдее, ә 1847 ә іäðâїаñ, ի ә
Èðêоòñе). Äї ेїїа 1850-ö
äїäїа әї ң+еðаёñү
їїеї әç ेё÷øёö ә +еñеї
їїäїїїї әїðїїеё
їїпòðїїе.*

"Реставрация усадьбы началась в 1974 г (авторы проекта – Л.С.Васильев, Е.Ю.Барановский, г. Москва). Был восстановлен комплекс надворных построек: каретник, конюшня, людская изба, амбар с погребом, хлев для до-

Êїрøїу ىðè әїїа Äiёеїñеё

машних животных. Дому возвращен его первоначальный вид. Восстановлена планировка комнат. По архивным материалам определено назначение комнат". [<http://kultura.irkutsk.ru/ru/museum/museumdekabristov/history/>]

Е.Н.Аннеенская.
Альбом
1970 г.
Оригинал А.И.Овсянникова

Водоцерковь. Храм в честь Казанской иконы Божией Матери. Ярославль. 1983 г.

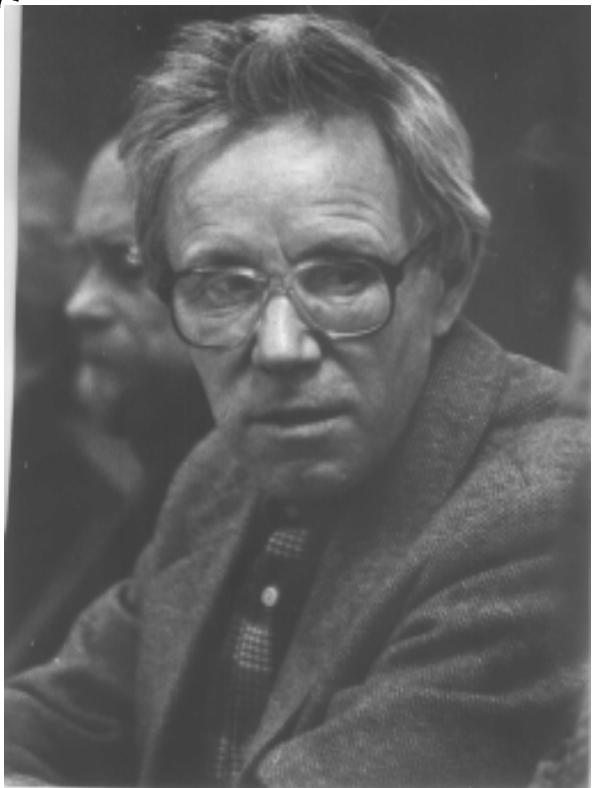

стерскую. Впрочем, в Рязани он проработал недолго. В конце декабря 1977 г. Леонид Сергеевич переехал в Ярославль. Здесь он проработал до начала 1986 г., семь лет занимая пост главного архитектора Ярославской реставрационной мастерской.

В марте 1986 г. Л.С. Васильев вернулся в Кострому.

Хотите?

*Ё.Н. Аàпèёüâ â Èñòðîâ,
âòîðàû ïéëåèíà 1980-ô å.ä.
Ôîòî À.À.Øèëåèíâ*

С именем Л.С. Васильева навсегда останется связано восстановление первых вертикалей колоколен Костромы, разрушенных в 30-е годы XX в., и первой из них стала колокольня церкви Спаса в рядах. Причём главная трудность состояла вовсе не в составлении проекта колокольни, от которой не сохранилось ни первоначальных чертежей, ни поздних обмеров – и воссоздавать утраченное пришлось лишь по фотографиям (что крайне сложно), – а в том, чтобы убедить тех, от кого это зависело (т.е. тех, кто всё ещё закоренело считал религию – опиумом народа, а храмы – очагами религиозного дурмана), в необходимости воссоздания этой вертикали в центре города, входящего в «Золотое кольцо» России. С немальным трудом это удалось, и в 1975–1976 гг. увенчанная золотым шпилем колокольня, творение С.А. Воротилова, вновь вознеслась над аркадой Красных рядов. Правда, в последнюю минуту последовал категорический запрет на установку на шпиль колокольни креста, и свыше 25 лет шпиль венчал позолоченный штырь. Колокольня церкви Спаса в рядах стала первой возрождённой колокольней в Костроме и области, одной из первых в России.

Вторая вертикаль была воссоздана во второй половине 70-х годов, когда по проекту Л.С. Васильева прошла реставрация полуразрушенной церкви Спаса за Волгой. Вновь поднявшийся белый граненый шатер колокольни XVII в. сразу ожидал панораму Заволжской части Костромы.

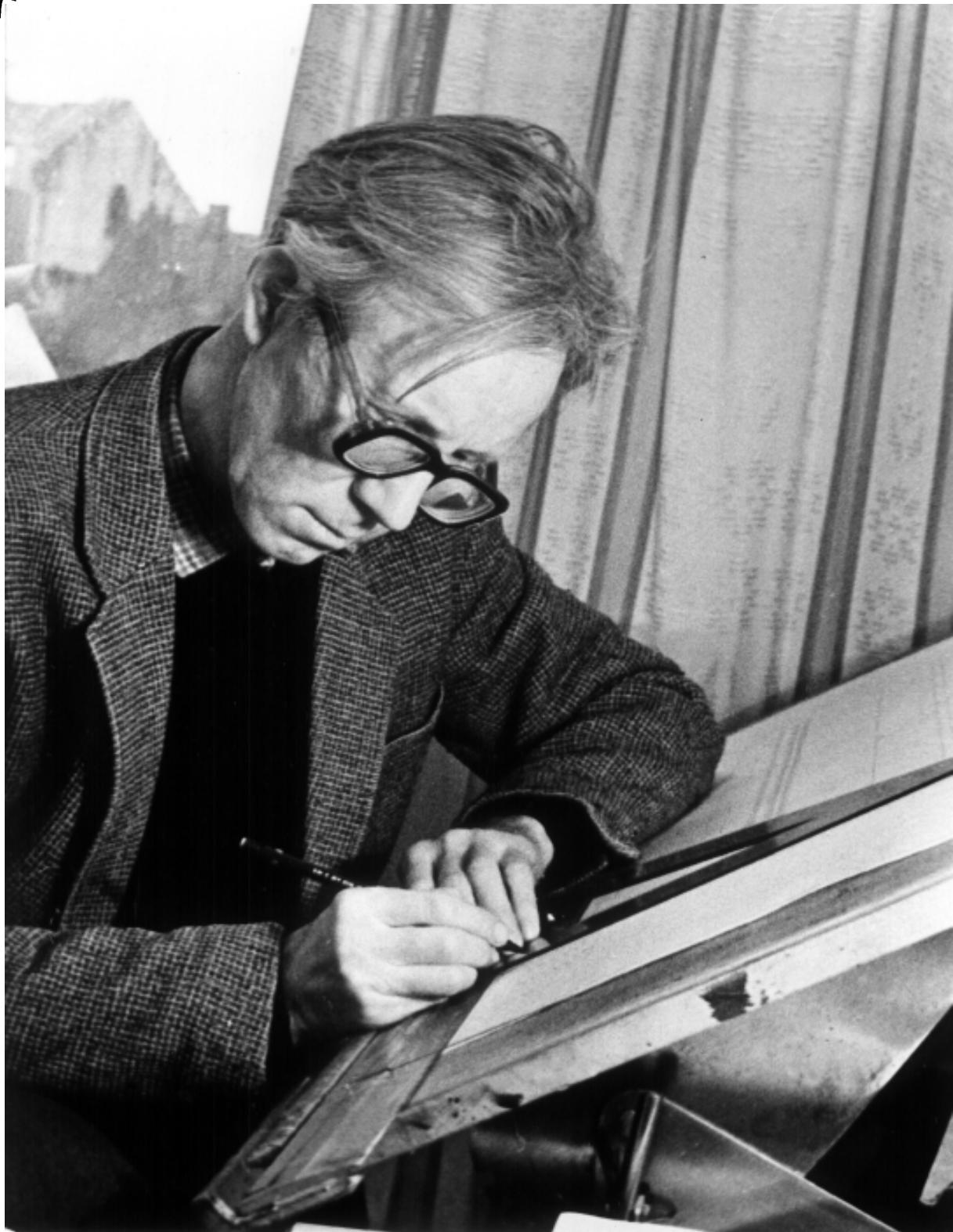
В середине 80-х годов Л.С. Васильевым выполнил проект восстановления одного из главных шедевров костромского зодчества XVII в. – церкви Вознесения на Дебре. Возрождение храма после долгих проволочек и сложностей (в полуразрушенной в 30-е годы церкви, переоборудованной в послевоенное время в двухэтажный дом, жили люди) началось в 1986 г. В последующие несколько лет, под постоянным надзором архитектора, реставраторы выполнили большой объём работ, в частности – заново возвели разрушенную шатровую колокольню. Уже вот-вот должно было начаться восстановление пятиглавия храма с его поразительным декоративным узорочьем барабанов глав, равному которому нет нигде в России. К сожалению, после 1991 г. недореставрированный храм с колокольней, окружённый сгнившими лесами, стоит заброшенным, несмотря на то, что находится под самыми окнами здания областной администрации на Муравьёвке. Заброшенность храма и неопределенность его судьбы – постоянная рана в сердце Леонида Сергеевича...

Одним из наиболее любимых «объектов» Л.С. Васильева является церковь Воскресения на Дебре. Еще в начале 60-х годов в результате натурных исследований им был выполнен ряд графических реконструкций облика церкви в разные периоды её истории. В конце 90-х годов началось восстановление её разрушенной колокольни – четвёртой возрождённой в Костроме по проекту Л. С. Васильева. 26 сентября 2001 г. воссозданная колокольня была освящена архиепископом Костромским и Галичским Александром, и теперь её бело-голубая вертикаль (Леониду Сергеевичу удалось установить её первоначальную раскраску) встречает каждого, кто въезжает в левобережную часть города по мосту через Волгу.

Несколько десятилетий в жизни Леонида Сергеевича связано с Ильинским (Христорождественским) храмом в бывшем селе Городище в Заволжской части Костромы, воздвигнутым в середине XVII в. боярами Морозовыми. Ещё в 60-е годы, когда храм стоял ободранный и заброшенный, архитектору в результате натурных исследований удалось восстановить на бумаге его первоначальный облик. В 1986 г. по его про-

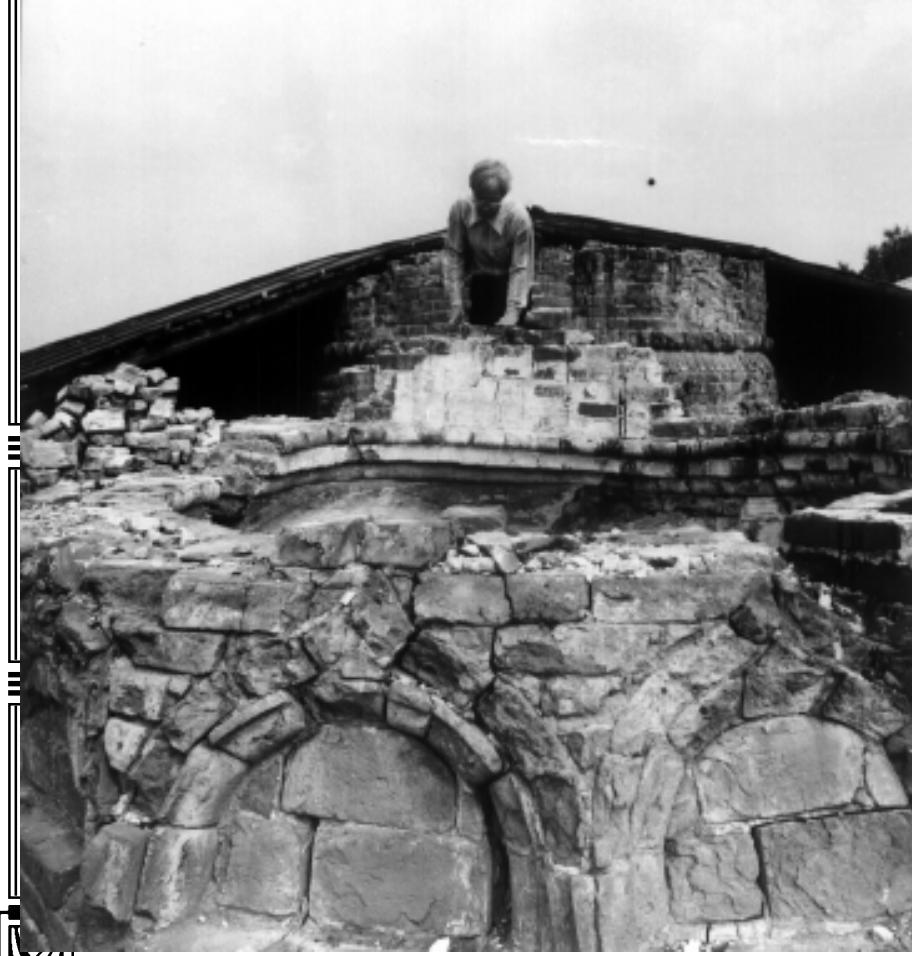
Ë.N. Añõõüäâ â Ëîñòðîâ,
âòîðàÿ ïëîâèà 1980-õ ã.ã.

Ë.Ñ. Åàñèëüåâ à Ëîñòðîå, 1989 å.
Ô î òî Ä.Í. Ååëÿéîå

Ë. N. Åàñèëüåâ íà åîçâåäåíèè iðèñòðîéêè è Èëüèíñéïó õðàìó â Èíñòðîâ,
27 àâäóñòà 1991 å.
Ô î òî Ä. I. Áåëÿéîâ

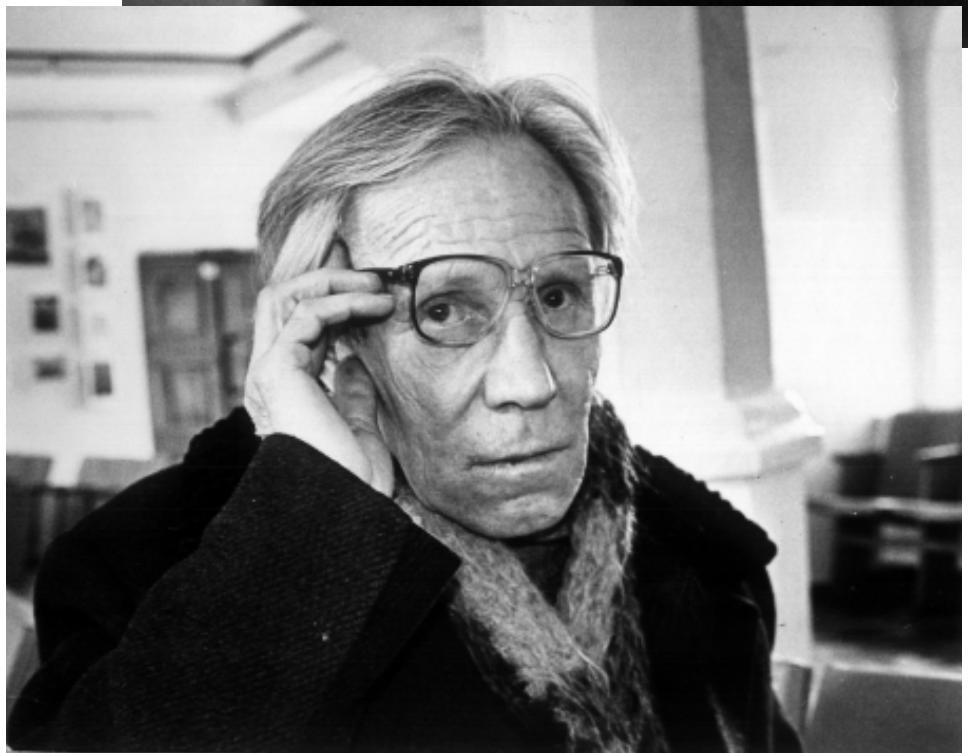
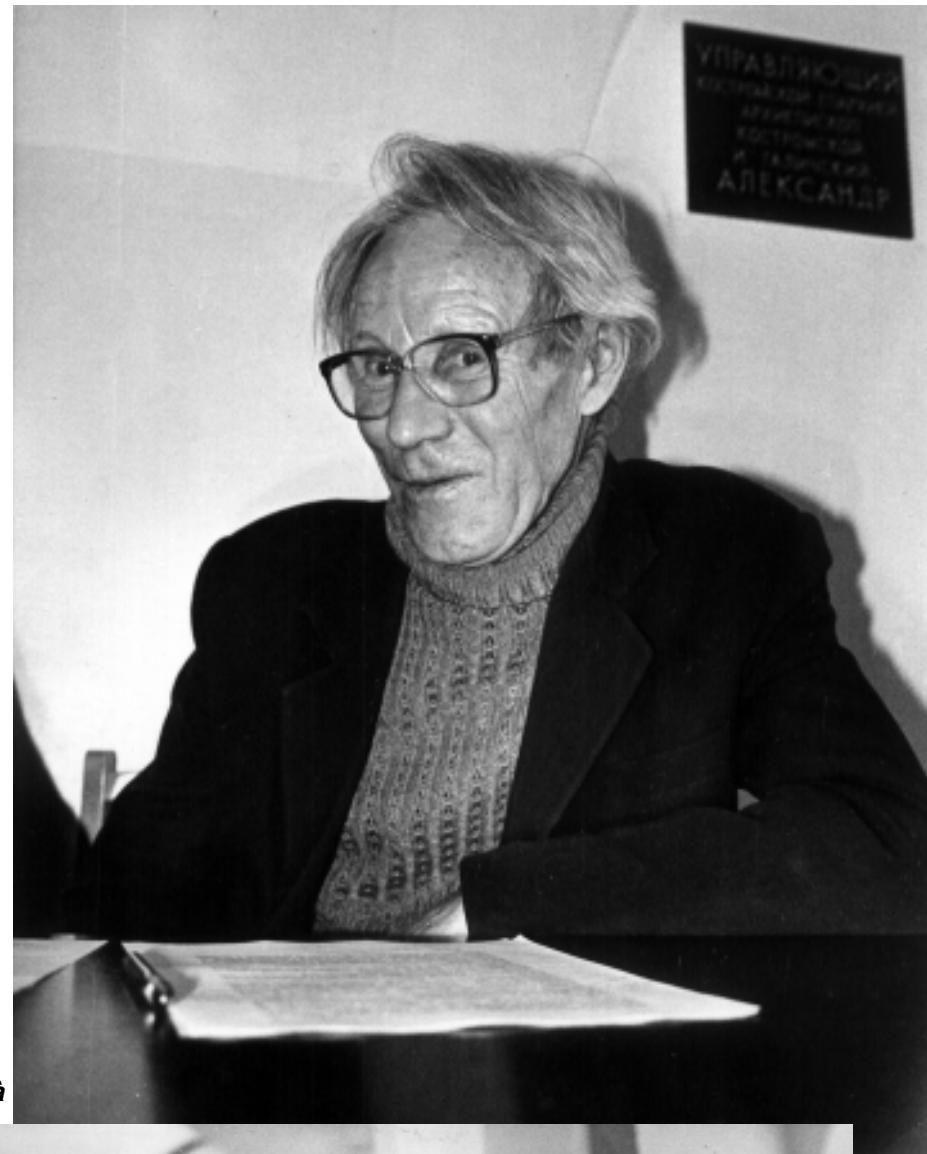

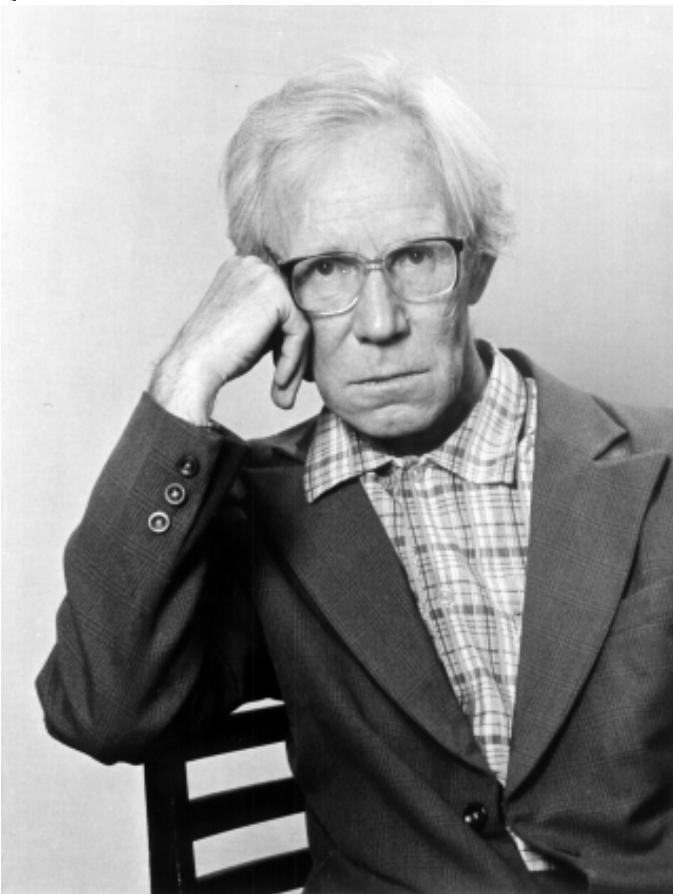
Ё.Н. Ааñеëüåâ
íà ååðøèíå Öåðêåè
Åíçíåñåíéý íà Äåáå
å Èîñòðîå,
êíåö 1980-õ -
íà-àëî 1990-õ å.ä.

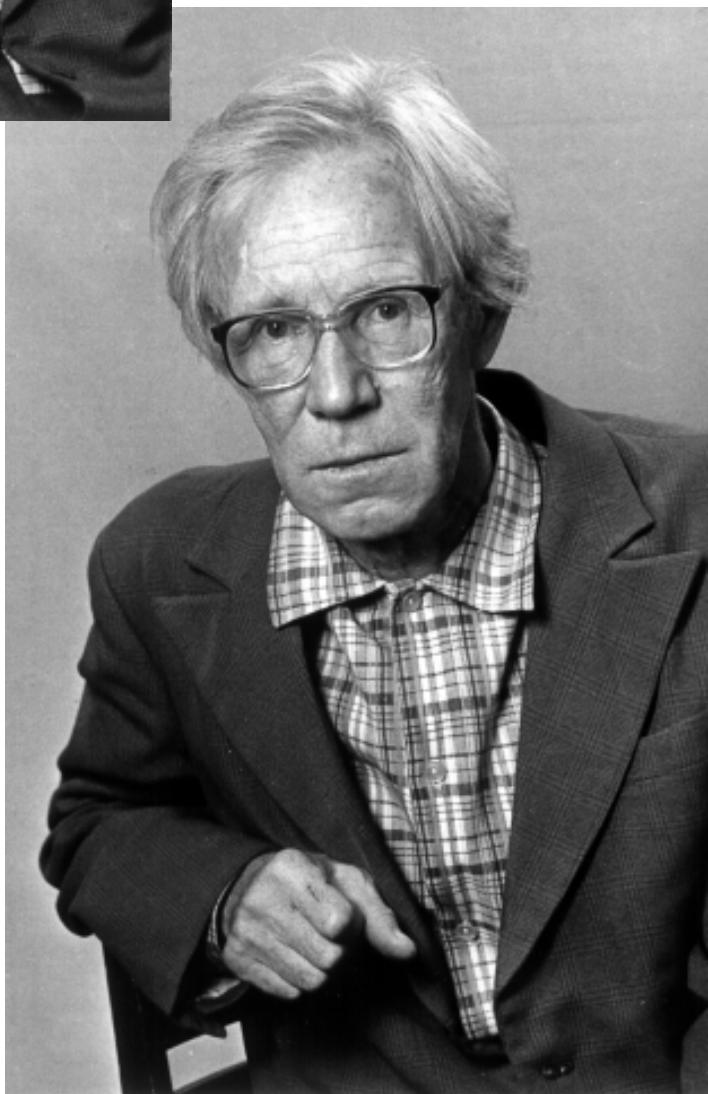
Ë.N. Âàñèëüåâ â ìàêàðüåâå, 7 àââóñòà 1997 å.
Ôîòî A.A. Áíîõèíà

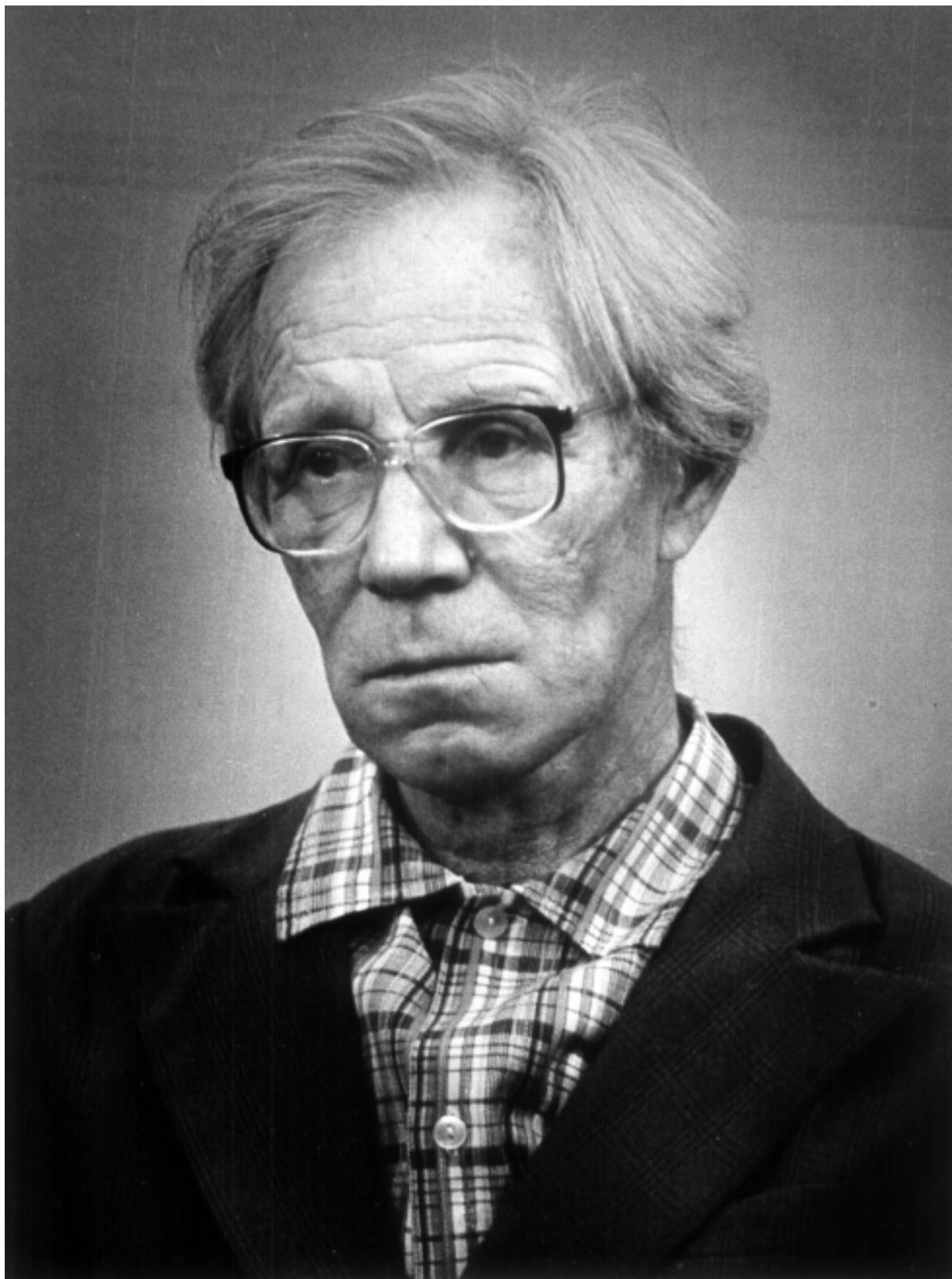
Ë.Ñ. Åàñèëüåâ
Ååñíà 1999 á.
Ôîòî Å.Å.Áåëèòñîâà

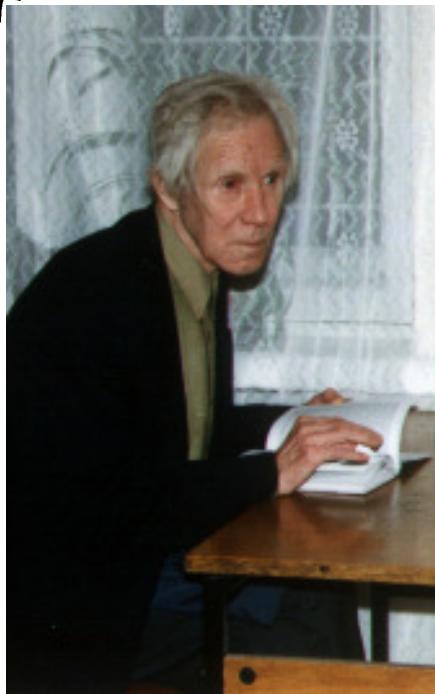
Ë.Ñ. Âàñèëüââ
1999 ã.
Ôîòî À.Í. Ñûðîìÿòíèêîâà

Ë.Ñ. Âàñèëüåâ
1999 å.
Ôîòî À.Í. Ñûðîìÿòíèêîâ

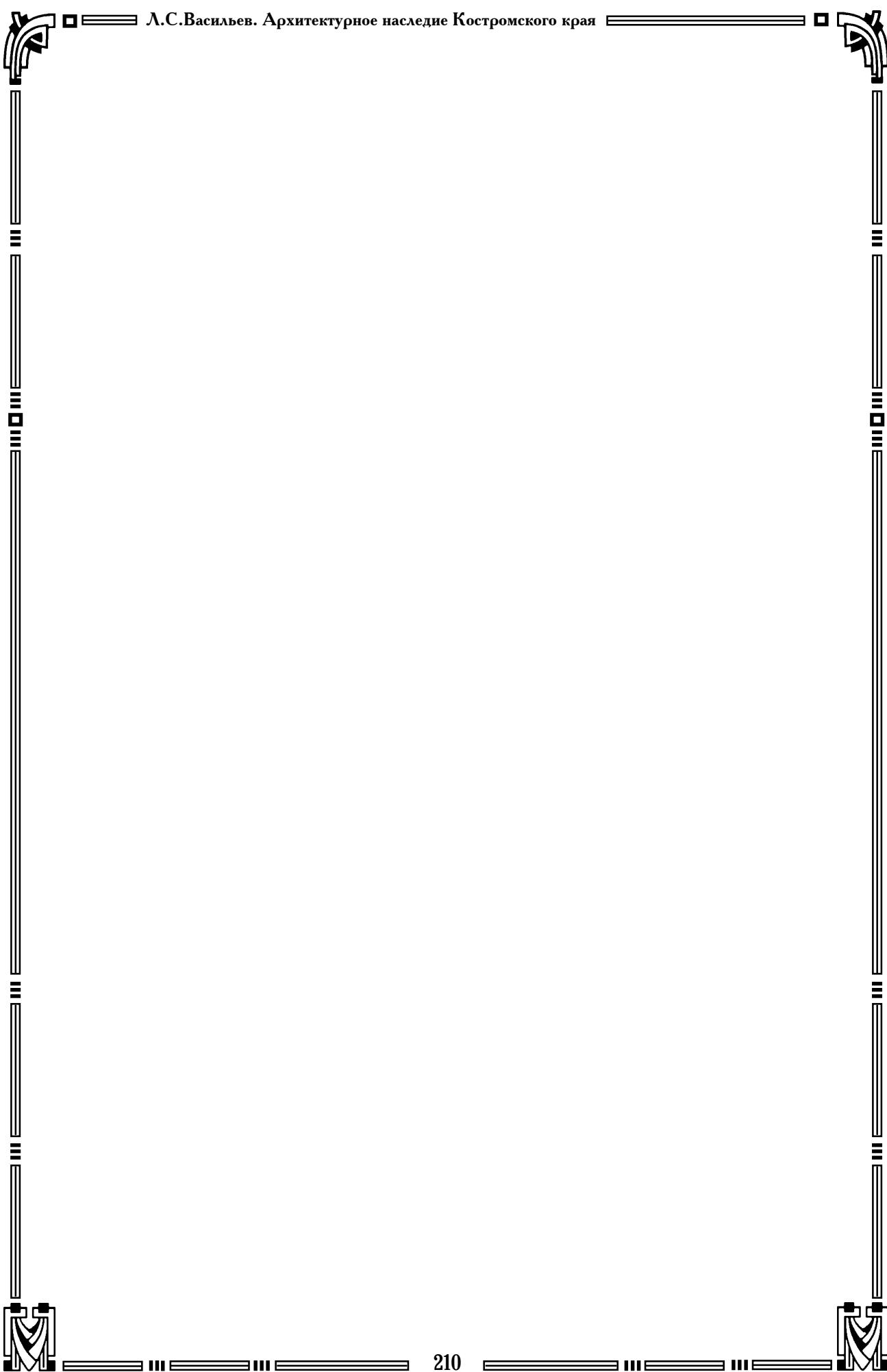
21. Макарьев. Успенская церковь Макарьево-Унженского монастыря

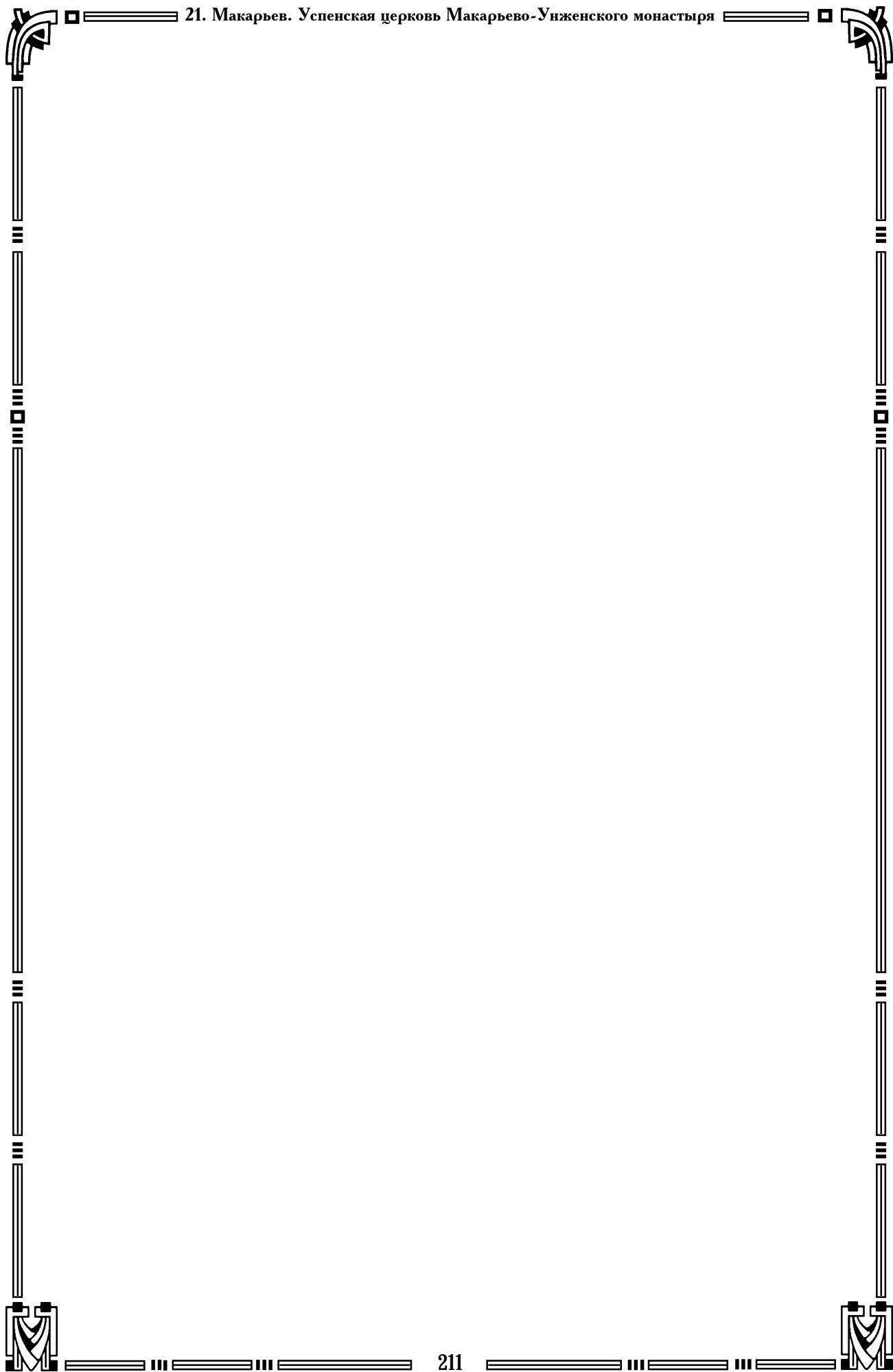

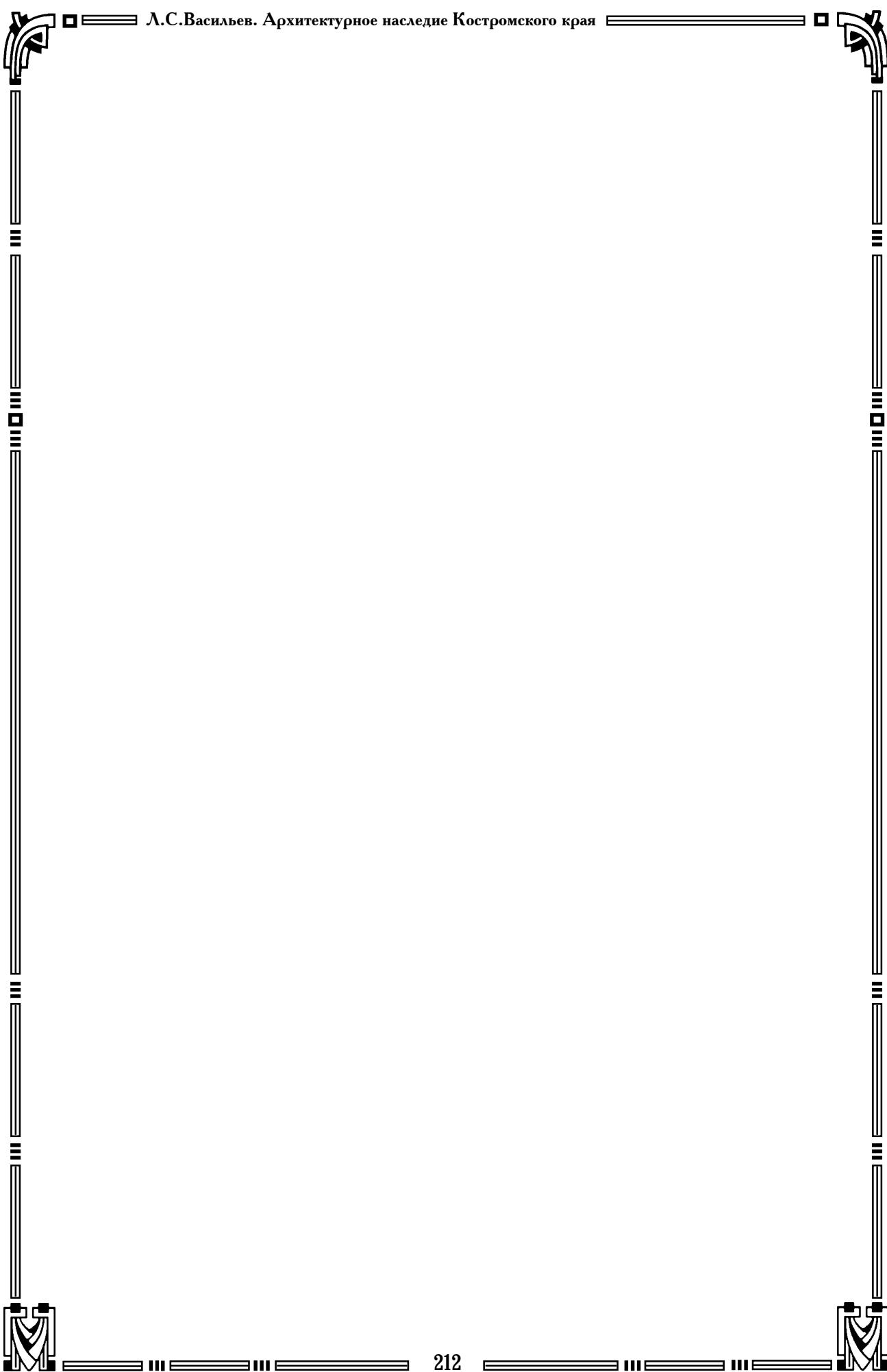
21. Макарьев. Успенская церковь Макарьево-Унженского монастыря

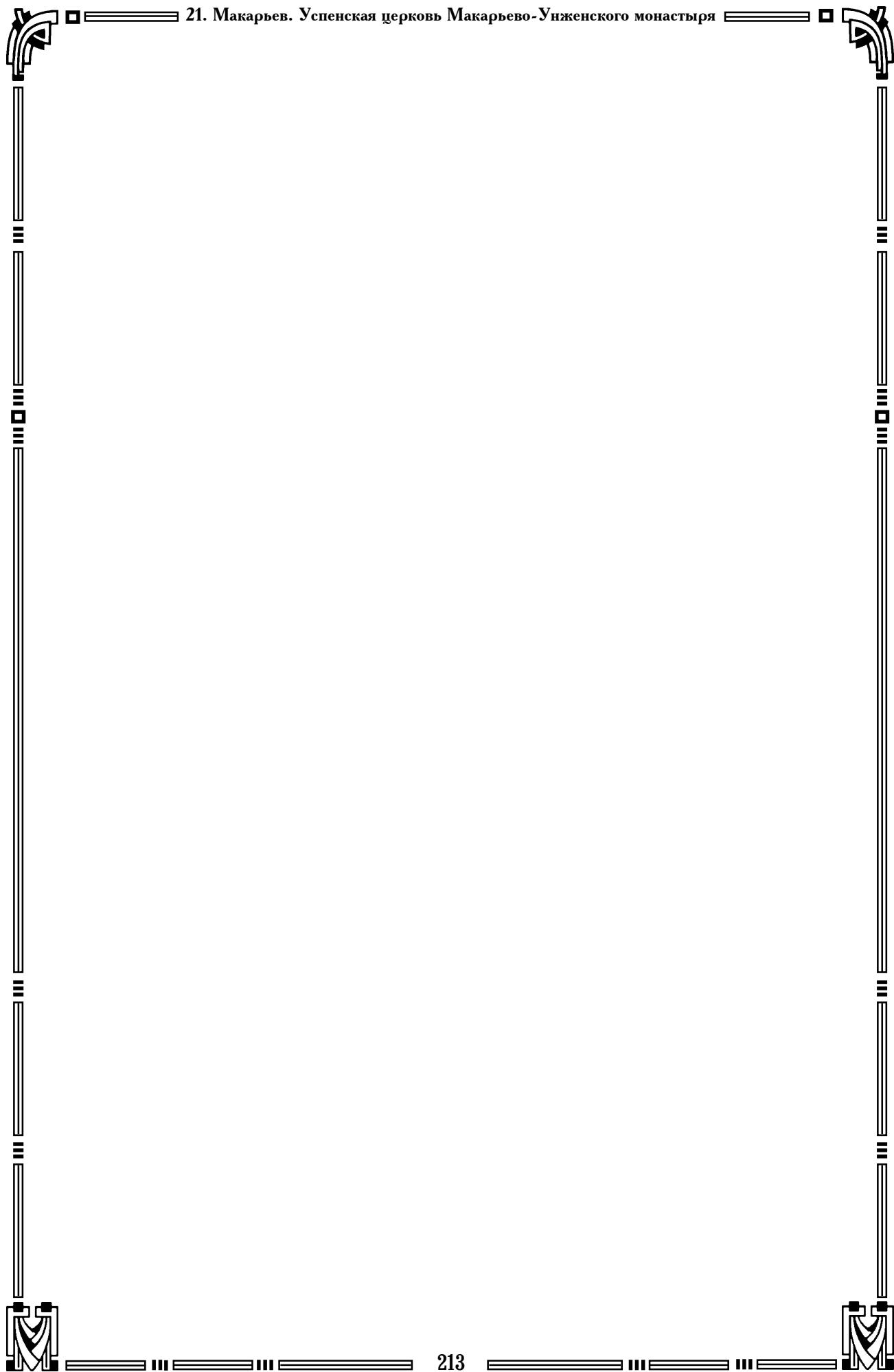

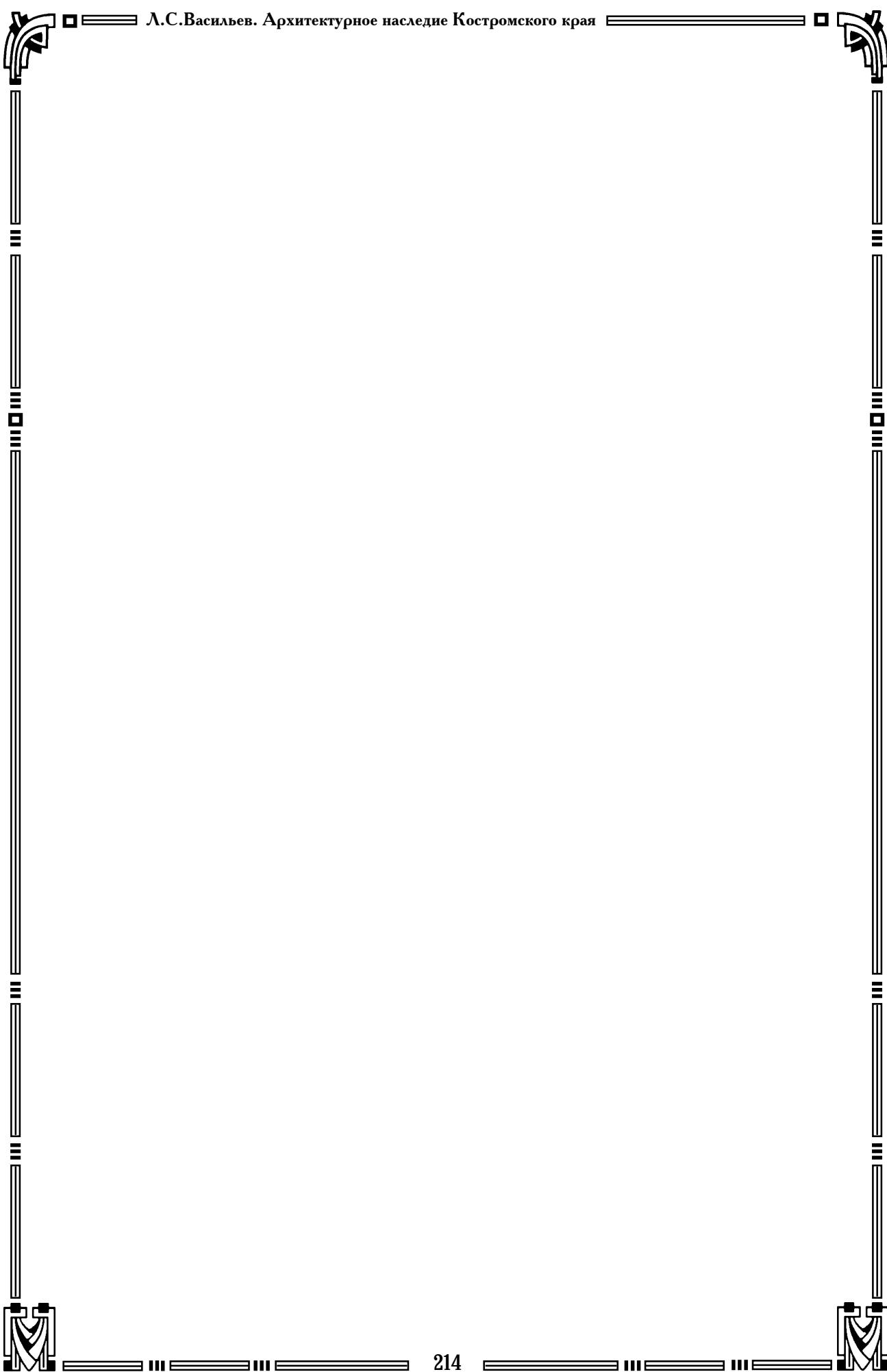
21. Макарьев. Успенская церковь Макарьево-Унженского монастыря

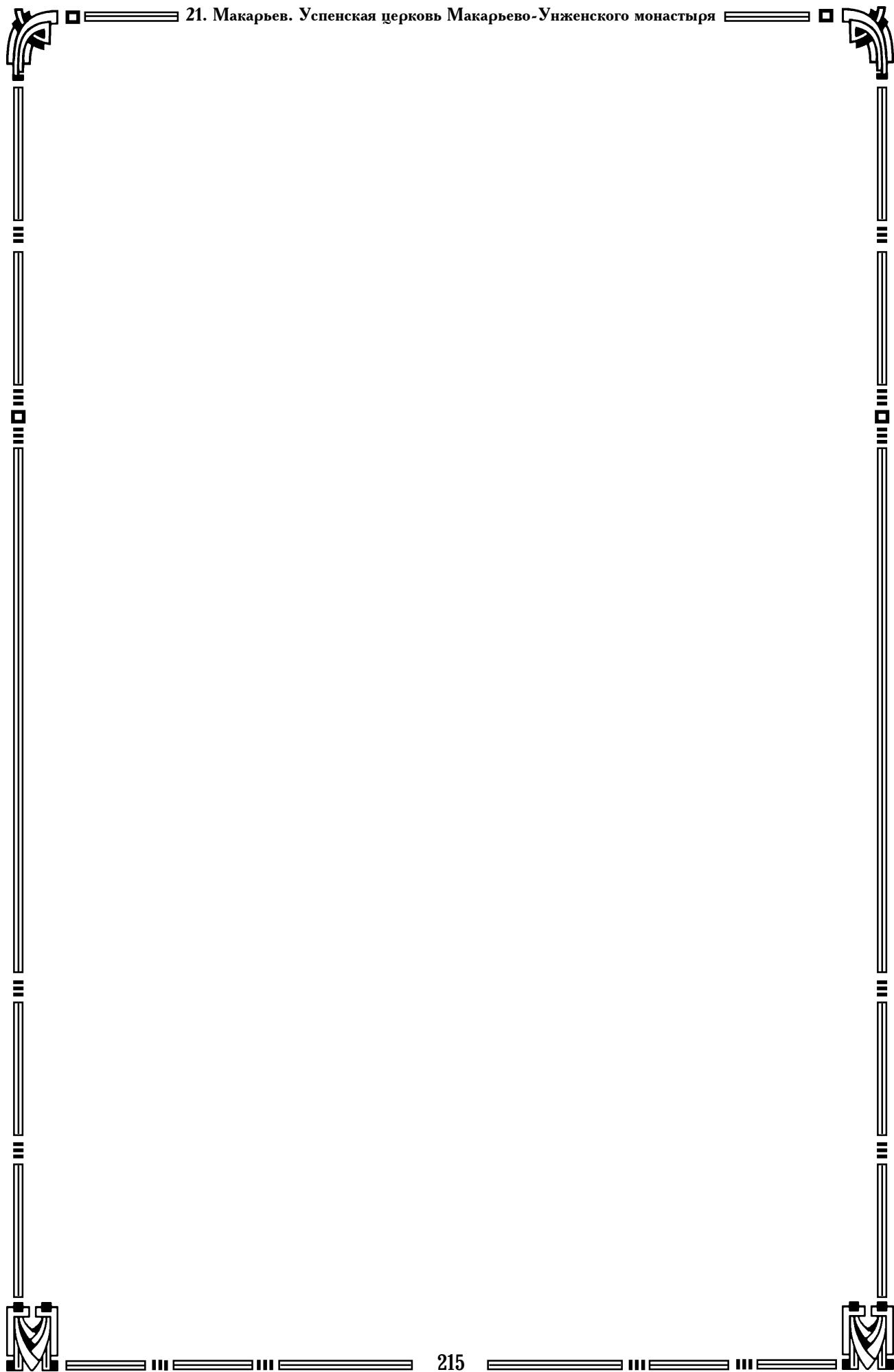

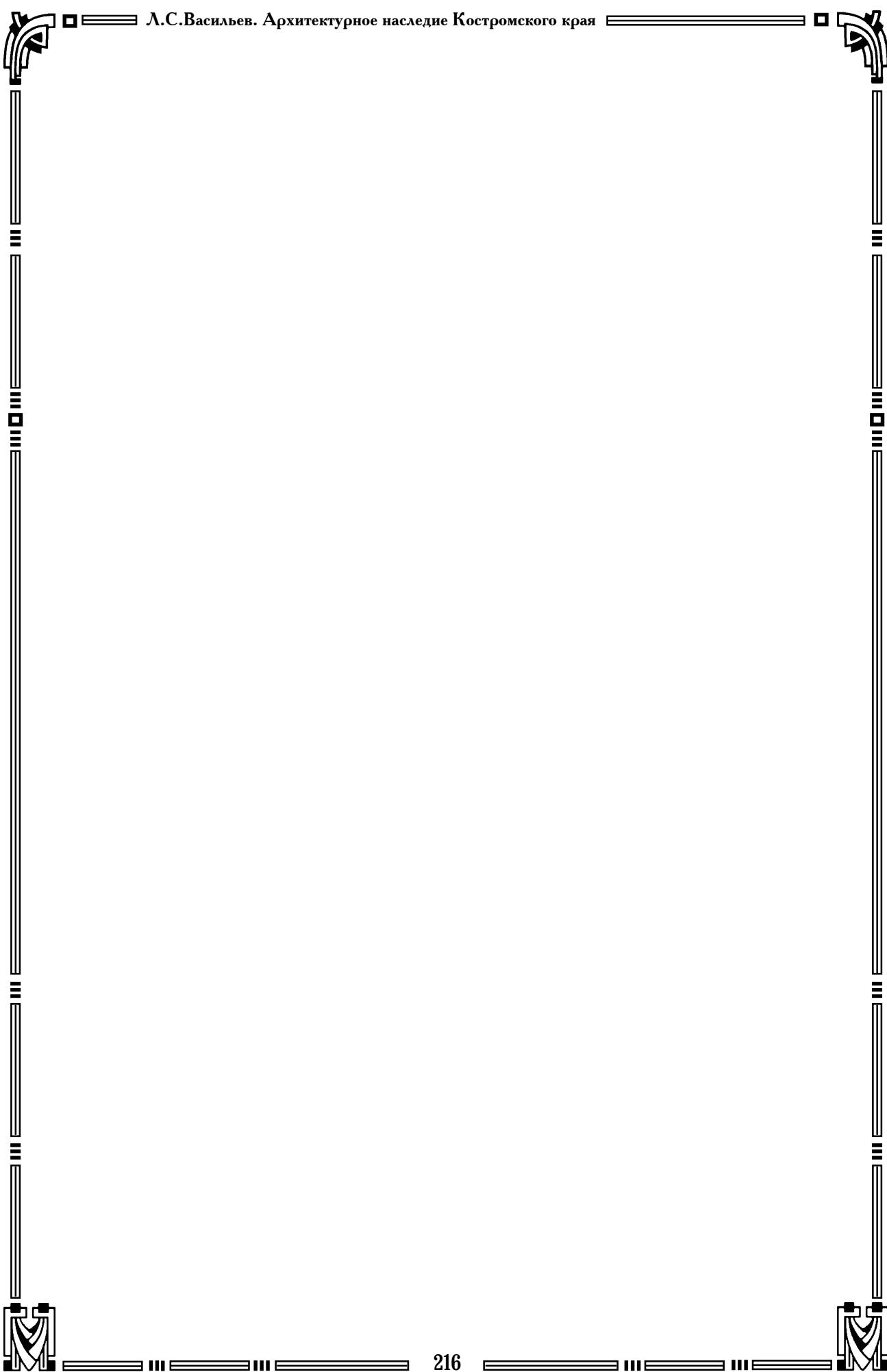
21. Макарьев. Успенская церковь Макарьево-Унженского монастыря

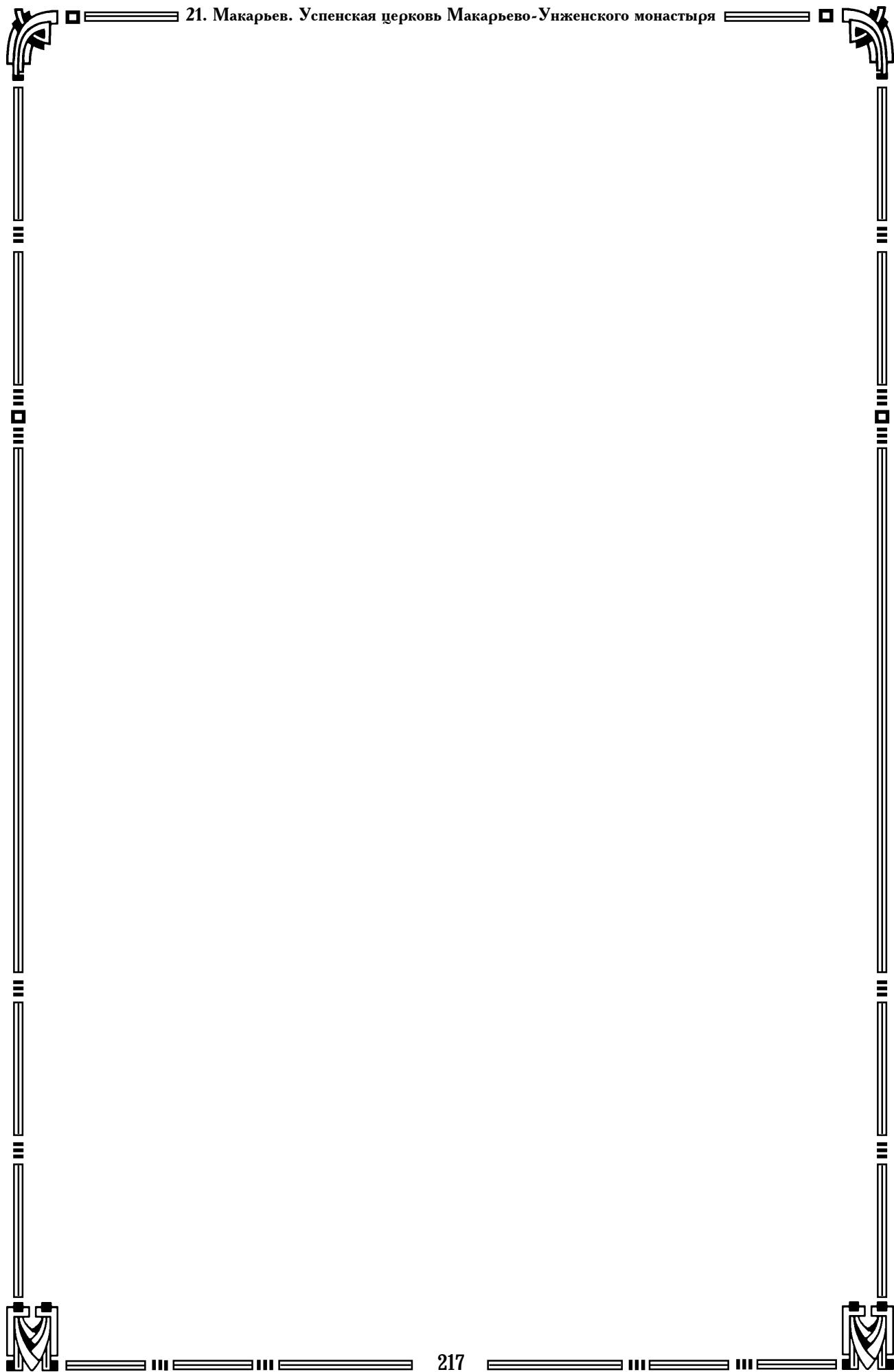

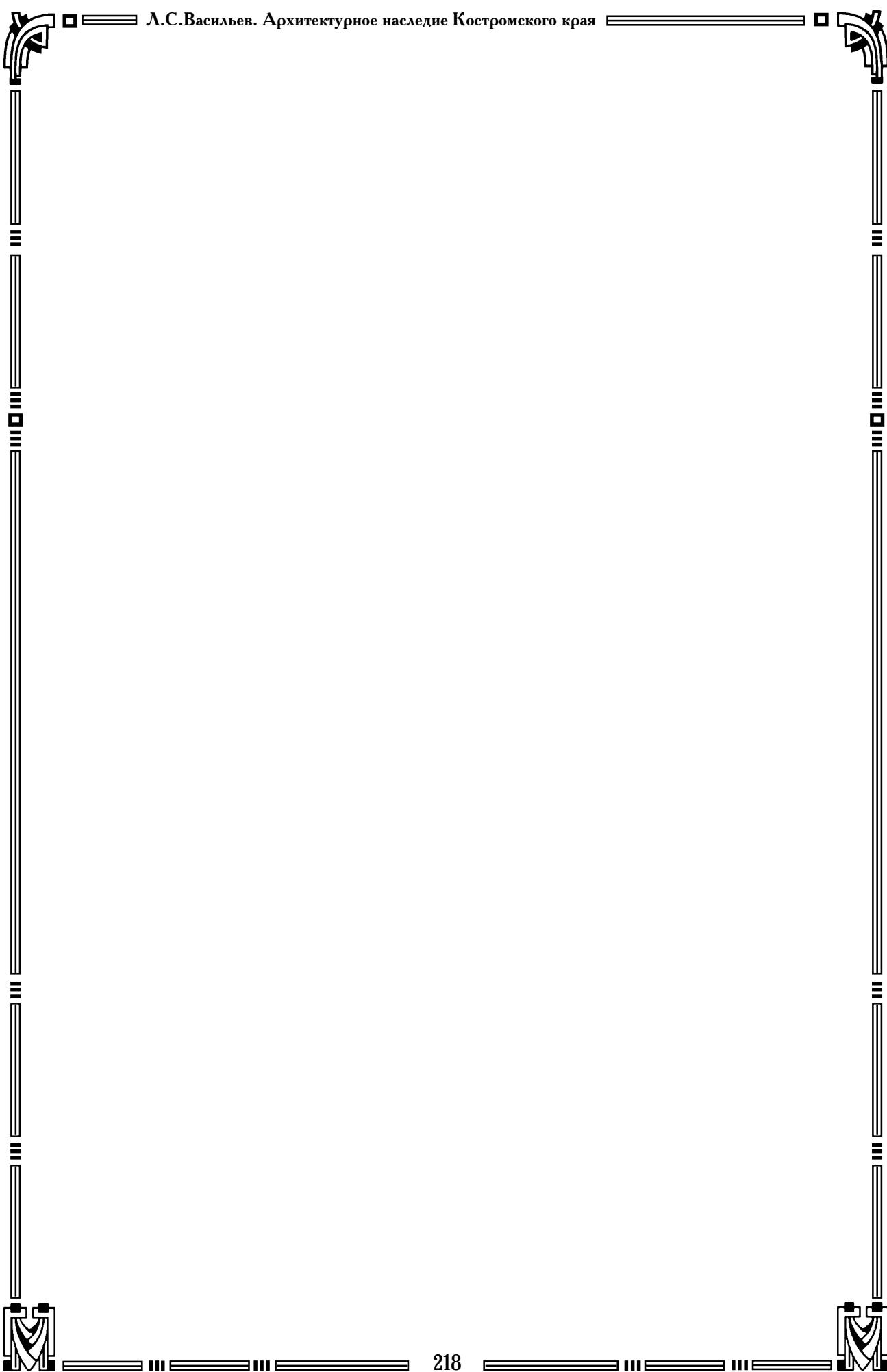
21. Макарьев. Успенская церковь Макарьево-Унженского монастыря

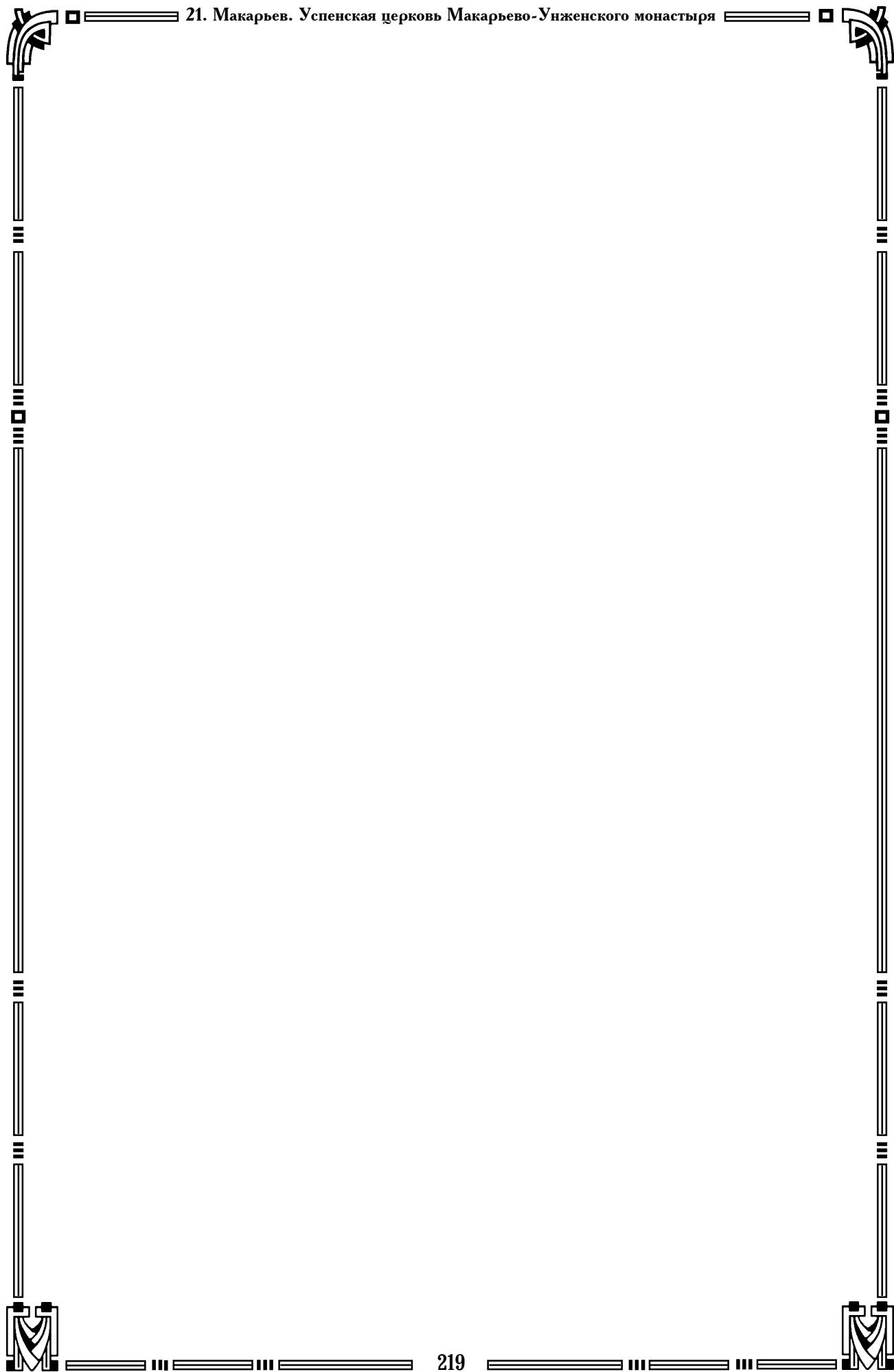

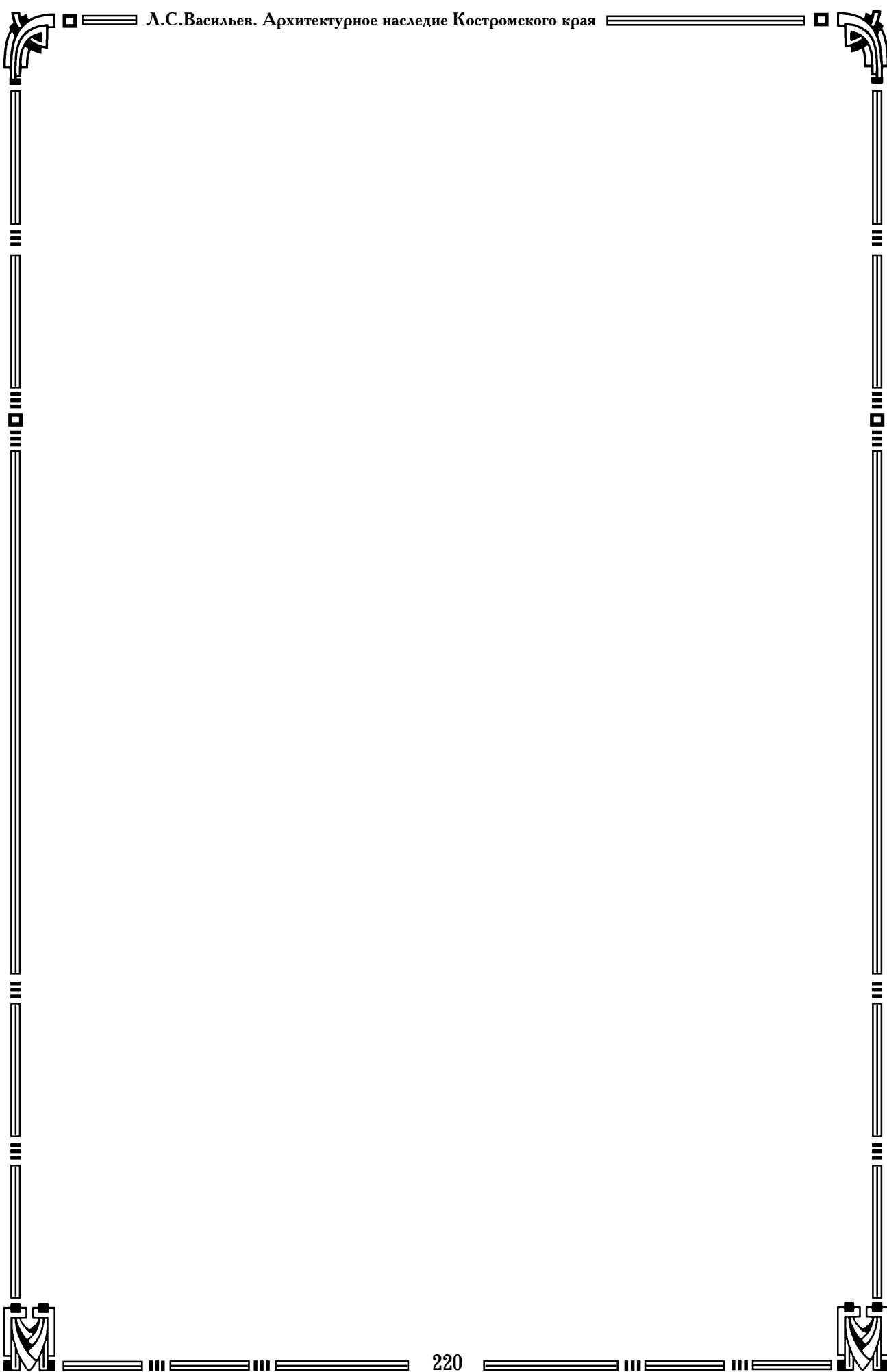
21. Макарьев. Успенская церковь Макарьево-Унженского монастыря

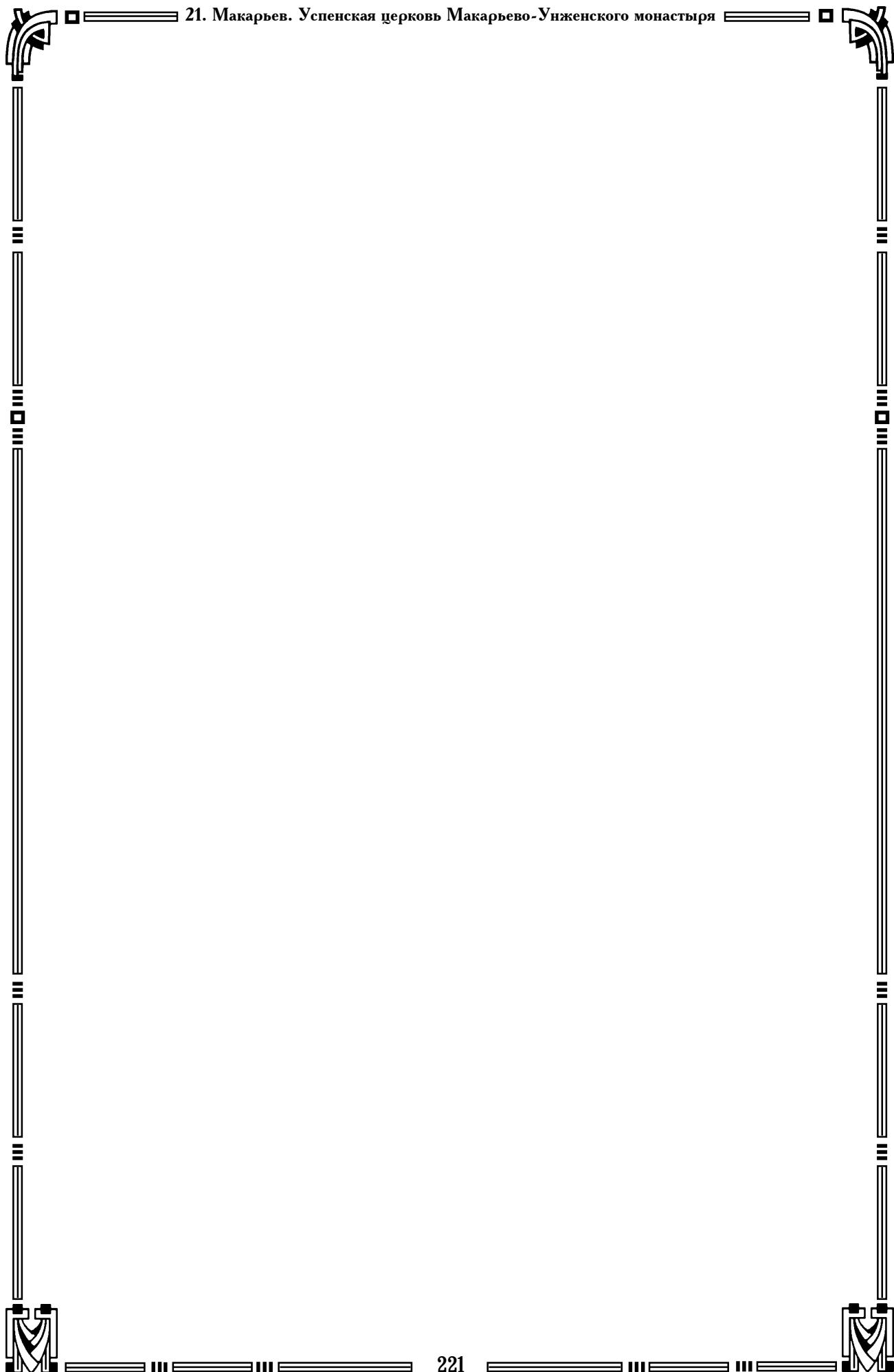

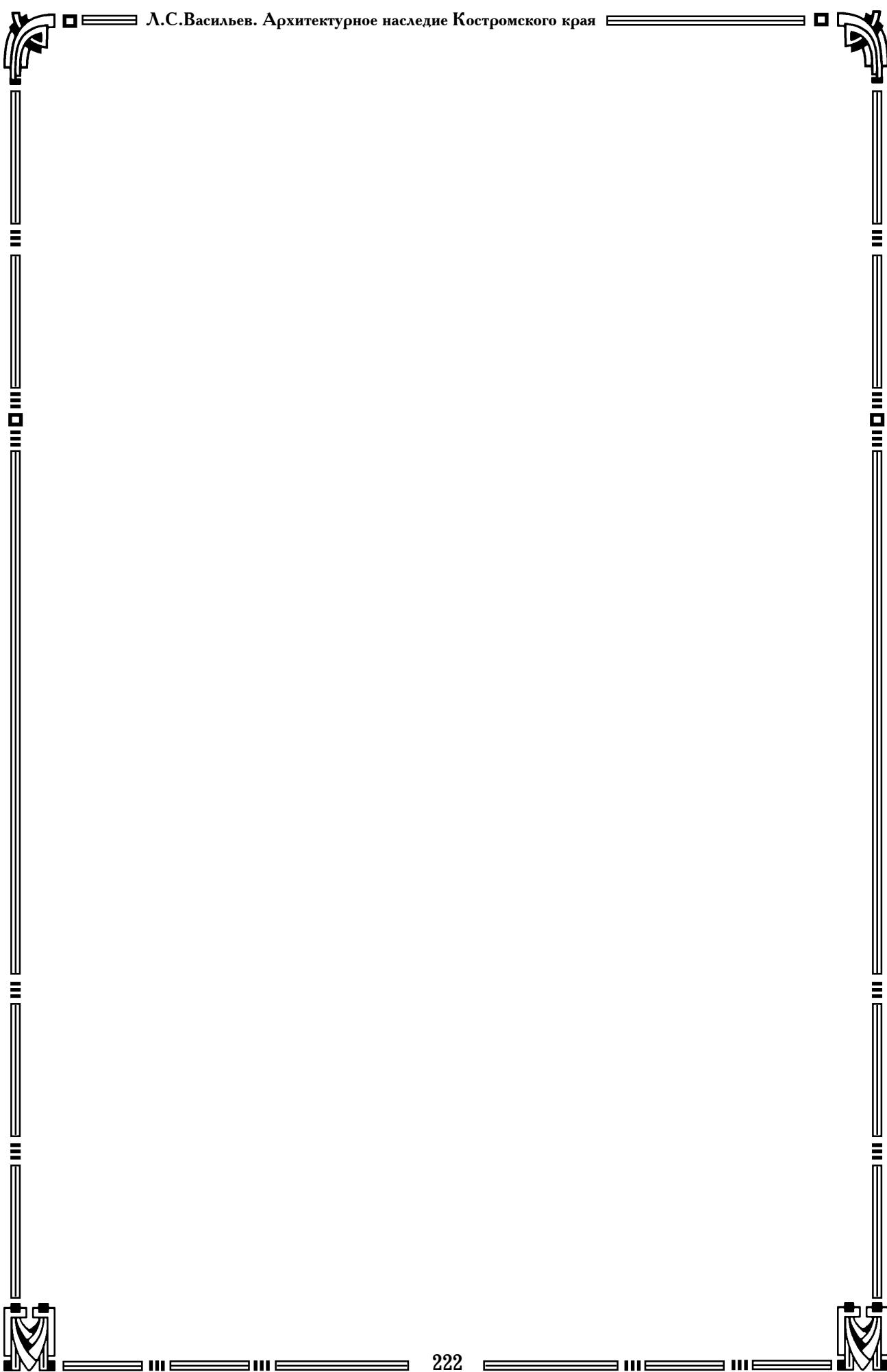
21. Макарьев. Успенская церковь Макарьево-Унженского монастыря

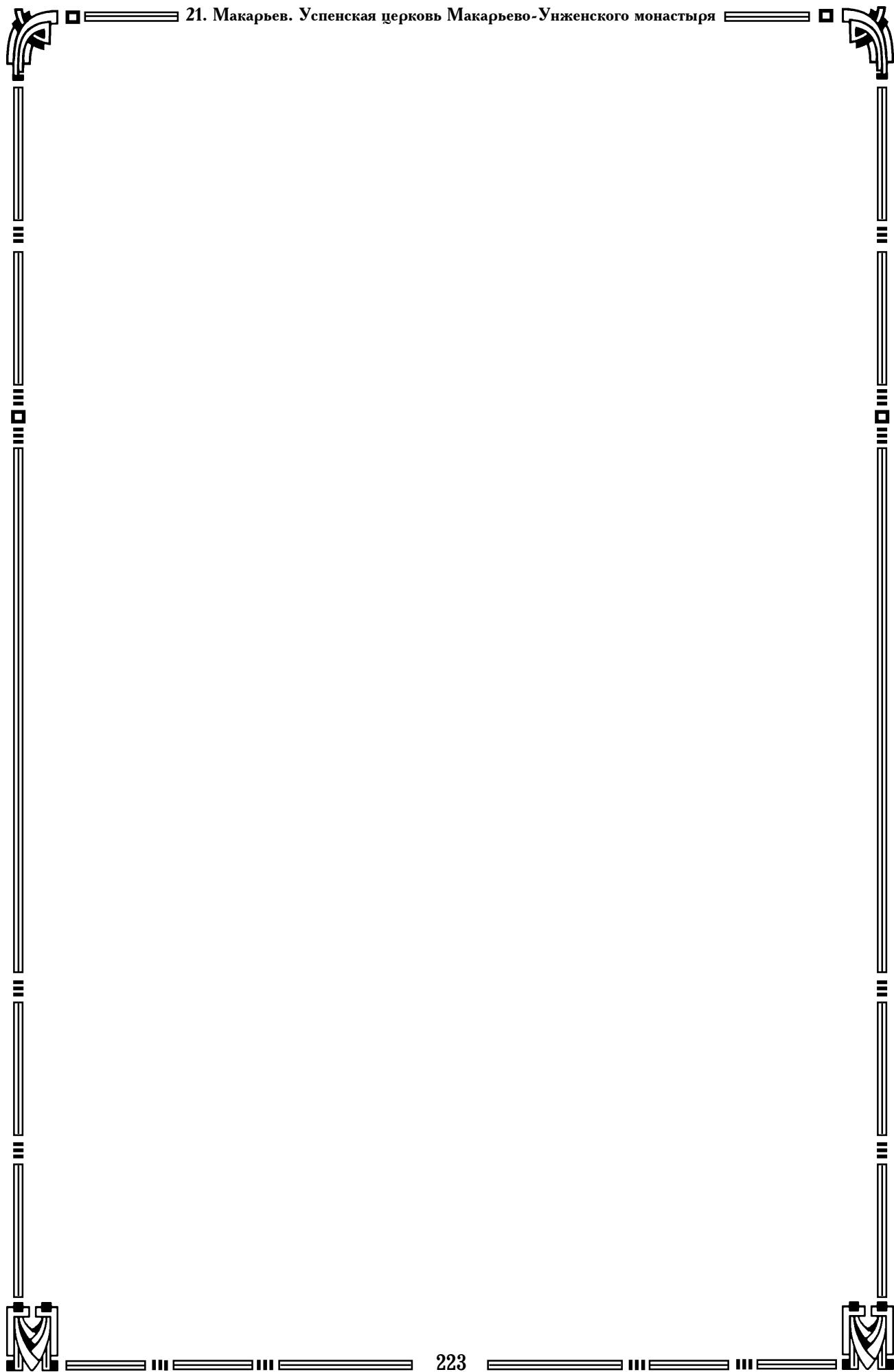

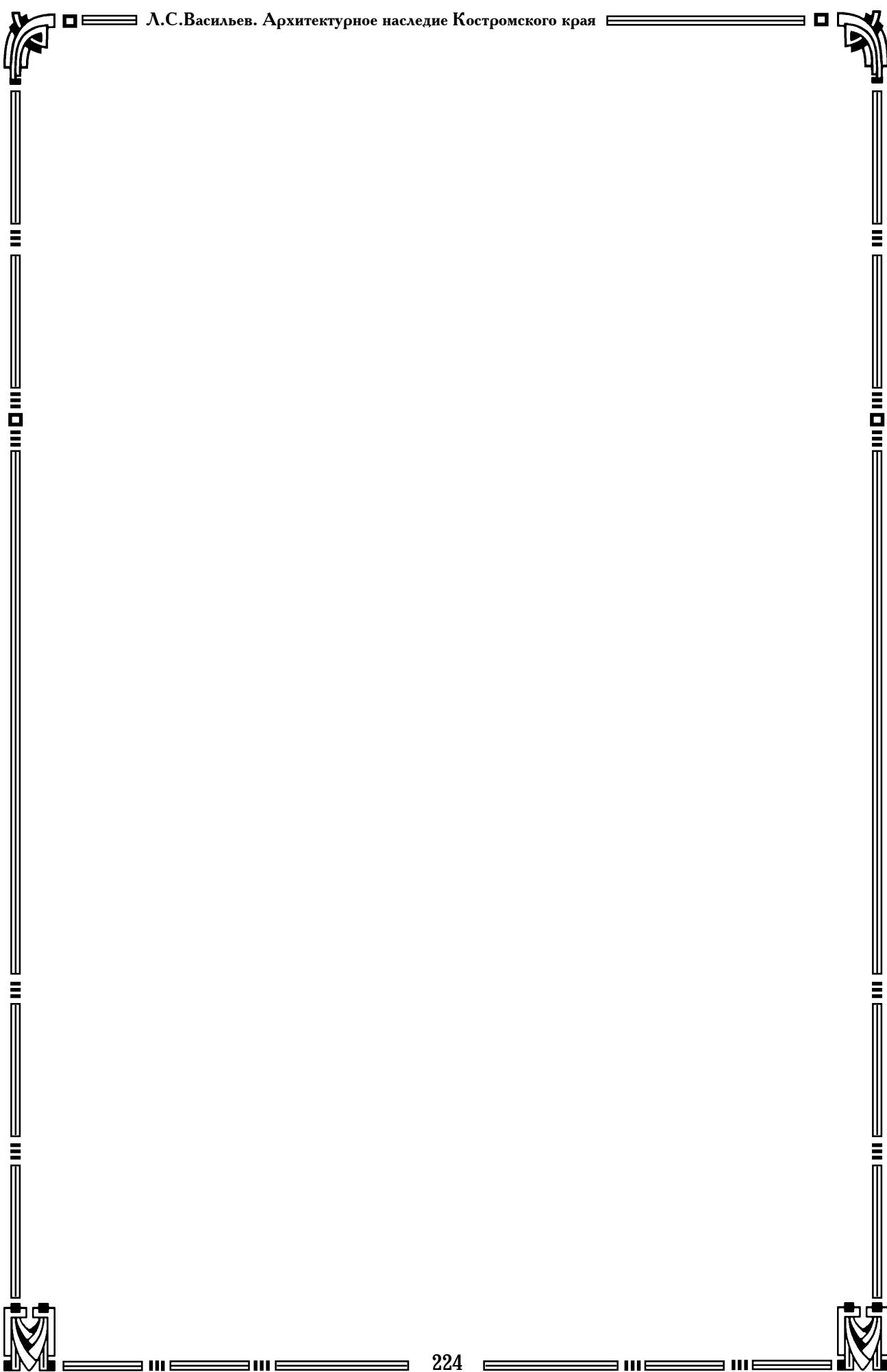
21. Макарьев. Успенская церковь Макарьево-Унженского монастыря

21. Макарьев. Успенская церковь Макарьево-Унженского монастыря

21. Макарьев. Успенская церковь Макарьево-Унженского монастыря

